

# Китовая эра



Софья Бекас

# Софья Бекас Китовая эра

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70289926](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70289926)*

*SelfPub; 2024*

## **Аннотация**

Старший брат Уол отправляется в научную экспедицию на поиски обезьяньей цивилизации, и Уон, который всегда мечтал увидеть её своими глазами, уговаривает брата взять его с собой...

# Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Утро, в которое Уон узнал о походе	6
Глава 2. Братья рассуждают о мечте	21
Глава 3. В добрый путь	37
Глава 4. На лавандовых полях	54
Глава 5. Водопад из детства Ойлэ	70
Глава 6. Владения Седого Графа	87
Глава 7. Уол рассказывает сказку про кита, который хотел уметь летать	105
Глава 8. Шахматные озёра и умерший порт	121
Глава 9. Полосатики и пятнистики	137
Глава 10. Просто звёзды	154
Глава 11. Госпожа сейвал	170
Глава 12. Таинственное завтра, или тот самый день, когда всё пошло не так	187
Глава 13. Воздушные киты и железные альбатросы	204
Глава 14. Смерть Бетельгейзе над Горбом Ауна	222
Глава 15. Вечер, в который киты попрощались с сушей	239

# Софья Бекас

## Китовая эра

*Посвящается китам. Отдельная благодарность моей учительнице биологии, которая сказала, что киты эволюционируют.*

1 августа 2023 – 13 января 2024

# *Предисловие*

*Дорогой читатель!*

*Я прошу тебя лишь об одном: воспринимай эту историю, как детскую сказку, ведь именно для них, для детей, она и была написана. Хорошо, если ты увидишь в ней взрослый посыл и поймёшь, что я хотела сказать, но если ты просто насладишься историей, я тоже буду рада. Книга рассчитана не только на детей, но написана именно для них, и я прошу оставить все взрослые вопросы за её пределами. А вот хороша история или нет, это уже решать тебе.*

*С уважением, Автор*

# Глава 1. Утро, в которое Уон узнал о походе

Уон никогда не отличался любовью вставать рано, а потому и сегодня, выйдя из кровати ближе к полудню, он надеялся встретить брата если не в хорошем настроении, то хотя бы в каком-то, потому что брат, в отличие от Уона, соней не был. Вместо этого он встретил на кухне только родителей. Без брата.

– Уол с самого утра на плавниках. Дали согласие на проведение экспедиции, он собирается.

Заспанный и ещё не до конца проснувшийся Уон не сразу вник в смысл слов мамы. На выходных они собирались всей семьёй отправиться к коралловым рифам, чтобы посмотреть на миграцию морских черепах, и поэтому Уон не понял, почему мама назвала их маленький поход экспедицией.

– Эх ты, соня! – добродушно воскликнул папа и потрепал Уона по голове. – Экспедиция, о которой говорил Уол, помнишь? Её одобрили вчера вечером. Прости, но поездку к коралловым рифам придётся отложить.

Уон протёр глаза и зевнул. Он всё ещё не совсем понял, что за экспедиция, зато с удивительной ясностью осознал, что миграцию морских черепах он не увидит. В противном случае, ему придётся смотреть её одному. Без брата.

Уон, по своей старой доброй привычке, уплыл обратно к себе в комнату. Зачем нужно было каждый день, встав с кровати, сначала выползать на кухню, чтобы пожелать всем доброго утра, а потом возвращаться к себе, и почему нельзя было выйти из комнаты один раз, без этих его двойных возвращений, Уон и сам не знал. Просто он чувствовал, что так было нужно, и всё, а зачем – это уже отдельный вопрос.

Уон выглянул в окно, посмотрел на мигающие огоньки города, проводил взглядом большой пузатый трамвай, заправил кровать, снова выглянул в окно и проводил взглядом ещё один трамвай. Зевнул. И только тогда до него дошло.

Одобрили экспедицию на сушу.

И брат собирается в неё.

Эта новость так его взволновала, что он, навернув пару эмоциональных кругов по комнате, чуть было не разбил хвостом рогатую ракушку с кораллом.

– Но почему он ничего не сказал мне? – расстроено спросил сам себя Уон, снова посмотрев в окно и проведив взглядом ещё один пузатый трамвай. Трамвай в общем и целом напоминал своих пассажиров: таких же больших и пузатых. – Он же знает, как я мечтал об этой экспедиции.

– Думаю, именно поэтому и не сказал, – ласково заметила мама в дверном проёме. – Ты бы тогда всю ночь не уснул.

«Ну да, не уснул, – подумал Уон, провожая взглядом ещё один пузатый трамвай, в котором, вполне вероятно, ехал его брат. – Можно подумать, я спал».

– Ты не знаешь, когда вернётся Уол?

– Он ничего не говорил мне, но, я думаю, к обеду появится.

– Хотелось бы, – вздохнул Уон и грустно проводил взглядом ещё один пузатый трамвай.

К обеду Уол тоже не пришёл. Уон прождал его весь день, от волнения и странной слабости в ластах не имея сил заниматься никакими делами, даже придумал убедительную речь, которую он скажет Уолу, когда тот вернётся, но каждый раз, повторяя её про себя, сбивался и в итоге придумывал новую. Когда же наконец в двери послышался знакомый скрежет ключа, Уон в волнении взмахнул хвостом и всё-таки задел рогатую ракушку с кораллом, которая от сильного удара в стену разбилась вдребезги.

– Ты, я вижу, времени зря не теряешь, – насмешливо сказал Уол, заглянув на шум в комнату брата. Уон пропустил колкость мимо ушей и сразу накинулся на Уола.

– Почему ты не рассказал мне про экспедицию? – обиженно спросил Уон и сложил плавники на груди: ему было действительно обидно, что он, вообще-то, брат, а узнал о ней не от Уола и наверняка в числе последних. По крайней мере, он так думал.

– Ну, во-первых, это был сюрприз, – добродушно протянул Уол, собирая осколки. – А во-вторых, как одобрили, так и озлобили: никогда не знаешь, чего ждать от этих старей-



шин.

– Так всё-таки, Уол?

Уол поджал губы и немного неловко отвёл глаза.

– Да. Твёрдое и железобетонное. Подтвердили сегодня.

– И когда?

– У нас уже всё готово, ждали только одобрения. Думаю, недельки через две отправимся.

Всё дело заключалось в том, что никто не верил в эту экспедицию: все относились к походу на сушу если не как к чему-то невозможному, то как к тому, на что никто и никогда не даст согласие. Как оказалось, дали. Вчера вечером.

Братья помолчали.

– Экспедиция на сушу – это так долго... – задумчиво сказал Уон.

– И опасно, – добавил Уол.

– Так интересно... – мечтательно протянул Уон.

– И опасно, – снова хмуро добавил Уол. Он знал, к чему клонит брат.

– Новый мир... Неизведанный, никем не тронутый...

– И опасный, – сказал, как припечатал, Уол. Уон, казалось, его не слышал.

– Тот, который я мечтал увидеть своими глазами...

– Уон, – строго сказал Уол, складывая плавники на груди крестом. – Я понимаю твоё желание. Да, это действительно интересно, не спорю. Но и опасно. Мы ступаем на абсолютно неизвестную нам территорию и не знаем, с чем там столк-

нёмся.

– Не такая уж она и неизвестная, – пробубнил Уон, обиженно отворачиваясь от брата. – Я пересмотрел все документальные фильмы про сушу и перечитал все научные книги. Я даже смотрел записи видеонаблюдения с внешних камер.

– Поэтому ты не спал всю ночь? Дочитывал очередную историю про приключения на суше? – усмехнулся Уол, читая название лежащей на столе книги. – Мир – это не фильмы, не книги и даже не записи видеонаблюдения, Уон. И жизнь там, поверь, гораздо ощутимее.

– Охотно верю, – фыркнул Уон, отвернувшись от брата к окну. За ним где-то внизу прополз ещё один пузатый трамвай. – Не маленький.

– Ну не обижайся, Уон, – Уол подплыл к брату и посмотрел сначала на него, потом в окно, потом снова на него. – Я всё понимаю. Правда, понимаю. Но рассуди здраво, осознай, какой это риск! Я всем сердцем верю, что в походе ты не будешь ныть и проситься домой, едва мы отплывём от города, но жизнь кита, какой бы долгой она ни была, одна.

– Вот именно, Уол, – Уон оторвался от вида за окном и с удивительной серьёзностью посмотрел брату в глаза. – Жизнь одна, и упустить шанс побывать на суше я не могу. Я себе этого просто не прощу.

Посчитав, что разговор окончен, Уон выплыл из комнаты и оставил Уола наедине со своей растерянностью. Наверное, в тот момент Уол впервые действительно увидел, что его ма-

ленький младший брат уже совсем не маленький.

– Что за шум, а драки нет? – добродушно пробасил папа с порога. Он видел, с какой угрюмой миной мимо него только что проплыл Уон.

– Уон хочет вместе с нами в экспедицию, – охотно пояснил Уол.

– А ты его отговариваешь? – догадался папа.

– А я его отговариваю.

Папа подплыл к Уолу.

– Вы уже у меня взрослые, – сказал он, встав у окна рядом с Уолом. – Вы оба. Решать, конечно, вам. Даже я бы сказал, тебе. Но подумай хорошенько: почему ты не хочешь, чтобы Уон шёл с тобой?

– Потому что я волнуюсь за него.

– Разумеется! И тем не менее, Уон подготовлен ничуть не хуже тебя, ведь ты сам его тренировал.

– Да, – мрачно заметил Уол. – Я сам его тренировал...

– Твоё волнение понятно. Это хорошо, что ты заботишься о брате. Но вспомни: мы же с мамой отпускаем тебя в походы. Во все твои экспедиции. Хотя волнуемся не меньше.

– Ты говоришь, как древний философ.

Помолчали. Папа повернулся к двери.

– Не будь категоричным, Уол. Когда тебе было столько же, сколько сейчас Уону, ты тоже ходил в походы.

– Уон буквально грезит экспедицией на сушу, – бросил Уол вдогонку папе. – Надеюсь, ты говоришь это не из-за того,

чтобы помочь ему осуществить мечту?

Папа остановился и вздохнул.

– Тут дело даже не в мечте, – сказал он через плечо. – Тут дело в тебе: твой брат такой же взрослый, как и ты.

«Он младше меня на шесть лет», – хотел было привычно возразить Уол, но осёкся. И ничего не сказал.

Уол нашёл Уона в своей комнате, то есть не просто в своей, а в своей собственной – в комнате Уола. Уон угрюмо складывал на его кровати вещи и пыхтел, как вулкан. Когда Уол заплыл в комнату, Уон только бросил на него короткий угрюмый взгляд и запыхтел ещё сильнее; Уол, в свою очередь, бросил взгляд на сложенные на его кровати вещи.

– Зачем тебе в экспедиции компас? – спросил Уол, опускаясь на стул. Уон удивлённо обернулся.

– Чтобы знать, где север.

– А зачем тебе карта?

– Чтобы не заблудиться.

– А если карта и компас потеряются? – прищурился Уол.

– Буду плыть по течению до большой воды. Там найдусь.

– А если не будет воды?

«Как это – не будет?» – чуть не вырвалось у Уона, но он сдержался.

– Буду ползти, пока не найду воду. Даже если для этого придётся обогнуть весь водный шар.

Уол немного грустно вздохнул и на мгновение опустил

глаза, но уже через секунду снова поднял их на брата.

– Ты готов вставать каждый день не позже шести утра?

– Да.

– Не провожать взглядом трамваи за окном?

– Да.

– Питаться, как наши предки, одним планктоном?

«Без морских ежей с рагу из водорослей?!» – промелькнула у Уона паническая мысль и сразу исчезла.

– Да.

– Плыть сквозь лёд и кипяток?

– Да.

– Разочароваться в своей мечте?

Уголки губ Уона, которые до этого расплылись в широкую улыбку, медленно опустились.

– Зачем ты это спросил?

Уол вздохнул и поднялся со стула.

– Мечта – это прекрасно, Уон. Но ты должен быть готов к тому, что всё окажется не так, как ты представлял.

– Понимаю, – тоже вздохнул Уон и ткнулся широким лбом в плечо брата.

– Ну, так что?

Бурк.

– Не слышу, – хитро переспросил Уол.

– Да...

– А что так неуверенно? Что, уже не хочешь в поход?

– Да!

Уол улыбнулся и крепче обнял брата.

– Это не обязательно, Уон.

– М? Ты о чём?

– Не обязательно разочаровываться в мечте. Просто будь к этому готов.

– Хорошо.

– Но всё равно виноват буду я, да? – со смехом спросил Уол.

– Ну разумеется.

– Тогда, будь так добр, перетащи все свои вещи с моей кровати на свою. Я сегодня весь день на плавниках, и убирать за тобой мне как-то неохота.

Уон переносил вещи весьма и весьма неспешно, как в замедленной съёмке, так что прошло ещё немало времени перед тем, как Уол смог наконец лечь на кровать, подвинув хвостом оставшуюся половину куда-то в сторону (может быть, даже на пол), и блаженно растянуться во всю длину.

– Да, чуть не забыл спросить, – крикнул Уол куда-то в коридор, куда уплыл брат. – Ты готов к тому, что, когда мы вернёмся из экспедиции, у тебя появится брат или сестричка?

Уон вернулся в комнату на удивление быстро.

– Что, прости?..

Уол фыркнул куда-то в стену.

– Очень смешно, – мрачно сказал Уон и снова уплыл.

– А что? С тобой так и было!

Уон в своей комнате подозрительно нахмурился и прищу-

рился, но промолчал. «Тоже мне математик. В шесть лет он в походы ходил, ага, конечно. Под стол разве что, и то с трудом», – только и подумал он.

– Почему ты вдруг решил взять меня с собой? – спросил Уон, возвращаясь в комнату брата. Тот пожал плечами и потянулся.

– Да я вспомнил, что Иен тоже берёт свою сестру... Подумал, чем мы хуже.

– И правильно – ничем.

– Ну и ещё, ведь это наша общая мечта, мечта на двоих... Было бы нечестно не разделить её с тобой.

– Конечно.

Уол тихо хохотнул.

– А ты и рад.

– Ну разумеется – сам же сказал, что это наша общая мечта.

– Мда... – Уол заложил плавники под голову и скосил глаза в сторону, где во всю стену висела большая карта. На голубом фоне был нарисован относительно большой неровный круг песочного цвета, а рядом с ним – много-много точек, обозначающих города. – Как думаешь, как оно там – на суше?

– Думаю, красиво. По-своему, непривычно, но красиво.

– А ещё жарко. Жарче, чем в воде.

– Угловато, пожалуй.

– И тяжело.

– Да, тяжело, это точно.

– Ярко.

– Разноцветно.

Уол хмыкнул.

– С коралловыми рифами не сравнится.

– Ты, кстати, сорвал нам поездку, ты же знаешь?

– Да, с миграцией морских черепах придётся подождать...

Медленно, кстати.

– М?

– На суше медленно.

– А, да. И неизвестно.

– Неизвестно... – задумчиво повторил Уол и легонько подбросил широким хвостом рогатую ракушку: та плавно поднялась вверх и так же плавно опустилась.

– Не надо, я и так разбил сегодня одну, – чуть нахмурился Уон. Он сел прямо на стол брата и ссутулился. – Так странно...

– Что странно?

– Мы были в космосе, но не были на суше, – Уон принялся отковыривать с поверхности стола своим длинным синим пальцем ракушки, оставшиеся после мидий. – Побережье не считается. Почему так?

– Наверное, потому что космос – это огромный чёрный океан, – чуть подумав, сказал Уол. – Там движется легко и свободно, а на суше... На суше сухо, кстати.

– Да. И совсем нет воды.



– Ну да. Поэтому она и суша. Хотя вода там всё-таки есть – не так много, как в океане, конечно, но узенькие дорожки имеются.

– Интересно, а это правда, что вода на земле какая-то не такая, как в океане? – спросил Уон и задумчиво пустил несколько пузырей. Те поднялись вверх тонкой дорожкой, столпились под потолком и вскоре лопнули.

– Ага, – кивнул Уол с кровати. – Пресная. Она тоже тяжёлая, как и суша. В ней плавается с трудом, как будто тебя что-то вниз тянет.

– Сильно?

Уол пожал плечами.

– Да не то чтобы, – он повернулся на правый бок лицом к брату. – Просто немного необычно в первый раз, но потом быстро привыкаешь. Не сказать, что ты прям тонешь и не можешь выплыть, но разница ощутима.

Уол знал, о чём говорил: он уже два раза ходил в поход к реке у северного берега. Река была широкая, но короткая и вскоре терялась где-то в горах, где у неё были истоки. Далеко киты не продвинулись, да и цели таковой не было – скорее изучали воду. Уон бы тоже пошёл с братом, если бы не купался накануне в грозу и не заболел.

– Мда... – грустно протянул Уон, вспоминая свой несостоявшийся поход. Ему потом ещё где-то неделю нельзя было есть мороженое.

– Не расстраивайся, будет у тебя ещё возможность попла-

вать в пресной воде, – кивнул ему с кровати Уол и перевернулся обратно на спину. Уон кивнул.

Помолчали.

– Как думаешь, сколько продлится наш поход? – спросил Уон.

Уол задумчиво погладил подбородок с синеватыми усами и слегка пожал плечами.

– Даже не знаю, если честно.

– Ну хотя бы примерно.

– Хотя бы примерно... – медленно повторил Уол, чуть прищурившись. – Ну где-то недели две с половиной. Может, три. По крайней мере, на такой срок всё рассчитано, но, поверь моему слову и опыту, обычно эти цифры не совпадают.

– Три, значит, – кивнул сам себе Уон и задумался.

– Но скорее всего больше, – твёрже повторил Уол.

– Не так уж это и долго – чуть меньше месяца.

– Да, но, возможно, пройдёт и месяц, и даже не один. Не три недели.

– Ну три так три, – в итоге заключил брат и посмотрел в окно: там быстро проплыл мимо большой пузатый трамвай. Уол только вздохнул.

– Поздновато уже. Тебе не пора спать? – переключился на другую тему Уол. Уон с удивлением глянул на большие часы.

– Какое «поздновато»? Рано ещё!

– Да? – хитро переспросил Уол. – А если я скажу, что разбужу тебя завтра в шесть?

– Шесть чего?

– Утра, конечно же!

– Ладно, понял. Плыву спать.

– Да-да, именно спать.

– М? – не понял Уон, обернувшись уже у двери. Уол усмехнулся себе в усы.

– Спать, а не дочитывать очередную интересную книгу про путешествия на суше.

– Ну разумеется.

– Я зайду, проверю. И ты бы завязывал с ними, по-хорошему.

Уон, уже успевший выйти за порог, заглянул обратно в комнату.

– Это почему?

Уол поджал губы.

– Ничего не имею против литературы: то, что там пишут, конечно, замечательно, классно, интересно, но не всегда правдиво. А раз ты собираешься в настоящий поход, нужно плыть в него с трезвой головой.

Уон вздохнул и вернулся в комнату.

– Это из серии «будь готов разочароваться в своей мечте»? – спросил он, присаживаясь на краешек кровати рядом с братом. Тот подвинулся.

– Ну да. А то знаешь, глупо получится... Будешь ждать встречи с какими-нибудь земными китами, а в итоге не встретишь никого, кроме чаек и альбатросов.

– Ну, земные киты – это уже перебор, – хохотнул Уон.

– Да? А я ждал когда-то... – уголки губ Уола грустно опустились в каком-то странном, исключительно китовом спокойствии и смирении. Уон тоже перестал улыбаться и посмотрел на брата.

– Прости, я не знал.

– Да нет, ничего, – отмахнулся Уол. – Сам знаю, как это глупо.

– Отчего же? – Уон лёг рядом и стал вместе с ним рассматривать карту на стене. – Мы же не были на суше – там, в самом её сердце. Откуда ты знаешь, вдруг там правда земные киты? А мы просто их не видели.

– Кто знает, кто знает... – просто согласился Уол и медленно выдохнул полной грудью: вереница толстых воздушных шариков поднялась к потолку и вскоре растворилась. За окном пробежал большой пузатый трамвай.

## Глава 2. Братья рассуждают о мечте

– Уон! Уон, вставай!

– ХМММ...

Уон сонно нахмурился и перевернулся на другой бок. Кто-то слегка потряс его за плечо.

– Уо-он! И как ты собрался идти в поход, соня?

Бурк.

Кто-то попытался перевернуть его на спину, на что Уон накрылся одеялом с головой. Некоторое время было тихо, и Уон даже успел провалиться обратно в толщу сна, как вдруг его снова потрясли за плечо, причём на этот раз значительно прибавили силы. Уон не остался в долгу и, выпутавшись из-под одеяла, лихо двинул кому-то локтем в грудь. Последовал сдавленный вздох и тихое шипение.

– Вот же ж!.. Неплохо, братец. В походе точно сможешь постоять за себя.

«В каком... походе?..» – медленно, словно рыба-луна, проплыла мысль в голове Уона. Сон, который начал ему сниться, уже отступил, и теперь он скорее лежал с закрытыми глазами. Но вставать упорно не хотелось.

– Пора бы восстанавливать режим – ты, небось, уже и забыл такое слово. Давай-давай, потом пораньше ляжешь.

Уон всё-таки перевернулся на спину и сонно посмотрел на того, кто его будил. Перед глазами появилось слегка размытое лицо Уола.

– Мне приснилось, или я тебя ударил? – вяло спросил Уон, протирая глаза. Уол хмыкнул себе в усы.

– Да, заехал мне локтем в грудь со всей силы. *Братишка*.

– Ну извини, – без особого энтузиазма промямлил Уон и снова закрыл глаза. Заснуть ему не удалось.

– Нет-нет-нет, не спать, не спать! – голос брата звучал над ухом непозволительно близко. Хотелось уменьшить громкость – желательно, на ноль. – Давай, Уон, возьми себя в руки! А то не пойдёшь в поход!

«Поход».

– Что?! Нет, я уже иду, – Уон резко сел в кровати. От такого неожиданного подъёма в глазах всё потемнело и поплыло, отчего он невольно съехал на плечо брата. – Который час?..

– Ну... Утро, – уклончиво ответил Уол, пытаясь скрыть хитрую усмешку. Уон подозрительно нахмурился и посмотрел на часы.

– Сколько?!!

– Тссс! Родители спят!

– Уол, ты нормальный?! – пропустил мимо ушей просьбу брата быть тише Уон. – Четыре утра!

– Ты в походе то же самое будешь мне говорить?

– В походе я буду вставать по мере необходимости, хоть в четыре утра, хоть в пять, а сейчас дай поспать.

Уон уже было отвернулся от брата к стене, чтобы продолжить свой законный сон, но не тут-то было.

– Пойдём грозу смотреть. Потом спи, сколько влезет.

Уон задумался. Знал ведь, чем подкупить. Паршивец.

– А что там? – спросил он, перевернувшись на другой бок лицом к Уолу. Тот спокойно улыбался, без всякой хитринки во взгляде. – Правда гроза? Настоящая?

– Да.

– А ты откуда знаешь?

– Так по новостям ещё вчера утром сказали, что сегодня будет шторм. Ты где был? Ах, да...

– ...Спал.

– Соня.

– Ну да, соня, и что? – насупился Уон, с головой заворачиваясь в одеяло, как в плащ. Теперь из одеяла торчала только его синяя голова.

– Да уж гроза вся закончится, пока я тебя будить буду, – хмыкнул Уол. – Представляешь, мимо будут идти земные киты, а ты их не увидишь, потому что я до тебя добудиться не смог?

– Нет, – хмуро буркнул Уон и всё-таки сел. Спать хотелось очень, но ещё очень хотелось посмотреть грозу. Уол поднялся с кровати и выплыл из комнаты.

– Ну ты идёшь, нет?

Уол не обманул, и наверху действительно была гроза.

Шторм, если быть точным. Братья вынырнули из глубин океана и, прикрыв глаза, глубоко вдохнули солоноватый морской воздух.

– Хорошо... – прошептал Уон и посмотрел в тёмно-серое небо: там быстро-быстро плыли большие тяжёлые облака и иногда сверкали молнии.

– Хорошо... – согласился Уол. Они оба любили грозу. В детстве родители часто ругали их за то, что они тайком уплывали на поверхность во время шторма – мол, опасно. Потом они выросли, и родители их больше не ругали. Только тихо беспокоились.

– Погоди-ка, – вдруг нахмурился Уон. – В прошлый раз я заболел после грозы и поэтому не пошёл в поход к пресным водам. Ты, случайно, не за этим меня сюда привёл?

Уол сначала непонимающе нахмурился, а потом тихо засмеялся.

– И в мыслях не было, если честно.

– Честно-честно?

Уол снисходительно выгнул бровь.

– Я тебя хоть когда-нибудь обманывал?

«Ну, вообще-то да», – синхронно подумали оба, но предпочли тактично промолчать.

Уон снова посмотрел на тёмное небо.

– Как думаешь, а есть воздушные киты?

– А вон те, – показал головой Уол на большие облака, бегущие по небу, – чем не киты?



– Ну... – скривился Уон. – Киты, конечно, но я имел в виду настоящих.

– Кто их знает, – пожал плечами Уол. – Может, живут где-нибудь в горах, куда мы ещё не добрались, и тоже думают, а есть ли водные киты.

– Наверное, – легко согласился Уон. – Поплыли к берегу? Если Вы думали, что Уон и Уол живут в открытом океане вдали от суши, то абсолютно правы. Под берегом Уон имел в виду гряду мелких островов, на которых не жили даже чайки и на которых едва ли поместилось больше десяти китов.

Плыть сквозь высокие сильные волны было тяжело и весело одновременно. Уол то и дело фыркал, когда вспененная вода попадала ему в рот, отчего Уон заливался смехом, и тогда Уол фыркал громче, чем ещё сильнее веселил Уона. Так они доплыли до гряды.

Это место так и называлось – Сизая Гряда. Сизой она называлась потому, что в любую погоду и в любое время суток была какого-то серо-буро-малинового цвета, а грядой она называлась потому, что несколько абсолютно необитаемых крохотных островков, которые и островками-то сложно было назвать, выстроились тут в одну линию.

– Знаешь, я слышал легенду, что это на самом деле кит, – сказал Уон, улёгшись на мелководе рядом с братом: они лежали на половину в воде и пускали ртом большие пузыри.

– Правда? Не знал.

– Ага, – хлопнул Уон куда-то в воду. – Когда-то давно

жил на свете кит, который был великим путешественником. Он обплыл все моря и океаны. И тогда ему стало мало воды: он захотел выйти на сушу. Но это не понравилось большому небесному киту, и он сделал так, чтобы великий путешественник устал. Он был уже совсем близко к суше, как вдруг его сморил сон, и он лёг отдохнуть... Но так и не проснулся. Время шло, волны занесли его песком, и он превратился в Сизую Грядку.

– А почему большой небесный кит не захотел пускать путешественника на сушу?

Уон пожал плечами.

– Не знаю. Может, не хотел, чтобы два его творения встречали друг друга.

– Почему?

Уон недовольно фыркнул.

– Почему, почему... Я, что ль, сказку эту придумал?

Уол добродушно хохотнул себе в усы.

– Нет, ну а правда? – спросил он, перевернувшись на бок. – Почему бы небесному киту усыплять путешественника? Это же его творение! Тем более такое выдающееся. Мне кажется, ему стоило бы гордиться им...

– Может, небесный кит не любил путешествия и всё, что с ними связано.

– А может, он не хотел, чтобы один вид вытеснил другой? Это больше похоже на правду.

– Ты говоришь как учёный, – хмыкнул Уон.

– Ну а я кто? Не учёный? – удивился Уол.

– Ты учёный, а это сказка. Вот и всё.

– В каждой сказке есть доля правды... – задумчиво протянул Уол и посмотрел вдаль: над серым горизонтом, где уже прошла гроза, занимался блёклый сизый рассвет.

– Как думаешь, мы встретим *их*? – тихо спросил Уон, тоже поглядывая на небо между островками. Гроза сбавила свои обороты, и теперь из облаков на братьев мелкими слёзками падали пресные капельки, да кое-где ещё порывкивал гром. Только море не унималось.

– Их – это кого? – не понял Уол.

– Ну... *их*.

– Ты про разумных обезьян?

Уон коротко кивнул.

Все киты, даже не учёные, знали про цивилизацию разумных обезьян. Подтверждения её существования находили учёные со всех уголков океана, а вот вымирания – нет.

– Не знаю, Уон, честно, – со вздохом сказал Уол. – Вероятность очень мала, так что не надейся напрасно.

– Опять ты за своё, – фыркнул Уон. – Не читай, не мечтай, не надейся, не фантазируй...

Уол усмехнулся куда-то в воду.

– Я просто реалист и учу тебя тому же, раз ты идёшь по моим следам.

– Паршивый какой-то из тебя реалист выходит, если честно, – обиделся Уон. – Учитель тем более.

– Прости, – легко улыбнулся Уол. – Я по привычке.

– По привычке становишься паршивым учителем-реалистом?

– Можно и так сказать.

Помолчали. Оба с удовольствием подставили лица прохладному осеннему дождю и теперь слушали отдалённые помягчевшие раскаты грома в небе, казавшемся им тогда таким низким. А ещё оба думали о цивилизации разумных обезьян, и что-то таинственное окутывало их сердца, как окутывает туман едва заметное с воды и такое далёкое побережье.

– Вообще-то мечтать полезно, – сказал вдруг Уол. – В конце концов, именно поэтому мы и идём в поход.

– Всё ещё не могу поверить, что ты так быстро сдался.

Уол грустно улыбнулся.

– Да я и не особо боролся, если честно. Конечно, я хочу видеть тебя рядом – удивительно, как ты этого не понимаешь. В каждом походе, поверь. Просто... Наверное, я слишком боюсь, что как-то не оправдаю твоих ожиданий.

– Ты о мечте?

– Ну разумеется – о чём же ещё? – вздохнул Уол. – Мечта – это хорошо. Мечта – это прекрасно. Но мечты не всегда сбываются.

– Опять...

– Да-да, прости. Я постараюсь больше не говорить об этом, просто... Знаешь, так хочется, чтобы мечта сбылась.

Правда, всем сердцем хочется! Я ведь тоже мечтаю их увидеть!

– Их – это кого?

– Разумных обезьян. Хотя бы увидеть... Это же так... Так... Не знаю, как, мне не хватает слов.

– Да, было бы здорово, – тоже вздохнул Уон. – Подумать только, другая цивилизация...

– ...Которая существовала рядом с нами...

– ...И, возможно, существует до сих пор.

Оба синхронно вздохнули. Что-то большое и необъятное вдруг встрепенулось в их душах от этих слов.

– Просто, понимаешь... – снова заговорил Уол. Уон устало цыкнул и закатил глаза.

– Уол, давай ты сейчас выскажешь свои мысли по этому поводу в последний раз, и в походе я их больше не услышу.

– Хорошо, – легко согласился Уол. – Понимаешь, когда ты всё время готовишься к худшему и это худшее всё-таки случается, принимать его не так больно, как если бы ты... Если бы...

– Надеялся на лучшее? – подсказал Уон.

– Именно.

Уон хмуро кивнул.

– Всё. И больше об этом ни слова, договорились?

Уол слабо улыбнулся.

– Договорились.

Они ещё немного повалялись в воде, ловя собой высокие

вспененные волны и пуская ртом пузыри. Походило на маленькие вулканчики, которых на морском дне было в изобилии.

– Папа наверняка уже проснулся и увидел, что нас нет, – как бы между прочим заметил Уон.

– Вполне возможно.

– И что мы скажем? Что опять пошли смотреть грозу?

– Нет... – чуть прикрыв глаза, протянул Уол и подставил лицо прохладному порывистому ветру. – Мы пошли не смотреть грозу... Мы пошли её *чувствовать*.

– Да папа и так это понял, наверное, – хмыкнул Уон. – Если он тоже вчера смотрел новости, конечно.

– Смотрел, – кивнул Уол. – Мы вместе смотрели.

– Что там, кстати?

– М?

– По прогнозу погоды.

– На когда?

– На через две недели. В поход в какую погоду идти будем?

Уол потянулся, вспоминая прогноз, и коротко зевнул.

– Здесь будут дожди и довольно прохладно, а там, куда мы пойдём, немного теплее.

– На суше всегда теплее, чем в воде?

– Ну да. Практически.

– И насколько?

Уол недовольно фыркнул.

– Узнаешь скоро сам. Я что? Я знаю, что ли?

– Ну вещи-то мне какие брать?

– В поход, Уон, тем более, такой серьёзный, надо брать разные вещи, желательно на круглый год, а не плыть в одном комбинезоне с капюшоном, как ты.

– Чем тебе не нравится мой комбинезон? – ощетинился Уон. – Он удобный. И у него есть огромные карманы. Да ты сам в таком же!

– Ну да, но... Кто знает, сколько в итоге может продлиться экспедиция.

– Ты говорил мне про три недели.

– А ты, видимо, меня не слушал, – сердито отвернулся Уол. – Всякое может случиться. Я вот ни на секунду не поверил в эти «три недели», ещё когда их только объявили, – Уол задумчиво запустил пальцы в песок и просеял его. – Три недели... Что такое три недели для похода на сушу? Да ничего! Миг, пустяк! Что можно узнать за три недели? Смысл тогда вообще идти на сушу, если тебе отведено всего лишь три недели на то, чтобы... Чтобы что? За три недели можно только приплыть к суше, выйти на побережье, посмотреть на неё, покормить чаек и уплыть. Всё, больше ничего. Можно ещё умудриться попасть в неприятности, но это надо обладать прямо-таки огромным везением.

Уол рассердился не на шутку. Уон замялся.

– Ну... Сам же говорил, что территория неизвестная...

– Так она и останется неизвестной, если организовывать

походы по три недели! – запыхтел в воду Уол. – Как минимум три месяца – слышишь, месяца, а не недели! – вот какой срок должен быть у настоящего, хорошего, достойного похода, если хочешь знать моё мнение. А не эти жалкие три недели...

– Как хорошо, что ты не веришь, что мы ими обойдёмся, – снисходительно хмыкнул Уон, закапывая хвост в песок. Мимо него прополз большой коричневатый краб с четырьмя клешнями.

– Да, пожалуй и так, – согласился Уол. – Это обнадеживает.

– Но нельзя же с места в карьер, – продолжил Уон. – Сейчас сходим на три недели, потом на два месяца, а потом, глядишь, и на год экспедиции появятся!

– Это-то да, – опять согласился Уол. – Знаешь, чего я жду? Появления постоянной биостанции на суше.

– Так у нас же есть уже.

– Нет, та на побережье, в море на мелководье, по сути, а я говорю про сушу. Прямо на суше, понимаешь? В самом её сердце.

– Ну, это сложно, наверное, – сказал Уон.

– Конечно, сложно! – весело воскликнул Уол, как будто только что сказал: «Это же элементарно!»

– И строить долго... – задумчиво продолжил Уон.

– Ага.

– И опасно...



– Естественно!

– Ну не знаю, – заключил Уон. – Как по мне, три недели для начала – вполне себе нормально. Не больше, не меньше – в самый раз. В конце концов, сам говорил, что мы не знаем, с чем там столкнёмся. Вдруг разумные обезьяны окажутся не такими уж и разумными.

– Ну нет, – задумчиво хмыкнул Уол. – Может, не такие разумные, как мы, но мозг у них имеется. Машины даже какие-то делали...

– А ты видел их?

– Машины-то? – Уон кивнул. – Видел. Там много всяких: больше всего каких-то железяк, похожих на перевёрнутую ракушку. Учёные сделали предположение, что они на них плавали, раз их больше всего в морях и океанах. Но мне другие понравились, их меньше: похожи на железных альбатросов.

Уон глубоко вздохнул.

– Железные альбатросы... – мечтательно протянул он, запуская свои длинные синие пальцы в песок. – Зачем они? Летали?

– Скорее всего, но какие-то они маленькие.

– Это просто мы для них большие.

– Может быть. Там даже наши трамваи есть, кстати.

– Правда? И зачем им они?

– Тоже плавали на них, наверное.

– А перевёрнутые ракушки?

Уол задумался.

– Ну те над водой, а эти... Под, наверное. Не знаю.

– Наверное...

– Но те машины, что на китов похожи, мы у них позаимствовали, это факт. Уж не знаю, как они их использовали, но трамваи из них получились отличные.

Уон перевернулся на спину и посмотрел в чуть просветлевшее небо. Тихо не было: кидались друг на друга разгорячённые грозой волны, где-то рядом ещё шептал дождь, и после коротких вспышек молний порывкивал гром.

Оба, и Уон, и Уол, почувствовали, как мысль об экспедиции постепенно наполняет их и даёт осознать себя в полной мере: они идут в поход на сушу. Не просто пройтись по реке, а прямо в самое её сердце. В ту сторону, где пару лет назад в последний раз видели разумных обезьян. Они идут туда не одни: у них есть команда. Команда дружная, состоящая из старых друзей – китов поколения, выросшего на известиях о цивилизации разумных обезьян. Это были киты, в детстве которых снимались документальные фильмы про останки другой цивилизации. Это были киты, которых по школьной программе возили в музеи, где залы были посвящены только ей – вымершей, как тогда считалось, цивилизации другого разумного вида. И, в конце концов, это были киты, которые застали тот самый экстренный выпуск новостей и срочно включённый прямой эфир, который одновременно передавали по всем каналам, телевизорам и устрой-

ствам: тот самый эфир, на котором совершенно чётко были видны идущие вдоль береговой линии представители другой цивилизации. Миллиарды китов со всех океанов, затаив дыхание, смотрели на десяток разумных обезьян, а те, в свою очередь, с надеждой махали им в большие объективы камер. Потом один из китов попробовал установить контакт – и всё это в прямом эфире, – но обезьяны, видимо, испугавшись, убежали обратно в глубь суши. Однако этого было достаточно: миф о вымирании цивилизации был развеян. И началась работа.

– А вдруг мы опоздали? – робко спросил Уон, повернув голову к брату. – Вдруг те обезьяны, которых видели пару лет назад, были последними?

Уол ничего не ответил. Помолчали.

– Всё может быть, – сказал он наконец. – Именно за этим мы и идём: выяснить, что произошло. Кто они. Что они. И как мы можем помочь.

– Выяснить, – грустно вздохнул Уон, – или, наоборот, только потеряться в догадках.

– Но разве это не прекрасно? – спросил Уол. – Разгадывать неразгаданное? Отвечать на неотвеченное?

– Прекрасно, – согласился Уон, – но порой тайна так тяготит!

– В этом и прелесть тайны, – хмыкнул Уол. – Порой разгадка...

– Уол, – предупредил Уон, бросив строгий взгляд на бра-

та. Уол хохотнул себе в усы.

– Да-да, я помню. Порой я забываю, что ты такой же взрослый, как и я. Прости?

– И философ из тебя тоже паршивый, – заключил Уон под смеющееся бульканье брата.

## Глава 3. В добрый путь

Две недели прошло, будто их и не было, и в то же время они протекли, словно тающий на солнце ледник, то есть очень медленно. Но время идёт, это никак не изменить и не переделать, минуты складываются в часы, часы в дни, а дни в недели, а потому и тот самый день, когда команда должна была отправиться в поход на сушу, не мог не настать.

– Волнуешься?

– Угу.

Уон шмыгнул носом. В ластах появилась какая-то странная необъяснимая слабость.

– Не волнуйся, я с тобой.

– Советчик из тебя тоже паршивый, Уол, – глубоко вздохнул Уон, но всё-таки почувствовал, как слабость в плавниках постепенно отступает. Он нервно оглянулся – родителей не было. – Может, они заблудились?

– Они вырастили нас с тобой, как думаешь, они смогут найти дорогу? – спокойно возразил Уол, но по глазам было видно, что он думает то же самое. «В таком большом автопарке – вполне возможно, что нет», – синхронно подумали братья, коротко переглянулись, но ничего не сказали.

– Мы в первый раз тоже не сразу нашлись... – промямлил Уон, снова оглядываясь по сторонам, и с надеждой посмотрел на большие вокзальные часы: минутная стрелка, ка-

залось, всё ускорялась и ускорялась.

– Ничего, разберутся, – тихо сказал Уол, однако как-то не очень уверенно.

Прошедшие две недели братья буквально жили на био-станции, возвращаясь домой только на ночь, и то не всегда. Последнюю ночь, как и положено было всем участникам похода, они провели там же: специально, чтобы никто не опоздал.

– Что как, ребята? – добродушно улыбнувшись, спросил братьев подплывший к ним полноватый гренландский кит. – Забрать ваши чемоданы?

– Привет, Алу, – улыбнулся ему в ответ Уол. – Да, будь добр. Тебе помочь?

– Да ты что, – весело хмыкнул Алу. – Обижаешь. Сам справлюсь, уж поверь.

– Ты случайно не видел наших родителей? – скривился Уон. – А то мы уже все извелись...

– Ваши-то? – почесал голову Алу. – Не видел, но, я думаю, застряли у второго выхода. Путаница с пропусками. Идите, проверьте, а то времени уже мало осталось...

Повторять два раза не пришлось, и братьев как волной смыло.

У второго выхода действительно была очередь. Все толкались и что-то недовольно бубнили, отчего в зале стоял тихий монотонный гул.

– Ну... – расстроено протянул Уон. – Мы так их никогда

не найдём.

– Как рыбы в стае, – мрачно заключил Уол и попробовал подняться чуть выше, но толку это не дало: безликая толпа осталась безликой толпой.

– Уон! Уол! – услышали они знакомые голоса. Родители стояли практически в начале очереди и старательно пытались продвинуться дальше, но у них это плохо получалось.

– Вечно эта путаница с пропусками! – выразил своё недовольство Уол, когда подплыл ближе. – Сколько в походы хожу, а каждый раз одно и то же!

– Бывает, что поделатъ, – флегматично заметил папа. Мама медленно зевнула и прикрыла глаза.

– Отправляетесь в поход в такую рань... – протянула она, крепко зажмурившись. – Ну ничего, по дороге доспите.

– Да уж обязательно, – хмыкнул Уон и скосился на брата. Тот мастерски сделал вид, что не заметил этого.

– Ну что мы вам можем пожелать? – опустив взгляд на хвост и похлопав себя плавниками по животу, начал папа. – Удачи, пожалуй, да и только: всё остальное вы и сами знаете, да и мы уже желали...

– Только осторожнее, китики мои, – вставила мама. – Лишний раз, куда не надо, не суйтесь...

– Да, мама, – синхронно с глубоким вздохом сказали братья. Каждый раз одно и то же.

– Чтоб всё у вас получилось, – продолжил папа. – Подумать только, поход на сушу! Когда я был таким, как вы, мы

даже подумать не могли, что когда-нибудь...

– Только осторожнее, косатики мои, – опять вставила мама. – Напрасно опасностям себя не подвергайте...

– Да, мама, – вздохнули братья. Всё как всегда.

– Ну и, это самое, – кашлянул папа. – В общем, да придёт с вами сила и мудрость всех китов мира.

Большие вокзальные часы пробили без пятнадцати шесть утра.

– Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, итого... Шестнадцать чемоданов, все на месте! – крикнул Алу с улицы куда-то внутрь автобуса. – Можем отправляться!

Если вы подумали, что в команде было шестнадцать китов, то ошибаетесь: на каждого кита приходилось по два чемодана.

– В добрый путь, – тихо и как-то грустно сказал, глядя в окно, горбатый кит справа от водительского кресла. Затем он обернулся и посмотрел через плечо на своих товарищей: все уже расселись и ожидали отправления. Команда была одета в одинаковые голубые комбинезоны с большими карманами и капюшонами, на спинах и животах красовалась надпись «ЭРА». Только Уон был одет в комбинезон цвета вырвиглазной фуксии и невольно привлекал к себе внимание. – В добрый путь.

И Алу, дождавшись твёрдого кивка капитана, завёл авто-



бус.

– Друзья, – вдохнув поглубже, начал горбатый кит. – Мы с вами отправляемся в важную и несомненно опасную экспедицию, и я очень надеюсь, что все вы понимаете, на что идёте...

– Началось, – тихо буркнул себе под нос Уон и отвернулся к окну. Там быстро-быстро мелькали огни большого города и плыли пузатые трамваи.

– Всё как обычно, – так же тихо согласился с ним Уол. – Ничего не меняется.

– ...а если не понимаете, то стоит сойти прямо сейчас, – горбатый кит прервался, обернулся, как будто действительно хотел увидеть желающих выйти, и вдруг действительно заметил поднятую руку. – Да?

– Я видела, мы проезжали рыбный, можно остановить на секунду? – тоненьким голоском спросила красивая белуха с последнего ряда. – А то я не успела поесть.

Капитан облегчённо выдохнул и отвернулся.

– Не смешно, Ойлэ.

– Ты сам спросил, вообще-то, – горбатый кит хотел было что-то сказать, но не успел. – Ну неужели ты правда думаешь, что кто-то здесь собирается отступать, Аун? – спросила Ойлэ и по-доброму улыбнулась. – Ты столько раз вёл нас в экспедиции, как ты ещё можешь в нас сомневаться?

Аун не сразу нашёлся, что сказать.

– Я не сомневаюсь в вас, друзья, просто должен был убе-

диться. И вообще, это был риторический вопрос! И так, на чём я остановился? Ах да, – Аун кашлянул и продолжил: – Я, как капитан нашей команды, несу ответственность за всех вас и наш поход в целом, однако мы все ступим на неизвестную нам территорию, и никто не знает, с чем мы там столкнёмся...

– Аун, дружище, – не вытерпел Уол. – Может, хватит нагнетать обстановку? Мы знаем, на что подписались, пояснений в виде занудных торжественных речей нам не нужно. Будь так добр, не мешай наслаждаться видом из окна.

– Да и сам бы отдохнул, что ль, – добродушно согласился Алу, обрадовавшись, что кто-то решил прервать капитана. – А то путь не быстрый, успеешь ещё устать.

– Ладно, – буркнул Аун. – Могли бы и «спасибо» сказать, я ведь так долго её сочинял... Если кто-то захочет почитать, обращайтесь! – крикнул он в салон, но все как-то остались равнодушны.

Алу включил незамысловатую весёлую музыку, и многие стали пританцовывать ей в такт. Аун вздохнул, опустил взгляд на документ перед собой и со странным удовольствием перечитал его. Это был их договор.

*«Научно-исследовательская экспедиция «Сушь. ЦРО  
(Цивилизация разумных обезьян)»*

*Организатор: биостанция ЭРА (Экспериментальное  
Разведывательное Агентство)*

*Команда: КИТ (Команда Интеллектуального Труда)*

*Состав команды:*

*Ау́н – капитан, учёный, горбатый кит.*

*Алу́ – водитель, учёный, гренландский кит.*

*Ие́н – учёная, косатка.*

*Ае́н – младшая сотрудница, косатка. Доброволец.*

*Уо́л – учёный, синий кит.*

*Уо́н – младший сотрудник, синий кит. Доброволец.*

*Ална́ – врач, сейвал.*

*Ойлэ́ – врач, белуха.*

*Рассчитанный срок выполнения: три недели. Возможны отклонения и поправки».*

Внизу, по старой устоявшейся традиции, берущей своё начало ещё в глубокой древности, было написано:

*«Да прибудет с вами сила и мудрость всех китов мира».*

А напротив каждого имени стояла подпись.

– Аун, не сутулься.

Аун на мгновение выпрямился, но тут же принял прежнее положение.

– Тебя это тоже касается, Уон.

Уон выпрямился, но, в отличие от Ауна, так и остался.

– Аун! – Ална подплыла к капитану и слегка хлопнула его по спине. – На тебя страшно смотреть со стороны. Смотри, какой горб уже отрастил!

КИТ стояла в большом просторном зале одного из филиалов биостанции ЭРА вблизи побережья и ожидала свой корабль, который по ту сторону высокого стеклянного окна в последний раз осматривали на возможные повреждения. Ойлэ нервно доедала рыбу, боясь не успеть до посадки.

– У меня анатомия такая, – устало вздохнул Аун, потирая спину. Пока мало кто из его знакомых принял тот факт, что «горбатый кит» – это не просто название.

– Ну да, анатомия, – хмыкнула Ална. – Конечно, если постоянно за документами сидеть, и не такая гора вырастит!

Аун ещё раз устало вздохнул.

– Забудь, друг, – весело шепнула ему Аен, когда Ална отплыла на приличное расстояние. – Мы-то знаем, что нет у тебя никакого горба.

– И вовсе ты не сутулый! – улыбнулся Алу. – Просто сильно выгибаешь спину, когда плывёшь.

– И на том спасибо, – мрачно сказал Аун, складываясь чуть ли не впополам. – Кстати, я не видел твоих родителей сегодня, Алу. С ними всё в порядке?

– Да, с ними всё хорошо, – добродушно отозвался Алу. – А что такое?

– Да нет, ничего, – с облегчением, которое почти сразу же сменилось растерянностью, сказал Аун. – Просто они не пришли провожать тебя, вот я и подумал...

– А, ерунда, – отмахнулся Алу, ничуть не смутившись. – Они никогда не приходят провожать меня в походы, если

помнишь.

– Да, я помню, но ведь это не обычный поход – это всё-таки поход на сушу... – наверное, Ауну надо было бы остановиться, и он это чувствовал, но не мог. Да и то, с какими лёгкостью и простодушием говорил об этом Алу, не могло не сделать своё дело.

Алу пожал плечами.

– Они считают, что это всё не всерьёз, наверное, – он задумчиво почесал затылок и хмыкнул. – Ну посмотри на меня. Разве похож я на солидного учёного? – Алу ласково и по-доброму улыбнулся. – Я скорее похож на пекаря в булочной, чем на того, кто идёт в поход на сушу.

Аун открыл было рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент его кто-то позвал, и ему пришлось отойти, оставив Алу без ответа.

– Жалко, – тихо заметила Аен, заметно погрузнев. – Как можно не воспринимать поход на сушу всерьёз?

Алу глубоко вздохнул.

– Не знаю. Наверное, только мне это событие кажется таким важным и величественным. Пройдёт какая-нибудь сотня лет, и в походе на сушу не будет ничего необычного.

– Не говори так... – совсем уж расстроилась Аен. – Что значит «ничего необычного»?

– Ну, вот так, – хмыкнул Алу. – Как полёты в космос. Тоже ведь не в диковинку.

– А как по мне, в диковинку, – возразила Аен. – Вроде

давно уже полетели, а всё равно странно... А может, они не поняли?

– Ты сейчас о чём?

– Ну, может, ты не так им объяснил, что идёшь на сушу, и поэтому они не пришли?

Алу грустно усмехнулся.

– Да как не поняли? – спросил он скорее сам себя. – Я им не один раз говорил прямым текстом. Мол, «иду на сушу» – так и говорил. С командой, говорю. С учёными. И я везти буду.

– А они что?

– «Угу».

– И всё?

Алу оглянулся по сторонам: все разбились на произвольные пары и тихо болтали между собой кто о чём.

– Знаешь, я обычно на этом не зацикливаюсь, – тихо сказал Алу, глядя на Аен большими тёмными глазами. – Такой уж я кит, не обидчивый... Хотя кого я обманываю? Конечно, мне обидно. Просто через пять минут забываю.

Повисла небольшая пауза.

– Так и? – участливо спросила Аен, не дождавшись продолжения. – Что ещё они говорят?

Алу нахмурился. Тут, наверное, надо понимать, что фразу «Алу нахмурился» можно считать соединением противоположных друг другу понятий.

– Через пять минут, как покажут что-нибудь научное по

телевизору, начинают рассказывать, какие ребята из ЭРЫ молодцы, – мрачно сказал Алу. – Как будто я не из ЭРЫ. Наверное, тоже, как я, забывают.

Помолчали.

– Знаешь, Алу, – тихонько сказала Аен, потупив взгляд. – Я не считаю, что ты похож на пекаря из булочной. Для меня ты такой же солидный учёный, как Аун, Иен и Уол, и для всех нас тоже.

– Спасибо тебе, Аен, – светло улыбнулся Алу. – Ты самая лучшая косатка на свете!

– Команду Интеллектуального Труда, более известную как КИТ, просим пройти на посадку на борт корабля «Сушь», – объявил, как казалось тогда всем участникам похода, спустя вечность через динамик мелодичный женский голос.

Ойлэ в спешке сунула остатки креветок себе в рот и подплыла к остальным. Аен по привычке нервно глянула на Иен, как бы ища подмогу, да и все остальные тоже как будто сразу собрались и сжались.

– Волнуешься? – шёпотом спросила Иен, глянув на сестру. Та слабо кивнула. – Я тоже. Но знаешь, что? Из двоих волноваться должен кто-то один.

– Это ещё почему?

– Ну... – Иен усмехнулась и искоса посмотрела на корабль за окном. – Так экономнее, не находишь? На волнение и так тратится слишком много энергии, а тут в два раза больше.

– Пожалуй, – деловито хмыкнула Аен и кивнула. – Экономнее было бы вообще не волноваться.

– Да, но это очень трудно, практически невозможно, – возразила Иен. – Не волноваться не получится, но... Если уж кому-то из нас и придётся волноваться, давай это буду я, хорошо? Я буду волноваться за тебя, а ты ничего не бойся и иди вперёд.

– А как же ты? – одними губами спросила Аен. – Тебе не будет страшно?

– Мне? – переспросила с улыбкой Иен. – Ни капельки! Знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что я буду смотреть на тебя и твои успехи, и они будут прогонять мой страх.

– Уверена? – не очень уверенно, в свою очередь, переспросила Аен, искоса глядя на сестру. Та улыбнулась одними краешками губ.

– Даже если мне всё равно будет страшно, я, по крайней мере, буду знать, за что я боюсь.

– Да, – кивнула Аен каким-то собственным мыслям и тоже улыбнулась. – Наверное, когда знаешь, за что идёшь, идти не так страшно.

Сёстры чуть погрустнели.

– Ты можешь...

– Нет! – воскликнула Аен, перебив Иен. – Мы все здесь грезим *ей*. И пусть я не знаю, *на что* я иду, зато я точно



знаю, *за что* иду.

Иен чуть помолчала, грустно опустив глаза.

– Да, – сказала она тихо, а потом добавила: – Да. Мы все здесь помешались *на ней*. Разве это дело?

– Самое большое и великое, какое мы только делали за всю свою историю нашего существования, – твёрдо сказала Аен, как может говорить только тот, кто глубоко убеждён в правдивости своих слов, – и сравниться с ним может разве что полёт в космос.

– Видишь, как надо успокаивать! – толкнул Уон локтем в бок брата. – Не то, что ты. Учись.

Уол досадливо фыркнул.

– Ой, да подумаешь... Косачьи нежности. Мои методы тоже рабочие.

– Рабочие, но не эффективные, – не сдавался Уон. – Паршивые, одним словом.

– Ну, сравнил себя и Аен, – Уол тоже не собирался так просто отступить. – Она младше даже тебя, хотя ты и так моллюск.

– Что?! – возмутился Уон, за что получил строгий, но всё-таки с плохо скрытой улыбкой «шик». – Как ты меня назвал?

– Моллюск, – невозмутимо ответил Уол. – От слова «маленький».

– Да как ты... Да... Да... – Уон запыхтел, как вулкан, а Уол на это только рассмеялся: его всегда очень смешило, когда брат так делал. – Не смешно вообще ни разу.

– Ну, кому как, – хмыкнул Уол, за что получил ещё один толчок локтем в бок, но на этот раз гораздо ошутимее. – Эй, не пихайся!

– Это тебе за «моллюска», – ехидно усмехнулся Уон в усы.

– Ты, между прочим, уже третий раз за последние две недели меня толкаешь, – продолжал между тем Уол. – Вот вернёмся домой все в синяках, и что мы скажем родителям? Что в походе на сушу самые опасные травмы мне оставлял родной брат?

– Что у вас случилось? – с любопытством подплыла к братьям Ойлэ. У неё, как и у Аен, был красивый, тонкий и высокий голос, а ещё она чуть-чуть картавила, насколько это вообще возможно у китов.

– Он назвал меня моллюском! – первым пожаловался Уон.

Ойлэ заливисто засмеялась, на что Уон сначала растерялся, а потом снова запыхтел, как вулкан.

– Если ты моллюск, тогда Уол – трамвай!

Тут уже пришла очередь Уола пыхтеть, как вулкан, и тем самым веселить Уола и Ойлэ.

– Не ругайтесь, друзья, – весело сказала Ойлэ, отсмеявшись. – Никакой ты не моллюск, Уон, а ты, Уол, вовсе не трамвай.

– Тогда кто же мы?

Ойлэ на мгновение задумалась, а затем сказала:

– Вы два замечательных синих кита, которые совсем скоро в числе первых отправятся на сушу. А ещё вы замечательные

друзья, – и Ойлэ очаровательно улыбнулась, хлопая пушистыми белыми ресницами. Братья коротко переглянулись.

– Думаю, я остановлюсь на моллюске, – деловито сказал Уон, задумчиво почесав подбородок.

– Да, версия с трамваем мне тоже нравится больше, – кивнул Уол и улыбнулся, увидев помрачневшее лицо Ойлэ.

– Ой, да ну вас, – сказала Ойлэ и обиженно надулась. – Шутники.

– Да, именно поэтому мы не любим всякие этакие мудрые высказывания и торжественные речи, – заметил Уон. – Ну, я, во всяком случае. Уол иногда любит побыть учителем-реалистом, советчиком или философом, – Ойлэ хотела было что-то сказать, но Уон опередил её: – Сразу предупрежу: и то, и другое, и третье получается у него откровенно плохо. Паршиво, я бы даже сказал.

– Да? – искренне улыбнулась Ойлэ, как будто Уон только что сказал диаметрально противоположное. – А что тогда он умеет делать хорошо? – спросила Ойлэ и посмотрела на Уола. Тот сделал вид, что его очень заинтересовали его синие ногти.

– Ну... – задумчиво почесал подбородок Уон. – Ничего, если так уж подумать.

– Что ж, прямо совсем?

– Э... – ещё раз протянул Уон. – Иногда он умеет здорово нудить и будить в четыре утра, но я бы отнёс это к отрицательным чертам.

– Ну же, Уон, вспоминай, – всё-таки подключился к беседе с хитрой усмешкой Уол. – А как же узнавать новости про грозу?

– Да, пожалуй, есть такое, – согласился Уон.

– ...А ещё пускать ртом пузыри...

– И то правда, – скрепя сердце признал Уон.

– А как же провожать взглядом пузатые трамваи за окном?

– Но-но-но! – тут же воскликнул Уон. – Это наша общая черта! Я, вообще-то, тоже мастерски умею это делать.

– Ладно, – засмеялся Уол. – Так и быть: согласен на ничью.

– Что значит «на ничью»? – тут же возмутился Уон. – Я, на минуточку...

– Ребята! – воскликнула Ойлэ. – Нам пора.

– Ну что, – тихо спросил Аун собравшихся вокруг него друзей. – Готовы?

Все переглянулись между собой.

– Готовы.

Команда, не сговариваясь, встала в круг. Все вытянули вперёд по плавнику и положили друг на друга свои бело-сине-чёрные ладони.

– Раз... Два... Три! – и плавники взмыли вверх. – «Да прибудет с нами сила и мудрость всех китов мира»!

– В добрый путь, – тихо, но всё же с гордостью сказал Аун и, развернувшись, первым ступил на борт «Суши». За ним

потянулась команда.

– В добрый путь... – гордо повторил себе под нос старый кашалот, стоявший за их спинами. Тот самый, который две недели назад одобрил экспедицию.

## Глава 4. На лавандовых полях

Все, как один, прилипли к большим выпуклым окнам «Суши» и во все глаза смотрели на диковинные и доселе не виданные пейзажи – даже Алу, который вёл корабль, больше смотрел на бесконечные тёмно-зелёные холмы по обе стороны реки, чем на дорогу, и только Аун, сложившись практически вдвое, угрюмо разглядывал карту и лишь изредка поглядывал за борт.

– Какая красота... – вздохнула Ална, прислонившись головой к окну. За ним в нескончаемом своём разнообразии плыли выцветшие охристые луга.

– Это ещё что, – кивнула ей Ойлэ, потянувшись. – Там, дальше, будут... А, впрочем, сами увидите.

Аун удивлённо обернулся на неё.

– Откуда ты знаешь?

– Я в детстве жила тут неподалёку и часто заплывала сюда... Дальше водопада, конечно, заходить не получалось.

– И мы слышим об этом от тебя только сейчас? – возмутился Уон, отлипнув от окна. – А что ещё ты знаешь, если не секрет?

– Ну... – смутилась Ойлэ и даже, кажется, немного порозовела. – На этом всё, собственно. Ещё там раньше был маленький заброшенный обезьяний домик – уж не знаю, как сейчас.

– И ты столько лет молчала?! – воскликнула, не сдержавшись, Ална. Ойлэ растерянно захлопала глазами и отвернулась к окну.

– Тогда я не знала, что это обезьяний домик. Он был такой маленький и стоял у самой реки, так что я всегда думала, что это просто какая-то необычная скала. Я ведь тоже была тогда совсем маленькой.

– А потом?

– Потом мы переехали, и я, конечно, забыла про неё, а поняла, что это была не просто скала, уже гораздо позже.

– Но почему ты не сказала нам? – допытывалась Ална. Ойлэ хмыкнула и слегка пожала плечами.

– Хотела сделать сюрприз. Я подумала, что будет очень здорово, если мы в самом начале похода что-нибудь найдём. И если, конечно, от того домика что-то осталось.

– Мда, – мрачно заключил Аун. – Если от него ещё что-то осталось...

– Но я сама поняла, что это был домик, совсем недавно, – оправдывалась Ойлэ. – Я-то и думать про ту странную скалу забыла.

– Ладно, – вздохнул Аун, снова уткнувшись в карту. – Посмотрим.

«Сушь» тем временем стремительно неслась по поверхности широкой реки к сердцу Великого материка, как называли его киты. Мимо плыли пёстрые луга, редкие деревья, вдали огромными китами лежали высокие холмы. Уон был

отчасти прав, когда сказал, что суша не такая уж и неизвестная: действительно, киты многое знали о наземной жизни. Знали, что где-то на ней есть целые океаны песка или что на ней есть горы, напоминающие рыбы хребты; видели животных и птиц, выходявших к берегу Великого океана, омывающего Великий материк, иногда заплывали, как Ойлэ, в полноводные пресные реки и даже любили поползать по знакомому побережью... Но всё это было в теории. Всё это было со стороны большой воды, в которой киты чувствовали себя в безопасности, и, как бы ни хотелось им выйти на сушу, смельчаков находилось немного. Как говорится, и хочется, и колется.

– Смотрите, смотрите! – вдруг воскликнула Ална, показывая куда-то серым пальцем. Все сгрудились у левого окна, и даже Аун поднял голову от своей карты, которую с такой дотошностью изучал.

– Вот это да... – восхищённо прошептала Иен. За большим выпуклым окном показались бескрайние сиреневые поля.

– Уол! – воскликнул Уон, оборачиваясь на брата. – Мы же в реке! Я никогда не плавал в пресной воде. Может, мы выйдем?

– Отличная идея! – подала голос Аен, улыбнувшись. – А я бы с удовольствием посмотрела на эти полевые цветы поближе...

– Нет! – строго оборвал их Аун, наконец поднявшись со



своего места и подплыв к остальным. – Ещё успеете потратить силы, а сейчас их надо максимально экономить. Из корабля выйдем только при крайней необходимости.

Аун краем глаза заметил, как потускнели лица его друзей, однако своего решения не изменил: уж кто-кто, а он должен слушать голос разума, а не сердца. И всё же он не мог отрицать, что за окном было фантастически красиво.

– Что это? – удивлённо спросила Аен, показывая куда-то пальцем. Все посмотрели в ту сторону. – Это какие-то животные?

– Это коровы, – охотно пояснила Ойлэ, подплывая ближе. – Мирные и добродушные существа, которые совершенно не боятся китов.

– Аун! – жалобно воскликнул Уон, оборачиваясь на капитана команды. – Мы не можем просто так проплыть мимо них. В конце концов, этот поход затевался с целью исследовать сушу, и её обитателей в том числе.

– Давай выйдем? – мягко предложила Ална, глядя на Ауна лучистыми серыми глазами. Аун, пару секунд помолчав, хмуро кивнул.

Ползти по суше было непривычно и тяжеловато, оттого и все движения китов как будто весили столько же, сколько они сами: под несколько тонн. Легче всего двигаться, конечно, было Ойлэ с её комплекцией, однако в её случае всё усложняли маленькие плавнички; остальные, хоть и готовые к переменам и хорошо натренированные, в полной мере по-

чувствовали свой вес.

Тем не менее, абсолютно все киты нашли в себе силы ползти дальше. Уон, сначала было ловко выпрыгнув из воды на влажный песок, опустил голову и растерянно остановился.

– Что случилось? – спросил его появившийся рядом Уол. Он посмотрел туда же, куда и брат.

– Это... Водоросли? – удивлённо спросил Уон. Его плавник замер прямо над ними, не решаясь опуститься.

– На земле они называются травой, – поправил его Уол и продвинулся чуть дальше. – А что?

– Знаешь... – тихо сказал Уон. – Я столько читал про... Траву на земле... В книгах... Там так красиво её описывают...

Уол непонимающе нахмурился.

– Например?

– Пишут, будто она мягкая и шелковистая, но иногда может быть короткой и колючей... – Уон даже отступил на шаг, боясь задеть то, про что раньше знал только из книг. – Странно, да?

Уол нерешительно замер, остановившись перед зелёным ковром. Ему вдруг тоже почудилось что-то волшебное и необычайное в земных водорослях.

Наконец Уон, глянув на спешно ползущих впереди сестёр, осторожно опустил плавник на траву и застыл.

– Совсем как в книге... – заворожённо прошептал он, за-

пуская пальцы в упругие зелёные стебли. – Мягкая и шелковистая... Как ковёр...

– Ну вы где там? – окликнула братьев Иен, обернувшись к реке. В ответ ей из-за спины прозвучало длинное «му».

– Ой, какие хорошенькие! – радостно воскликнула Ална и поспешила к коровам. Те, очевидно, не восприняв спешку Алны непосредственно как спешку, смотрели на путешественников спокойно и добродушно, чем удивительно походили на китов.

– Ты бы тоже сходил, посмотрел, – тихо заметил Аун, наблюдая за своими друзьями из-за стекла «Суши». – Действительно, когда ещё выпадет шанс рассмотреть коров вблизи?

Алу быстро глянул на Ауна.

– А как же ты?

– Не волнуйся, я присмотрю за кораблём.

– Нет, ты не понял, – Алу смерил Ауна печальным взглядом. – Ты не пойдёшь смотреть коров? – Аун коротко покачал головой из стороны в сторону. – Почему?

– Я капитан, – тихо прозвучало в воде. Алу хмуро кивнул, буркнул что-то вроде «спасибо» и, вынырнув на берег, пополз вместе с остальными смотреть коров. Аун продолжил внимательно следить за полями в поисках возможной опасности, и только его плечи опустились ещё ниже.

– Что это за трава? – с интересом спросила Ална, опуская голову практически к самой земле. Сухие цветочки непри-

вычно кололи и щекотали кожу.

– Не знаю, – хмыкнула рядом Ойлэ и провела пальцами по сиреневым цветам. – Лаванда, наверное. Или шалфей... Или люпины... Что-то такое.

К ним подошёл Уол и тоже посмотрел на цветочки, затем глубоко вдохнул их запах и даже немного пожевал.

– Лаванда, – вынес он свой вердикт спустя пару мгновений молчания, вдохнул ещё раз и повторил: – Да, это лаванда. Совершенно точно.

– А её разве можно есть? – удивлённо спросила Ална, тоже положив себе на язык одну маленькую веточку. Уол весело хмыкнул и пожал плечами.

– Не знаю, раньше никогда не пробовал, – Ална в этот момент как раз проглотила горьковатую траву, и Уол имел случай видеть её испуганное выражение лица. – Да можно, можно. Не волнуйся. Вон, эти же едят, – и Уол кивнул в сторону сиреневых шестирогих коров, флегматично жующих лаванду с большими тёмно-зелёными пятнами по бокам. Ална обиженно фыркнула и отошла к мирным животным.

– Какие замечательные существа! – с улыбкой воскликнула Аен и перевернула кисти чёрных плавников ладонями вверх. Сиреневая шестирогая корова, казавшаяся рядом с ней совсем маленькой, уткнулась в них своим мягким носом.

– Говорят, раньше они были другими, – задумчиво протянул Уон, тоже поглаживая корову. – Белыми с коричневыми или чёрными пятнами...

– Может быть, – легко пожала плечами Аен. – Но сиреневый с тёмно-зелёным тоже неплохо сочетается.

– Пожалуй, – согласился Уон. – «Мы есть то, что мы есть...»

– Наверное, на маковых полях пасутся красные коровы в мелкую чёрную точку, – предположила Аен, откинулась на спину и практически утонула в высокой лаванде. Её разогретый земным солнцем горьковатый аромат витал над полем и окутывал китов непривычным облаком. – Море напоминает.

– Что именно? – не понял Уон и лёг в лаванду вместе с ней. Теперь посреди сиреневого поля, помимо шестирогих коров, распластались длинный синий кит и косатка.

– Ну... Всё это, – неопределённо махнула плавником в воздухе Аен. – Холмы, покрытые лавандой, напоминают большие волны в океане. Цвет практически как на закате. И запах... Морской. Тоже с лёгкой горчинкой.

Помолчали.

– Тут красиво, – сказал наконец Уон, провожая взглядом большую разноцветную бабочку.

– И будет ещё красивее, – заверила его Аен. – Суша тем и отличается от воды, что она не такая однообразная, как океан, – Уон хотел было уже возразить, но Аен опередила его: – Здесь столько разных пейзажей! Чтобы увидеть всё, не хватит и вечности... – с тихой грустью добавила она и глубоко вздохнула. – А потом это всё останется в памяти чуть размытыми образами, подкреплёнными фотографиями на стене.

– Уверен, – сказал вдруг Уон, срывая тонкую веточку лаванды и опуская её в рот, – наступит эра, когда киты будут жить на земле так же свободно, как и в воде. И нас будут помнить как тех, кто сделал на ней первые шаги.

– Да... – мечтательно протянула Аен и посмотрела в светлое голубое небо: оно было таким же, как и над океаном. – Первые шаги на пути к новой эре.

– Эй! Идите все сюда! – позвала Иен с другого конца поля. Шестирогая, такого же цвета, как и лаванда, сиреневая королева медленно обернулась вместе с Алной и Ойлэ на её оклик.

– Что ты там нашла? – строго спросил Аун по рации Иен. Он плавно потянул какой-то рычаг, и «Сушь» медленно проплыла чуть вперёд, туда, куда позвала всех старшая косатка.

– Какая-то железка, – послышался немного приглушённый голос из динамика. – Похожа на... Кашалота, только без хвоста.

– В нём есть отверстия? – Аун остановил «Сушь», но ему всё-таки не было видно то, о чём говорила Иен: остальных китов команды скрывал сиреневый холм.

– Да. Довольно много, – продолжала задумчиво Иен. – Прямоугольники на двух боковых стенах, располагаются симметрично. На одной из них ещё две узкие вертикальные щели.

Аун хмуро посмотрел на холм, который загораживал ему обзор, и, если бы у холма были глаза, он бы обязательно по-

двинулся под таким строгим взглядом, но у холма глаз не было, а потому он остался на месте.

– Алу, Уон и Аен, на корабль, – коротко бросил Аун в рацию. – Быстро.

Повторять два раза не пришлось, и вскоре на борту остались два добровольца и механик, а сгорбившийся капитан поспешил к находке.

Ойлэ, Ална, Уол, Иен и Аун кругом обступили большой железный ящик и строго рассматривали его, как будто он что-то натворил и теперь должен был оправдать своё поведение. Ящик упорно молчал.

– Ну что? – вздохнул наконец Уол, скептически глядя на тонкие ржавые пластины. – Есть идеи, что это?

– На альбу не похоже... – задумчиво протянула Ална, заглядывая через прямоугольное отверстие внутрь. «Альбами» киты называли обезьяньи машины, похожие на железных альбатросов. – На мидии тоже... – под мидиями киты имели в виду обезьяньи машины, отдалённо напоминавшие перевёрнутые ракушки – по крайней мере, своим дном.

– На трамвай похоже, – заметила Иен. Тут, наверное, стоит отметить, что, в принципе, у китов трамваи, автобусы и корабли не сильно отличались друг от друга и всегда неизбежно напоминали своих пассажиров. – Только какой-то маленький.

– Маленький и... – Ойлэ на мгновение задумалась. – Какой-то угловатый.

Послышались приглушённые щелчки: это Ална, отвечающая за фотографии, принялась за дело. К ним подошла шестирогая сиреневая корова и присоединилась к изучению непонятного объекта.

– И вот только не делай вид, что ты его раньше здесь не замечала! – с упрёком сказала ей Ална, щёлкая фотоаппаратом. – Могла бы и сказать, что тут есть такая штуковина. Видишь же, что гости.

Корова ничего не ответила.

– Разумные обезьяны? – тихо спросила Иен Уола. Тот немного помолчал, хмуро осматривая большой железный ящик практически размером с себя, провёл синим пальцем по острым выступающим краям и коротко выдохнул себе в усы.

– Вполне возможно, – ответил наконец он, когда Иен уже хотела повторить вопрос. – Но это пока не точно. Хотя, с другой стороны, что ещё это может быть?

– Ална стала свидетельницей того эфира много лет назад, – почти шёпотом сказала Иен, пока Аун и Уол пытались рассмотреть ящик сверху. – Может, она знает?

Уол немного скептически хмыкнул и скосил глаза на Иен.

– Ална врач, в отличие от нас, – так же тихо ответил ей он, глянув на Алну. Та со всей ответственностью занималась фотографией. – Это наша прерогатива. Да и то, что Ална видела своими глазами тех обезьян, ещё ничего не значит.

– Да, ты прав, – вздохнула Иен, отодвигая в сторону ла-



ванду и осматривая низ ящика. – Всё никак не могу привыкнуть, что я, вообще-то, учёная. Просто подумала, что, может...

Иен не договорила.

– «Может» что? – глухо переспросил Уол, не дождавшись продолжения.

– ...Может, Ална видела что-то ещё? Ну, как свидетельница тех... Э... – Иен совсем стушеввалась, и, если бы не чёрная окраска, Уол бы увидел, как она порозовела. – Событий.

Уол добродушно хмыкнул себе в усы и, опустившись рядом с косаткой, сказал:

– Ты учёная, Иен. Настоящая учёная. Взаправдашняя, – Уол сорвал было три стебелька лаванды, чтобы сплести из них что-то наподобие косички, но стоявший рядом Аун по своему истолковал этот жест и забрал их у Уола для гербария. – Пусть Ална хоть сто раз видела своими глазами разумных обезьян, не забывай, что она только видела их. Только видела, понимаешь? И то будучи совсем маленьким китёнком.

Иен молча кивнула.

– Понимаю, Уол, – согласилась она, но как-то не очень уверенно. Уол понял, что его слова не совсем убедили её.

– Не она изучала их с научной точки зрения, Иен. Не она проводила эксперименты. Не она потратила годы работы. Не она, а ты, Иен. Ты всё это сделала. Как бы Ална не интересовалась этой темой, она врач, а не учёная, – Уол усмехнул-

ся и коротко глянул в сторону работающей фотоаппаратом Алны. – Ну, и наш походный фотограф.

– Да? Ну ладно, – слабо улыбнулась Иен и отвернулась, но всё же Уол заметил, как порозовели «очки» вокруг её глаз. – Спасибо, Уол.

– Тебе нужно быть... М... Более уверенной в себе, – вынес вердикт Уол, когда Иен уже собиралась отойти от него. – Не просто же так ты успокаивала свою сестру перед отплытием.

Иен обернулась.

– Подслушивать не хорошо! – шуточно возмутилась она, на что Уол широко улыбнулся.

– Прости, не знал, что это секрет. В следующий раз, когда буду стоять рядом, обязательно уточню.

– В следующий раз, если таковой будет, я не поленюсь об этом тебя оповестить!

– Только не забудь, – хохотнул себе в усы Уол и вернулся к капитану.

– Надо перетащить это на корабль, – задумчиво сказал Аун, потирая подбородок. Из-за его плеча выглянул практически фиолетовый шестирогий бык и с любопытством глянул туда, куда смотрели киты, но, видимо, так и не понял, что они разглядывали, потому что уже через мгновение заинтересовался лавандой у себя под ногами, – а потом, по-хорошему, отправить на ЭРУ, пока не отплыли далеко. Пусть там занимаются.

– Смотрите, у него даже колёса есть! – воскликнула

Иен, припав к траве. Действительно, большой металлический ящик стоял на колёсах, наполовину вросших в землю.

– Ездили, значит, – хмыкнул Аун и задумался. Да, определённо стоило отправить находку на биостанцию, пока ещё была такая возможность. – Ойлэ, ты самая маленькая среди нас. Посмотри, что внутри.

«Самая маленькая среди них» и единственная из всех, кто в принципе мог поместиться в этом ящике, одним волевым усилием забралась по высоким ступенькам (для остальных китов эти три железных пластины представляли из себя одну большую ступеньку), протиснулась с помощью Иен и Алны через узкую щель и появилась изнутри в маленьком прямоугольном отверстии.

– А тут... Мило, – хмыкнула она, высовывая нос на улицу. – Это окна, наверное, – сообразила Ойлэ и вернулась обратно к щели, – а это двери.

– Дом? – предположила Ална, скептически оглядывая ящик. – Зачем тогда колёса?

– Ну, у нас же тоже есть дрейфующие дома, – пожала плечами Иен и осторожно пощупала металл: он был слишком тонкий и ржавый, но, наверное, всё дело было во времени. – Так почему бы и нет?

– Пожалуй, – тихо согласился Аун. – Там есть что-нибудь внутри?

Некоторое время было тихо.

– Ойлэ?

Ойлэ не ответила. Уол, нахмурившись, заглянул внутрь: Ойлэ с неммым оцепенением смотрела на что-то, лежащее на грязном маленьком столике. Вслед за Уолом внутрь заглянули и все остальные, насколько это позволяла им их анатомия.

– Что ты там увидела? – встревоженно спросила Ална, осторожно хватаясь пальцами за края рамы, чтобы не порезаться оставшимися в них осколками.

– Не может быть... – прошептала наконец Ойлэ и что-то взяла в руки.

– Что там? – строго и немного нетерпеливо переспросил Аун. Ойлэ встрепенулась, протянула ему через окно какие-то листы, а сама принялась осматривать остальное пространство.

– Пусто! – услышали наконец снаружи её крик. – Кроме трёх столиков и диванов напротив них больше ничего нет!

– Тогда выходи, – крикнул в ответ Аун, а сам сказал в рацию: – Алу, веди сюда «Сушь». Надо забрать находку и отправить её на ЭРУ.

Вообще-то «Сушь» была сделана таким образом, что вполне могла перемещаться и по земле, хоть и не так быстро, как по воде, – киты вполне себе неплохо подготовились к экспедиции. Опустим тот факт, что капитан команды просто не умел в совершенстве управлять кораблём, и не будем его лишний раз смущать: в конце концов, он и не обязан уметь это делать.

– Ойлэ, – подозвал её Аун, пока Алу с помощью боль-

шой механической руки и своих друзей затаскивал металлический ящик на «Сушь». – Это же просто рисунки. Почему ты так удивилась?

Действительно, то, что Ойлэ нашла на столике внутри, а затем передала Ауну, было рисунками. Несколько тонких листов, испещрённых незамысловатыми линиями.

Ойлэ оглянулась: Уон и Аен с интересом разглядывали ящик, который до этого обследовали «старики», а все остальные помогали Алу грузить его на корабль.

– Помнишь, я сегодня сказала, что в детстве часто заплывала сюда? – Аун кивнул. – Вообще-то я не этот домик имела в виду – тот был дальше, у водопада. Ну и... – Ойлэ замаялась. – В общем, не знаю, может быть, не я одна заплывала сюда, но я совершенно точно помню, что у меня в детстве был большой розовый бант, – Аун ещё раз понятливо кивнул, ожидая пояснений. – А теперь посмотри на рисунки.

Аун опустил глаза на листики и почувствовал, как его большое китовое сердце вдруг стукнуло в два раза сильнее, чем обычно. Это всё были разные пейзажи: вот лавандовые поля, на которых они сейчас стояли, с сиреневыми шестьюрогими коровами, вот охристые луга, которые были ещё у устья реки, вот редкие сосенки на фоне голубого неба... Но на всех них была изображена выпрыгивающая из реки белуха с розовым бантом на шее.

## Глава 5. Водопад из детства Ойлэ

– Бабушка, расскажи сказку! – разлетается эхом.

– Какую, косатик мой?.. Полосатик мой?.. Китик мой?.. – вторит хор голосов.

– Ту самую, про Сердце Суши!

– О, про Сердце Суши?.. Что ж... Когда-то давным-давно, когда киты ещё не умели ни читать, ни писать и целыми днями скитались по бескрайним просторам океана, на земле жили разумные обезьяны. Они были очень разумны: они возводили дома до самых небес, спускались под землю на тысячи миль, погружались под воду и плавали рука об руку с первобытными китами.

– А первобытные киты знали, что это разумные обезьяны?

– Ох, косатик мой... Полосатик мой... Китик мой... То время давно кануло в небытие и доносится до нас лишь размытыми голосами. Кто знает, что думали первобытные киты? Наверное, о чём-то они всё-таки догадывались, раз сейчас мы рассказываем про них сказки.

– Но что случилось с разумными обезьянами?

– А вот слушай... Разумным обезьянам не было равных: их ум стал венцом той эры, в которую они жили. Но всякая цивилизация, какой бы разумной она ни была, не может существовать вечно.

– Почему?

*Недолгое молчание.*

– Много разных причин, косатик мой... Полосатик мой... Китик мой... Но у разумных обезьян была своя. Обезьяна, конечно, животное умное, но не такое добродушное, как кит. И обезьяны возгордились. Сами того не сознавая, они возомнили себя выше самой Матери Природы, решили, что они одной силой разума смогут перестроить этот мир под себя. И обезьяны забыли о своих бывших собратьях, о тех, кто остался ниже венеца разума: они стали строить свои дома на домах других, жечь леса, разрушать великие горы только для того, чтобы они не загораживали вид на Великий океан... И между Матерью Природой и обезьянами произошёл раскол. Обезьяны отреклись от Матери Природы... А Мать Природа отреклась от них.

– И что было дальше?..

*Пауза.*

– Мать Природа разгневалась: такой яростной она не была давно. Она заново вырастила леса, воздвигла горы и силой снесла все обезьяньи творения, которые мешали ей жить.

– А как же разумные обезьяны?..

– Они ушли. Скрылись где-то вдали от океана и Матери Природы в поисках нового дома. И вот тогда появилось Сердце Суши – огромный великий город, в котором укрылись последние разумные обезьяны. Единственное место, куда не

*достаёт рука Матери Природы.*

*– И оно правда существует?*

*Пара мгновений тишины.*

*– На свете много легенд, косатик мой... Полосатик мой...*

*Китик мой... Они плывут по воде и со временем растут, как растут киты, и становятся не похожи на себя в детстве. Но легенда никогда не рождается просто так.*

*– О чём задумалась?*

Аен встрепенулась и обернулась на Уола. Тот присел рядом с ней.

*– Да так, – хмыкнула она. – Вспомнила сказку, которую мне в детстве рассказывала бабушка.*

*– Про Сердце Суши? – Аен кивнула. – Нам всем её рассказывали в детстве. Подозреваю даже, что они делали это специально.*

*– Чтобы привить интерес? – усмехнулась Аен и прислонилась головой к стеклу. Лавандовые поля давно уже остались позади, и теперь по обе стороны реки тянулись круглые зелёные шапки ив.*

*– Угу.*

*– В таком случае, я очень им благодарна, – большое закатное солнце осторожно касалось своими длинными пальцами выпуклых стёкол «Суши» и рассеивалось приглушённым оранжевым светом. – Здорово, когда сказки вдруг оказываются правдой.*



– *Могут* оказаться правдой, – поправил Уол. Аен легко улыбнулась и тихо засмеялась.

– Да-да, конечно.

– А что смешного? – удивился Уол.

– Я слышана от Уона о твоих философско-педагогических навыках реалиста.

Уол устало цыкнул, но тоже улыбнулся.

– И когда он только успел?..

– Стоп машина! – прозвучал строгий оклик Ауна. Алу плавно потянул какой-то рычаг, и «Сушь» остановилась. – Переночуем здесь, у водопада. Завтра всё осмотрим и попробуем подняться.

– Почему «попробуем»? – подала голос со своего места Ална. Где-то поблизости слышался грохот разбивающейся о камни воды. – Негоже капитану сомневаться в своих силах!

Ална вовсе не хотела как-то задеть Ауна, ведь капитаном он был одним из лучших, и все это прекрасно знали. Просто, наверное, Ална не совсем подумала, как это прозвучало со стороны.

– Тогда завтра буду ждать твои предложения, госпожа сейвал, – откликнулся Аун со своего места, – а сейчас всем настоятельно советую отправиться спать. Встаём на рассвете с первыми лучами солнца.

В общей каюте раздался разочарованный стон команды.

– А что вы хотели, – тихо пробурчал себе под нос горбатый капитан, уткнувшись в карту, – это вам не детский лагерь.

Все неспешно разбрелись по своим каютам, даже Алу, оставив только сигнальные огни по периметру корабля, плавно скользнул мимо Ауна в маленькую комнатку прямо позади рубки, и капитан остался один. Солнце садилось быстро и вскоре скрылось за высоким порогом водопада, который им завтра предстояло преодолеть. На «Сушь» легла большая тень. Аун стоял, скрестив плавники на груди, и, задумчиво поглаживая подбородок, хмуро рассматривал отвесные скалы перед собой, как вдруг какая-то невидимая волна прошла сквозь его тело. Это была китовая песня. Аун вздрогнул и посмотрел наверх, туда, откуда скатывались тонны воды, но там никого не было. Сигнал повторился. Аун, преодолевая дрожание в лапах, схватил ручку и бумагу. Звук был до того ясный, что казалось, что его источник находится где-то совсем близко, но не на корабле, а там, наверху. Аун закусил губу от досады, что он не может мгновенно подняться на вершину водопада и посмотреть на говорящего, который пока не замолкал. Через несколько таких «куплетов» всё стихло, и Аун прочитал то, что в итоге у него получилось.

*«Подъём справа, но будьте осторожны, могут быть обвалы – поднимайтесь медленно.*

*От водопада идите дальше по реке. Жду в гости».*

– Аун? – выглянул из каюты встревоженный Алу. – Ты слышал?

– Да. И это точно говорили не с корабля.

– Ох, – Алу нервно выдохнул. – Я всё записал, если что.

– Я тоже, – хмуро кивнул Аун и вздохнул. – Ну и как теперь спать?

– Не знаю, друг, – Алу устало прислонился плечом и постарался унять зашедшееся сердце. – Но, если что, камеры по периметру «Суши» работают.

– Со звуком?

– Да. Всё записалось.

– Ну и хорошо, – Аун грузно опустился в капитанское кресло и мгновенно ссутулился. – Как думаешь, он был там?

– Если и не там, то, во всяком случае, где-то очень близко, – Алу тоже сел в своё кресло за рулём, рядом с капитанским. – Это не вода, где звук распространяется на сотни миль, значит, он был неподалёку.

– Но ведь я правильно определил? – чуть прищурился Аун. – Он был на вершине водопада?

– Да. И теперь перед нами ещё одна загадка: как он там оказался? Здесь нет больше поблизости рек.

– Думаю, наш «источник звука» скоро сам ответит на этот вопрос, раз он ждёт нас в гости.

На этих словах Алу снова волнительно выдохнул.

– Подумать только, мы шли на необитаемую сушу в поисках разумных обезьян, а в первый же вечер встретили кита. Невероятно.

– Но мы и не так уж далеко отошли от океана. Даже Ойлэ

заплывала сюда.

– Сюда, но не дальше водопада, преодолеть который в одиночку и без снаряжения просто невозможно.

Аун слабо пожал плечами и поднял голову наверх, надеясь что-нибудь или кого-нибудь увидеть, но, кроме белой пены водопада, пушистых ив и чёткой линии уступа, там ничего не было.

– Может, он зашёл с другой стороны Великого Материка и проплыл его насквозь...

– Так далеко? Даже экспедиции Ули это оказалось не под силу. Да и рек там не особо много, насквозь никакие не идут. Та, по которой плывём мы, самая длинная.

Экспедиция кашалота Ули, ныне одного из профессоров ЭРЫ, была сенсацией своего времени, хоть и оправдала себя лишь на четверть – именно столько смог проплыть Ули от общей площади Великого Материка.

– Что зря гадать? – наконец хлопнул себя ластами по животу Аун и даже немного выпрямился (но ненадолго). – Утро вечера мудренее. Завтра, думаю, всё и узнаем, а сейчас нужно хорошенько подготовиться к этому таинственному «завтра». Спокойных снов, Алу.

– И тебе спокойных снов, Аун, – зевнул Алу, вразвалочку направляясь в свою каюту. – Ты тоже отдохни. Тебе нет необходимости сторожить нас.

– Да-да, я... Сейчас.

Алу хмыкнул себе в усы.

– Знаю, сложно успокоить сердце, когда только что получил от кого-то послание, но нам нужен бодрый капитан, – с улыбкой сказал Алу, задерживаясь в круглом проёме.

– Который, как выяснилось, сомневается в своих силах, – беззлобно отозвался Аун, не отводя взгляда от кромки уступа. Ему всё казалось, что там кто-то ходит, смотрит на них сверху вниз, что ещё чуть-чуть, и его силуэт покажется из-за камней, но ивы шевелил только прохладный ночной ветер и быстрый речной поток, и больше там никого не было. – Ладно. Пожалуй, ты прав. Спокойной ночи, Алу.

– Спокойной ночи, капитан.

– Ну что, госпожа сейвал? – спросил на следующее утро Аун, едва команда выплыла из кают. – Есть какие-нибудь мысли?

Все киты стояли на земле совсем близко к водопаду, так что его холодные бодрящие брызги падали на них частым дождём, однако среди участников похода чувствовали себя по-настоящему бодро только Уол, Аен и сам капитан: остальные, как и Уон, не отличались любовью просыпаться вместе с солнцем.

Но что поделать.

– Прости, Аун, я пошутила, – сонно протянула Ална и глубоко зевнула. – Наверное, неудачно.

– Пошутила ты или нет, а вопрос всё-таки остаётся, – Аун весело и бодро, что порядком раздражало остальных «сонь»,

прошёлся вдоль отвесной скалы, что-то высматривая вдалеке. – Но сначала мы должны обыскать оба берега и попытаться найти домик, про который говорила Ойлэ.

Упоминание «домика» подействовало нужным образом, и все мгновенно забыли про сон, однако, как ни старались киты, никаких следов разумных обезьян ни на одном из берегов они так и не нашли. Ойлэ, конечно, клялась, что домик стоял «вот на этом самом месте и напоминал большой дырявый камень», и показывала на пустое место. Киты ощупали каждый валун на побережье, простучали все скалы, прошерстили все кусты и даже осмотрели все деревья, но никакого домика и в помине не было.

– Что ж, видно, мы опоздали, – со вздохом заключил Уон, возвращаясь к кораблю несолоно хлебавши. За ним тоже не особо радостно плёлся Уол.

– Тут совсем недалеко: всего один день пути на корабле, – задумчиво сказала Иен, пристально вглядываясь в камни на дне реки. – Мало ли кто заплывал сюда. Может, его нашли раньше нас?

– Хотелось бы, чтобы это было так, – грустно вздохнул Уол и опустил широкую синюю ладонь в бурлящий поток – тот сразу обдал его волной прохладной свежести. – Ойлэ, в следующий раз, будь добра, не тяни с такими находками, ладно?

– Конечно, – тихо отозвалась Ойлэ и отошла от друзей.

Ойлэ стало совсем грустно. Дело было не только в том,

что они не нашли обезьяний домик – в общем-то, надежды, что за столько лет он сохранился, было мало, – а в том, что это была частица её детства. То место, куда она раньше приходила на протяжении многих лет, снова встречало её, хоть оно, как и Ойлэ, неизбежно выросло, повзрослело и изменилось. Позади остались охристые луга с редкими сосенками – одной из них уже нет, потому что в неё попала молния, – тёмно-зелёные волны холмов, всё такие же величественные и таинственные для подводных обитателей, лавандовые поля и ивняк по берегам реки... Всё это было так знакомо Ойлэ, что ей самой в это не верилось. У китов длинная жизнь, и для того, чтобы запомнить каждое её мгновение, Мать Природа подарила им хорошую память. Оттого, наверное, Ойлэ и было сейчас так грустно: хоть это и было давно, она помнила все эти пейзажи, пусть и видела их только со стороны воды. Но теперь среди них не было странной дырявой скалы.

– Расстроилась? – тихо окликнула её Иен. Ойлэ чуть обернулась на неё и коротко кивнула.

– Да. Это места моего детства. Помню, как однажды даже осталась здесь на ночёвку... Было здорово.

– На ночёвку? – искренне удивилась Иен. – Серьёзно?

– Ага, – вздохнула Ойлэ. – Доплыла аж сюда и не рассчитала время на обратный путь. Жаль, что получилось всего один раз.

– С родителями?

– М? Нет, одна.

– Как же? И тебя отпустили?

Ойлэ смущённо отвела взгляд и лукаво прищурилась.

– Родители тогда уехали на пару-тройку дней... Они до сих пор об этом не знают.

– Ну ты даёшь! – хохотнула Иен. – И как оно? Где ты спала?

– Как раз у той дырявой скалы, – со вздохом ответила Ойлэ. – Сгребла камни, чтобы не унесло течением, натаскала веток и устроилась на берегу, положив голову на землю, а надо мной возвышался большой тяжёлый камень, укрывая от остального мира, словно стена от всех бед... Потом стемнело, и я долго ещё смотрела на звёзды. Знаешь, в океане так не получится на них смотреть, потому что всё время течением сносит, да и опоры никакой. Разве только на Сизой Гряде.

– Здорово было, наверное...

– Здорово? – с улыбкой переспросила Ойлэ. – Ты шутишь!

Было волшебно...

Они шли сквозь густой ивняк, постепенно отдаляясь от реки. Шум водопада с каждым шагом становился тише.

– Ой! – воскликнула Иен, когда ей на голову упала какая-то деревяшка. – Что это?

– Не знаю, – с любопытством склонилась Ойлэ над доской. – Ветка, наверное.

Иен и Ойлэ подняли головы вверх: прямо перед ними в окружении пушистых ив возвышалось большое, старое, засохшее дерево. Почти сразу за ним, у большой груды камней,



весело журчал ручей, чуть ниже впадающий в реку.

– Это дерево ты тоже помнишь?

– Нет. Я же не выходила на берег, а с реки его не видно.

Иен задумчиво обошла дерево, задрав голову кверху, пристально оглядела груду камней и немного необычные голые ветки.

– Погоди-ка... – протянула она, зацепившись за что-то взглядом. – Это не дерево!

– А что же тогда?

– Это... Это... Аун! – радостно крикнула Иен в рацию. – Идите все к ручью! Мы с Ойлэ нашли водяную мельницу!

– Что мы нашли?.. – шёпотом переспросила Ойлэ, пока Иен воодушевлённо щебетала что-то в микрофон и осматривала со всех сторон огромное сухое дерево.

– Мельницу! Водяную мельницу! Для дерева оно слишком ровное и гладкое, не находишь?

– Нет, если честно, – стушевалась Ойлэ и, подумав, добавила: – На баобаб похоже.

– Смотри, – Иен ловко плюхнулась поперёк ручья, расплескав вокруг себя воду и перегородив поток, и показала куда-то под груду камней. – Видишь колесо? Если немного изменить поток, оно будет крутиться. У нас же тоже такие есть!

– Ну... – Ойлэ бы поспорила насчёт «такие же», потому что в свалке дерева и камней она не признала водяную мельницу, хотя сама жила рядом с ними и знала, как выглядят

подобные сооружения.

– Осторожнее! – услышали они строгий оклик Ауна. Даже не так: как обычно, строгий оклик Ауна. – Второй этаж прогнил и почти разрушился от времени, может обвалиться. Отойдите подальше.

Ойлэ и Иен немного отползли, но уже через пару мгновений снова приблизились к мельнице, вместе с остальными разглядывая очередную находку. Водяная мельница заметно приободрила КИТ.

– Ална, присмотри вместе с Алу за кораблём, – коротко сказал Аун после того, как заглянул внутрь мельницы через маленькое окошко. Ална, грустно вздохнув, ушла на корабль к Алу. – Уон и Аен, сфотографируйте тут всё.

Когда Уон и Аен, обрадованные данной им возможностью самим всё исследовать, принялись щёлкать фотоаппаратами, Аун наткнулся на вопросительный взгляд Уола.

– Я посмотрел внутри, там ничего опасного, – тихо пояснил Аун, подходя к другу. – На корабле должно быть минимум два кита, а эта мельница – прекрасная возможность для наших добровольцев проявить себя.

– Главное – не подниматься на второй этаж, – скептически усмехнулся Уол, провожая взглядом брата. – Уж он-то точно не вынесет нашего веса.

– Нет, подняться-то можно, – возразил Аун. – Там каменная лестница, она выдержит, а вот на деревянный пол вставать нельзя.

– Ты же не забыл сказать им об этом?

– Уон, Аен, как вы там? – послышался сверху обеспокоенный голос Ауна. Уон с шипением поднялся и помог сделать то же самое Аен.

– Всё нормально! – крикнул он наверх. – Ушиблись и развалили, возможно, единственную постройку разумных обезьян, а так ничего страшного! – Уон помолчал, что-то проверяя, а затем добавил: – Фотоаппараты целы!

– Подождите немного! – добавил голос Уола. – Сейчас мы вас вытащим!

Пару минут назад у мельницы было целых два этажа: первый и второй. После того, как Уон и Аен опустили свои ладони на деревянный пол второго, остался только обнаруженный после падения заброшенный подвал.

– Смотри! – тихонько позвала его Аен. – Что это?

Она показывала на чёрную зияющую дыру в стене. Из неё веяло речным холодом.

– Тоннель какой-то, – так же тихо ответил ей Уон и посветил фонарём. Белое пятно света показало китам заплесневелые каменные стены кирпичной кладки.

– Аун! – крикнула Аен. Её звонкий голос эхом отразился от стен подвала. – Тут какой-то проход!

– Куда он ведёт?

– Не знаю!

– Я имею в виду, направление какое? К реке, от?

– К водопаду, судя по всему! – ответила Аен, внимательно следя за бесстрашно идущим вперёд Уоном. – Я даже слышу его шум!

Некоторое время наверху было тихо.

– Подождите одну секунду! Я спущусь к вам! – наконец крикнул в ответ Аун.

– Может, лучше мы с Иен спустимся к ним? – тихо спросил на поверхности Уол. Рядом стояли Алу и Ална, пригнавшие «Сушу» прямо к мельнице. – Брат и сестра, всё-таки...

– Да, пожалуй, так будет лучше, – спустя пару мгновений раздумий согласился Аун и подошёл к краю дыры. – Насколько тоннель широкий?

– Достаточно! – послышалось снизу.

– Четыре кита пройдут?

– Вполне!

Аун показал головой на дыру, и старшие учёные спустились вниз.

– Что там? – строго спросил через некоторое время горбатый капитан по рации. В ответ послышалось шуршание.

– Пока ничего, – сказал приглушённый голос Уола. – Ползём по тоннелю.

– Просто голые стены?

– Да.

– Куда он всё-таки ведёт?

– Соглашусь с Аен, по ощущениям, к водопаду. Слышу его шум.

Некоторое время было тихо. Аун, нахмутив брови, сосредоточенно разглядывал землю у себя под плавниками, Ална мяла плоским хвостом маленькую лужайку перед мельницей (точнее, её остатками), Алу стоял, прислонившись спиной к борту «Суши» и скрестив плавники на груди, Ойлэ периодически заглядывала в дыру. Все ждали вестей. Пока сквозь рацию были слышны только глухой неразборчивый шум разговора, ко всему прочему смазанный ещё и из-за эха в тоннеле.

– Что-то вижу! – вырвал друзей из размышлений голос Уона. Аун сразу же встрепенулся. – Свет.

– Свет в конце тоннеля? – подозрительно спросила Ална. Кто-то фыркнул в микрофон.

– Не этот свет. И... Да, мы были правы. Мы сейчас за водопадом.

– Грот? – догадался Алу.

– Да, и... Не может быть!

– Что? Что там? – Аун был весь на нервах, даже выпрямился от волнения. Ална, заметив это, самодовольно усмехнулась себе под нос.

– Тут вещи! – послышался восхищённый голос Аен. – Разумных обезьян, скорее всего.

– Не суди так быстро, – более спокойно добавила Иен, осторожно ступая на неизвестную территорию. – Но да, тут чьи-то вещи. Прямо в гроте за водопадом.

– Хитрб... – задумчиво протянул Уол, пробегаясь глазами

по каменным сводам. – Водопад скрывает пещеру от посторонних глаз естественной стеной...

Уон с любопытством осмотрел вещи на полу: в углу между двумя булыжниками грузным комком валялось тяжёлое шерстяное одеяло, рядом с ним лежал деревянный и явно самодельный лук с полным колчаном стрел, а посередине в виде круга находилась кладка камней, в центре которой стояли странного вида ветки деревьев. От них шёл дымок.

– Что это? – удивлённо спросил Уон и потрогал пальцем ветви, но сразу отёрнул руку. – Ау! Горячо!

– Что горячо? – взволнованно спросил на поверхности Аун и даже поднялся. Все остальные тоже напряглись.

– Это костёр! – воскликнули хором Иен и Уол, подбегая, насколько это возможно у китов, к Уону. – И он ещё горячий!

– Горячий?.. – неверяще переспросил Аун, остановившись взглядом на стене перед собой. – Это значит...

Аун не договорил.

– Это значит? – переспросила Ална. Она, как и почти половина команды, не была учёной и не знала, что такое костёр.

– Это значит, что отсюда ушли совсем недавно, – прохрипел из рации голос Уола. – Что ещё сегодня ночью здесь кто был.

## Глава 6. Владения Седого Графа

– «...поднимайтесь медленно. От водопада идите дальше по реке. Жду в гости», – сказал Аун и, опустив глаза в пол, чтобы не видеть пожирающие взгляды своей команды, продолжил: – Такое сообщение мы получили вчера вечером.

Минуты две в общей каюте висела напряжённая тишина.

– Значит, те вещи принадлежат не разумным обезьянам? – наконец спросила Иен с нескрываемой грустью. Аун слегка пожал плечами.

– Скорее всего, нет. Но наш таинственный незнакомец любезно подсказал нам способ подняться наверх, а вот как спуститься – большая загадка. Мы с Алу осмотрели тот подъём, спуститься по нему без риска для здоровья невозможно. Впрочем, и подняться-то там не легче...

– Но одно можно сказать точно, – добавил с воодушевлением Алу, чтобы немного приободрить приунывшую команду, – сегодня ночью никто не спускался с вершины водопада. Сегодня вообще никто не ходил вокруг корабля.

– Но ведь говорить могли из грота, – заметил Уол, скрепив плавники на груди. – Вы оба подумали, что звук идёт с вершины водопада, но вы тогда не знали о пещере. Возможно, «певец» говорил с нами из-за водопада, а потом, пока мы не видели, ушёл.

– Да, всё верно, однако он не мог пройти мимо «Суши», –

возразил Алу. – С корабля виден подъём, и, если бы по нему взбирался кит, поверь, это было бы заметно.

– Друзья, к чему все эти споры? – прервал их Аун, пока Уол не сказал что-нибудь ещё. – Нам в любом случае нужно двигаться дальше, так не будем терять времени, – Аун уже было направился к своему капитанскому креслу, но в дверном проёме обернулся и лукаво подмигнул: – Тем более, что нас ждут в гости. Было бы некрасиво с нашей стороны заставлять хозяина ждать.

Подъём действительно был трудный. «Сушь» шла максимально медленно и осторожно, Алу полностью сконцентрировался на дороге – видеть его таким серьёзным и собранным было непривычно даже Ауну, по натуре отличающемуся теми же чертами характера. Все сидели на своих местах, вжавшись спинами в кресла, и, кажется, забывали, как дышать: природная дорога была слишком узкой, крутой и скалистой для китового корабля, и, когда особо большой камень с грохотом откалывался и падал вниз, каждый провожал его с напряжённым страхом в глазах.

Именно поэтому все облегчённо вздохнули, когда «Сушь» наконец-то полностью вскарабкалась на порог – наверное, никогда ещё киты не были так рады твёрдой земле. Впрочем, совсем скоро, когда «Сушь» отошла на приличное расстояние от водопада, Алу плавно свернул в реку, и корабль с радостью вернулся в родную стихию, оставляя сложный порог позади.



– Хвала нашим предкам-китам! – радостно воскликнул Аун, когда речная волна ударилась в окно. – Алу, ты лучший водитель на свете!

Позади Алу послышались громкие аплодисменты команды, и тот смущённо улыбнулся.

– Но где же наш таинственный певец? – тихо спросил сам себя Аун, внимательно осматривая берега и вглядываясь в просвет между деревьями. Все остальные тоже смотрели в оба. – Он же наверняка живёт рядом с рекой...

– Кто знает, – добродушно откликнулся со своего места Алу. – Это мы, привыкшие к воде, думаем, что по-другому нельзя. Может, тот, кто долго живёт на суше, так не считает.

– Вода – это источник жизни, – возразил Аун под постоянное щёлканье фотоаппарата Алны. – Ни одно живое существо не может без него.

Алу не стал спорить с этим утверждением.

По реке плыли долго, почти полдня, так что запал команды стал понемногу затихать. Многие отлипли от окон, за которым всё начало погружаться в туман, вполне благоразумно посчитав, что поход походом, а обед по расписанию, и сгруппировались в центре общей каюты за большим круглым столом. Даже Аун, уставший который час подряд сканировать местность, присоединился к команде и её оживлённой беседе, ненадолго выкинув из головы поющего незнакомца, только Уон, наскоро запихав в рот что-то (он даже не понял, что),

продолжал крутиться по залу, как волчок.

– Ты бы поел спокойно, – заметила Ална, когда Уон в очередной раз проплывал мимо стола. – А то ещё в голодный обморок упадёшь.

– Что за ерунда, – отозвался Уон, пробегаясь взглядом вплоть до черты горизонта, насколько это было возможно в тумане. – Я уже поел.

– Ну правда, сядь, – поддержала Алну Иен. – Голова уже от тебя кружится.

– Я шёл в поход не для того, чтобы есть, – серьёзно заметил Уон и продолжил наворачивать круги по каюте. Уол, коротко кивнув остальным, тоже отошёл от стола и остановился на носу «Суши».

– Нарвал!!! – раздался вдруг двойной крик. Все, как один, побросали то, что держали в лапах, и столпились у окна.

– А я-то думаю, где вы плетётесь, хе-хе, – высоким скрипучим старческим голосом прохрипел незнакомец, пока Аун помогал ему подняться на борт «Суши». Точнее, хотел помочь, потому что старик одним нетерпеливым жестом отверг ластву помощи и вполне прытко для своих лет забрался сам. – Уже было испугался, может, свернули не туда, в тумане-то.

– Но кто Вы? – с удивлением и восхищением одновременно спросил Аун. Все остальные в немом оцепенении смотрели на странного гостя, которого, не сговариваясь, усадили за накрытый стол.

– Кто такой я, милоч, это последнее дело, хе-хе, – прокрипел в ответ старичок. – Меня больше интересует, кто вы такие.

– Но назовите хотя бы имя, – за круглым столом собралась вся команда. Даже Алу покинул своё место, остановив «Сушь».

Старичок на мгновение задумался.

– Обезьяны называют эти места Владениями Седого Графа. Всё из-за тумана, который здесь постоянно. Думаю, я имею право называться Седым Графом, раз я тут живу, хотя бы для вас. Тем более, что и седины в моих волосах предостаточно, хе-хе.

– Обезьяны? – с надеждой переспросил Уон. Граф покопился на него и, заметив заинтересованный блеск в глазах, лукаво улыбнулся.

– Э, да я смотрю, вы путешественники! Ищите их цивилизацию, верно?

– Мы учёные, да, – взял слово Аун. – Отправились в экспедицию на поиски цивилизации разумных обезьян от биостанции ЭРА. Вам знакомо это название?

– Ну, как же, хе-хе, – хмыкнул Граф и как-то погрустнел. – Был у меня там один друг... Давно это было.

– Кто? Может, мы знаем.

– Э, не, – печально покачал головой из стороны в сторону Граф и глубоко вздохнул. – То время давно утекло в воды Бесконечного океана. Боюсь, его уже нет на этом свете.

– Как и Вас, – Граф удивлённо посмотрел на Иен. – Мы не ожидали здесь встретить подводных обитателей, когда шли на «необитаемую» сушу. Всё-таки, кто Вы?

Граф задумчиво поджал губы.

– Совсем скоро стемнеет, – наконец сказал он, отвернувшись от пытливого взгляда к окну, – и наплзёт ещё больше тумана. Предлагаю отправиться ко мне, ведь я не просто так звал вас в гости, верно? Там и потолкуем, хе-хе.

На это возразить было нечего, а потому Алу, бросив короткий взгляд на капитана и получив от него утвердительный кивок, вернулся на своё место и повёл «Сушь» дальше, изредка поглядывая через зеркало заднего вида на нового попутчика. Рядом с ним в капитанское кресло опустился Аун.

– Странно это всё, – сказал он задумчиво. Алу скосился на Ауна.

– Ты про Графа?

– И про него тоже, – Алу невольно задержался на глазах Ауна и с неким страхом понял, что никогда не видел капитана таким растерянным и сбитым с толку. Хорошего это не сулило. – «Обезьяны называют эти места Владениями Седого Графа...» Абсурд! Быть не может, чтобы обезьяны заходили так далеко, и мы об этом не знали.

Аун немного обернулся назад и посмотрел на гостя, но тот весело щебетал о чём-то с остальными членами команды и не слышал их разговора.

– Всё с самого начала пошло не так... – продолжал бормотать Аун скорее сам себе, чем Алу. – В первый же день нашли ящик с рисунками, на которых нарисована Ойлэ... Потом песня с вершины водопада... Водяная мельница... Грот с только что затушенным костром... Теперь незнакомец, который уже на нашем борту и ведёт нас неизвестно куда... И это всё в первые же дни экспедиции... – Алу снова опасливо покосился на Ауна. Ему не нравился настрой капитана. – Нас дразнят.

Алу неопределённо повёл плечами, по которым невольно пробежал лёгкий холодок.

– Согласен, всё это не может не вызывать подозрений, – сказал он наконец, поудобнее усаживаясь в кресле. – Но «Сушь» сейчас веду я, а не он. Граф всего лишь сказал идти дальше по реке. Не будь его, мы бы сделали то же самое. Да и кто нас может дразнить, а, самое главное, зачем?

Аун ничего на это не ответил, и Алу уже было подумал, что привёл достаточно весомые аргументы, чтобы успокоить капитана, как вдруг Аун тихо и неразборчиво, но всё-таки достаточно, чтобы Алу услышал, сказал:

– Разумные обезьяны, – он помолчал, слепо глядя перед собой на короткие волны реки, а затем добавил: – Чтобы сбить нас с цели.

За столом тем временем шёл более чем оживлённый разговор, и пусть Граф наотрез отказался отвечать на главные вопросы, вполне справедливо обосновав это тем, что он «не

попугай и не собирается повторять дважды», на истории из своей жизни он не скупился.

– ...А вот однажды я обходил свои владения. Была середина осени, промозглый ветер уже охлаждал воду, и болота стали красными от клюквы. Зима дышала мне в лицо: я чувствовал, что совсем скоро, буквально через пару недель пойдёт снег и скроет собой кровавые следы ягод, поэтому я торопился. Так вот, я иду по тропинке, собираю ягоды... А над болотом, как обычно, туман. Мда. Иду я, значит, и вдруг вижу, как где-то вдалеке маячит силуэт... Я, конечно, удивился. Кто бы это мог забрести в такие дебри? Болота, туман, сырость... Мои владения, знаете ли, не слишком приветливы, они не для неженков, хе-хе! Я пошёл на силуэт...

– И Вы не испугались?.. – восхищённым шёпотом спросила Аен. Остальные слушали, затаив дыхание.

– Конечно, нет! – Граф гордо поднял вверх свой длинный бивень. – Я давно уже забыл, что такое страх, друг мой, да и, по правде сказать, я и раньше не был с ним особо знаком. Так вот, я пошёл прямо на силуэт, темнеющий в тумане, и увидел, что это одна разумная обезьяна собирала ягоды.

– Разумная обезьяна?.. – ещё тише и восхищённее, чем Аен, переспросил Уон.

– Да, сынок! – наслаждаясь собственной важностью, продолжал Граф. – Вообще-то, они редко сюда заходят, раза три-четыре за год, может, пять, но не больше... – Граф о чём-то задумался, сосредоточенно разглядывая свои ног-

ти. – Они вообще редко покидают Сердце Суши... Боязливый больно стали... – Граф недовольно нахмурился, словно эта мысль была ему чем-то противна. – Так вот. Да, это была разумная обезьяна, которая так же, как и я, собирала на болоте клюкву. Правильнее было бы даже сказать, обезьянка, совсем ещё мартышка... Детёныш, одним словом. Я тихо подплыл к ней сзади и стал наблюдать – она меня даже не заметила... Мда... – Граф снова недовольно нахмурился и заворчал себе под нос: – Это ж надо, такую громадину не заметить!.. Совсем перестали чему надо учить. Не удивительно, что они из Сердца совсем не выходят...

– А что было дальше? – робко напомнила Иен, заметив, что Граф несколько отдалился от повествования.

– Что? Ах да, – встрепенулся Граф и снова просветлел. – Девочка, очевидно, никогда здесь раньше не была и тропинки не знала, а потому, конечно, в какой-то момент оступилась и упала прямо в вязкую топь болота.

Граф сделал паузу, с чересчур довольным видом оглядев лица своих благодарных слушателей.

– Она утонула? – тихо спросила Ойлэ, боясь угадать со своим предположением. Остальные тоже напряглись.

– Да, к сожалению, – легко пожал плечами Граф, на мгновение вернувшись к своим ногтям. Команда как-то сразу поникла. – Но я спас её! – слышался облегчённый вздох. – Когда гадкая топь уже была готова забрать девочку себе, я подхватил её к себе на спину и изо всех сил поплыл к бере-

гу, к твёрдой земле. Девочка, конечно, испугалась, ведь она наверняка никогда раньше не видела такого большого и величественного животного, тем более с рогом во лбу, но, тем не менее, она доверчиво обвила руками мою шею и не стала препятствовать своему спасению, как это иногда делают представители других видов. Я ссадил её на берегу и развёл костёр, чтобы она могла согреться, а потом принёс ей мою корзинку с клюквой, потому что свою она утопила в болоте.

– Вы настоящий герой! – восхищённо воскликнул Уол и даже захлопал в ладоши. – А что было дальше?

– Ну... – Граф пожал плечами. – Потом она ушла.

– И всё? – удивилась Ална. – Просто ушла?

– Кхм-кхм, – несколько смущённо кашлянул Граф. – Всё по порядку, друзья мои. Тогда она просто ушла. Но зато потом вернулась, и не одна.

– Добро пожаловать в мой дом, господа путешественники! – со старческой хрипотцой в голосе воскликнул Граф, когда «Сушь» мягко ткнулась носом в хлюпающую землю берега. – Я говорил, что он не для неженков, хе-хе...

Сомневаться в правдивости последних слов не приходилось: дом Графа, издаലെка напоминающий две большие переплетённые между собой ивы, – что, впрочем, было недалеко от правды, – стоял на стрелке при слиянии двух рек. Дальше их берега неизбежно превращались в болота с паутиной частых тропинок твёрдой суши, скрытых от глаз бе-



лой пеленой тумана.

– У этих двух рек слишком много всяких ручьёв, притоков, рукавов... – пояснил Граф со знанием дела. – Эта стрелка – одно из немногих мест, где есть по-настоящему твёрдая суша. Вокруг неё только сплошная топь, а до другого берега, в какую бы сторону вы не пошли, полдня пути, и то, если не заблудитесь и не утопните, хе-хе.

– А что по рекам? – спросил Алу, с интересом оглядывая дом Графа. Внутри у него было на удивление уютно и приятно, чего нельзя было сказать об обстановке за окном: были и кровать, и стол, и диван, и что-то ещё... Опытный взгляд Уола признал в груди валунов нечто, отдалённо напоминающее печь. – Куда они ведут?

– Мой дом – самое сердце болота, самый центр. Ну, почти, – сказал Граф, одним ловким движением разводя огонь. Киты, конечно, тут же в страхе отпрянули, но Граф благополучно пропустил мимо ушей их испуганный вздох. – И, раз уж мой дом – сердце, я подумал, что вполне логично назвать эти две реки Вена и Артерия. Где-то через две мили Вена сворачивает налево и дальше постепенно теряется в болоте, а Артерия уходит в глубь суши и там впадает в Шахматные озёра. Их ни с чем не перепутаете, они как будто в шахматном порядке расположены, с холма обязательно увидите... Вы же хотите найти Сердце Суши, господа?

– Всё верно, – сказал Аун, опускаясь за стол рядом с Графом. Все киты, посмотрев мельком на домик нарвала, вер-

нулись на борт корабля хотя бы потому, что все вместе у Графа они бы не поместились, да и внутри было куда уютнее. Теперь из окна «Суши» было видно, как где-то снаружи плавают в воздухе жёлтые светлячки. – Вы знаете, как до неё добраться?

– Нет, сынок, – грустно покачал головой Граф, с удовольствием потягивая горячий чай. За бортом стемнело и похолодало. Осень дышала снаружи. – Но я знаю, кто знает. Я Граф только на своих владениях, и властелин я только на болотах. Я помогу Вам добраться до Шахматных озёр, потому что, боюсь, без моей помощи вы заплутаете в частых рукавах Артерии, ещё свернёте не туда... У тебя есть карта, милоч?

Алу, дождавшись короткого кивка Ауна, протянул Графу карту.

– Э-хе-хе... – задумчиво сказал Граф, разглядывая немного выцветшие блёклые картинки. – Вот она, Артерия, – Граф провёл пальцем по толстой синей линии, от которой, впрочем, то тут, то там, отходили такие же. На этом карта заканчивалась. – Как есть, заплутаете. Я вас провожу до Шахматных озёр. Дальше я дороги не знаю, но, если нам повезёт, мы встретим того, кто знает.

– И кто же это? – задала справедливый вопрос Иен. Все сначала покосились на неё, затем на Графа. Тот чуть замаялся.

– Один мой знакомый из разумных обезьян, мда, – сказал он наконец, жуя губы. Искреннее удивление отразилось на

лицах китов.

– Из разумных обезьян? – переспросила Ойлэ, вполне справедливо полагая, что ей послышалось. Граф немного хмуро кивнул.

– Да, из разумных обезьян. Брат той девочки, что я спас на болотах. У него есть имя, но оно слишком сложное для моего китового произношения. Я зову его Изгой.

– Почему «изгой»? – удивился Уол.

– Потому что он ушёл из Сердца Суши, и, по правде сказать, я очень уважаю его за это. Собственно, не уйди он отсюда по своей воле, мы бы вряд ли подружились, – Граф окинул взглядом китов за большим круглым столом и невольно усмехнулся. – Слишком много вопросов, да? Задавайте, я слушаю.

Киты переглянулись между собой. Было видно, что всем им не терпелось получить долгожданные ответы, но чувствовали, что если сейчас дать вопросам волю, то они просто превратятся лавину.

Наконец вопрос задал Аун.

– Вы общаетесь с разумными обезьянами?

– Только с двумя их представителями: Изгоем и его младшей сестрой, которую я называю Тоска. Руки-ноги тощие, сама худая, как травинка, кажется, чуть ветер подует – унесёт... Как посмотришь на неё, сразу тоска нападает, хе-хе.

– Но вы... Э... – Аун неопределённо махнул плавником в воздухе.

– Что?

– Вы прямо общаетесь?

Граф хмыкнул.

– У них не очень сложный язык, разве только в плане произношения. Оно довольно грубое и твёрдое, это обезьянье наречие... Не такое, как у китов, не певучее и тягучее. Когда я первый раз попробовал что-то сказать на их языке, то порядком напугал их, хе-хе.

Киты переглянулись и хором подумали, что всё это скорее похоже на сон, чем на реальность.

– У порога водопада мы нашли водяную мельницу и грот, в котором лежали чьи-то вещи: плед и лук со стрелами, – продолжил, оправившись от удивления, Уон. – Ваше?

Граф слегка пожал плечами.

– Были моими. Иногда Изгой, когда завершает свой ежегодный круг, проходит в этих местах, и я немного помогаю ему. Не всегда получается свидеться, но зато он может рассчитывать на мою помощь в виде новенького лука и стрел, хе-хе.

– Кочевник? – догадался Уол. Граф кивнул. – А костёр? Это Вы разводили костёр?

Граф непонимающе нахмурился.

– Костёр? В гроте?

– Да. В нём были тлеющие угли.

Граф задумался.

– Меня не было прошлой ночью в том гроте, – протянул

он наконец. – Я отнёс лук и стрелы ещё неделю назад, и с тех пор не спускался к порогу водопада. Уж больно затратное это дело, хе-хе... Не ровён час, все кости себе переломаешь.

На несколько мгновений повисло молчание.

– Как Вы здесь оказались? – прервала затянувшуюся тишину Иен. – Болото – не самое удачное место для жилья. Почему здесь? И почему Вы не вернулись?

Граф грустно вздохнул и некоторое время помолчал, собираясь с мыслями.

– Когда-то давно я жил в океане, как и все порядочные киты, но больно любил плавать на поверхности в шторм. Однажды волны оказались слишком сильными и высокими. Они потащили меня за собой, к берегу, и даже не давали уйти на глубину, волочили меня по песку. Меня унесло бурными водами Южной реки в глубь суши так далеко, что я потерял из виду океан и уже не мог сказать, где он, – Граф устало вздохнул, вспоминая далёкое прошлое. – Бурная река несла меня сквозь горы, их острые скалы и высокие утёсы. Ох и натерпелся я тогда страху, хе-хе!.. Жизнь – неплохой учитель, знаете ли... За столько лет я научился чувствовать себя на земле так же уверенно, как и в воде, и могу поспорить, что вам, мои дорогие путешественники, есть чему у меня поучиться, хе-хе! Я поселился у горных отрогов, куда меня вынесло водами Южной реки. Много раз с тех пор я пытался подняться назад, но горы там слишком крутые, а поток слишком бурный, чтобы даже такой опытный сухопутец, как я, справился

с ними. Я облазил там все горы, какие только мог: дороги назад не было. Потом, много лет спустя, я перебрался на топи... Конечно, я нашёл путь к океану. Я мог вернуться... Но почему-то не сделал этого. Не захотел. Я столько лет провёл на суше, что она стала мне, как родная. Мы смогли подружиться: я и суша. Я увидел новый мир, о котором раньше мог только мечтать, и этот мир ответил мне взаимностью. Наверное, я эгоист, ведь мои знания очень быгодились китам... Что ж, в таком случае, у меня появился шанс это исправить.

Граф устало замолчал, переводя дыхание. Киты смотрели на него с неподдельным восхищением.

– Что же заставило Вас уйти оттуда и поселиться на неприступных болотах? – спросила Аен спустя некоторое время. Граф немного нахмурился и поджал губы.

– Однажды отряд разумных обезьян напал на меня, – коротко бросил он сквозь зубы. – Они начали на меня охоту, и единственным местом, куда они не осмелились ступить, были болота.

– Напали? – опасно переспросила Ойлэ. Ей стало не по себе – впрочем, не только ей.

– Да, напали, – угрюмо повторил Граф. – Видите шрам на плече? От гарпуна.

При виде короткого шрама, который остался после явно глубокого ранения, путешественники поёжились.

– Разумные обезьяны настроены враждебно? – как мож-

но более спокойно спросил Аун, отбивая пальцами на столе тихую дробь. КИТ насторожилась.

– И да, и нет, – сонно выдохнул Граф, потянулся и зевнул. – Просто в таких больших животных, как мы, они видят вкусный и сытный обед, вот и всё. А то у них там, в Сердце Суши, одна трава осталась, хе-хе...

Последняя фраза как-то странно подействовала на друзей: все сразу помрачнели, собрались и даже не переглядывались между собой.

– Ну что приуныли, касатики? – заметил напряжённое молчание Граф. – Не все нас хотят слопать! Вон, подружился же я с Изгоем и Тоской? Подружился! И вы, глядишь, с кем-нибудь общий язык найдёте. А Изгой и Тоска вас не тронут. Это я вам обещаю...

– Спасибо, Граф, – почтительно склонил голову Аун. – Сейчас уже час поздний – спать пора. Утром мы посоветуемся, и, если чего надумаем, Вам скажем.

– Думаете повернуть назад? – хмыкнул Граф с лукавым прищуром. – Ну-ну. Только учтите, что уйти вы всегда успеете, а вот Изгой ещё раз проходить в этих местах будет только следующей осенью, и только он может проводить вас до Сердца Суши. Да и помните, что обезьяний век куда короче китового...

– Мы подумаем, – вежливо кивнул Уол, зевнув. – Думаю, нам и правда пора спать. Останетесь на корабле, Граф? Мы у Вас в гостях, но и Вы не откажите в милости быть нашим

гостем. А то когда ещё выпадет такая возможность – поспать на корабле!

– Ты знаешь, а я не против, милоч! – обрадовался такому раскладу Граф, потирая руки. – Надеюсь, у вас найдётся лишняя каморка для старика-нарвала?

В эту ночь все спали спокойно. Ну, во всяком случае, Седой Граф.



## Глава 7. Уол рассказывает сказку про кита, который хотел уметь летать

– Ну что, друг мой ситный? – спросил Уон, опустившись на кровать и растянувшись поперёк брата. – Что делать будем?

– Тебе мало занятий? – удивился Уол. Туманные берега с чёрными силуэтами ив тихо плыли за круглыми выпуклыми окнами.

– Мне скучно, – пожаловался Уон и шутливо тыкнул брата под рёбра. Уол сразу сжался, но не остался в долгу и натянул на голову Уона капюшон.

– Как тебе может быть скучно в походе на сушу? – снова удивился Уол, пытаясь спихнуть с себя брата, но тот оказался порядком тяжелее, чем он думал. За окном смеркалось.

– Три дня пути, Уол! – воскликнул Уон, не обращая внимание на попытки брата его сдвинуть, и перевернулся на живот, отчего Уол сдавленно выдохнул. – Три дня в ожидании таинственной встречи!

– Которая может и не состояться, – заметил Уол, но остался не услышанным.

– Нам надо отвлечься.

– Тебе надо отвлечься, – поправил его Уол.

– Мы можем посмотреть кино, – сказал Уон, пропустив мимо ушей слова брата, – раз ты запрещаешь мне читать книги.

– Я запрещаю тебе читать книги? – удивлённо и несколько возмущённо переспросил Уол. – Когда это такое было?

– Как же! Перед отъездом так и сказал: «Запрещаю тебе читать».

– Врёшь ты всё.

– Стал бы я врать и обманывать – кого? – собственного брата!

– Ты постоянно так делаешь.

– Неправда.

Уон получил ощутимый тычок под рёбра и съёжился.

– Давай рассказывать страшилки, – предложил он, подумав некоторое время. Уол искоса посмотрел на брата и усмехнулся.

– Ты же опять всю ночь будешь дрожать от страха.

– Не буду, обещаю.

– Не уснёшь.

– Глаза закрою – и сразу спать.

Уол хмыкнул.

– Ну хорошо, – он потянулся и слабо зевнул. – Ты приёмный.

Уон, который уже было воспрянул, снова поник.

– Не смешно.

– А я и не шучу, – Уол всё же немного улыбнулся и быстро

отвёл взгляд, чтобы не встречаться глазами с братом. – Нет, ну ты посмотри на нас: я длинный, стройный, спортивный, умный и красивый, а ты короткий, толстый лентяй, который, к тому же, совершенно не блещет красотой.

– Поменяй характеристики. Ты перепутал их местами.

– Отнюдь! – по лицу Уола прошлась подушка. – Тебе стоит мыслить более объективно и уметь воспринимать критику, – по лицу Уола второй раз прошлась подушка. – Нет, ты просто невозможен! Неужели ты думаешь, что я врал, когда говорил, что ты был моим подарком на возвращение из экспедиции на север?

– Я не поведусь на это в десятый раз, – мрачно сказал Уон, поджимая губы. Уол не сдержал смешка.

– Одиннадцатый, если быть точным, – и, подумав, добавил: – Странно. Раньше ты не подвергал сомнению мои слова.

По лицу Уола в третий раз прошлась подушка.

– Так что делать будем? – спросил Уон, когда Уол отобрал подушку и у него не осталось оружия. – Мне всё ещё скучно.

– Почему бы тебе не пощebetать с нашим Графом? Уверен, он не упустит возможности поделиться с тобой своим богатым жизненным опытом, а заодно и половиной биографии. Можно было бы книгу написать. Глядишь, стал бы знаменитым писателем, раз быть учёным у тебя получается не очень, – по лицу Уола в четвёртый раз прошлась бы подушка, если бы Уол не отнял её у Уона, поэтому последний огра-

ничился тычком под рёбра.

– Он занят, – отрезал Уон.

– Чем же, если не секрет?

– Помогает Ауну и Алу вести «Сушь». Указывает путь.

– Ах, ну да, – хмыкнул Уол, заложив плавники под голову. – Конечно, это дело требует максимальной концентрации и не терпит отлагательств.

– И всё же.

– М?

– Ты будешь рассказывать страшилки?

– Чтоб ты потом всю ночь не давал мне спать? Нет, увольте!

– Ну Уол! Пожалуйста. Я не буду, обещаю.

– Я слышал это уже миллионы тысяч раз.

– Но ведь в прошлый раз я не мешал тебе спать.

– Естественно, ведь ты мешал спать родителям.

Уон насупился.

– Это было давно.

– Два года назад.

– Говорю же, давно.

Уон ещё минут пять тормозил Уола, но тот ни в какую не соглашался на страшилки. В итоге сошлись на сказках.

– Жил-был на свете кит, – начал Уол, сдавшись. – Надоедливый такой толстяк и лентяй, постоянно теребил своего брата и просил рассказать ему страшилки...

– Уол!

Тот не выдержал и всё-таки громко рассмеялся при виде лица Уона, который уже было начал внимательно слушать сказку.

– Ну а про что ты хочешь послушать?

Уон задумался и залез под одеяло, завернувшись в него, как в плащ, и оставив снаружи только голову. Становилось прохладнее.

– Не знаю. Умную какую-нибудь историю. Со смыслом.

– Философскую? – улыбнулся Уол.

– Нет, – покачал головой Уон и придвинулся к брату, сползая с его живота. – Из тебя плохой философ.

– Паршивый? – подсказал Уол.

– Именно.

За окном совсем стемнело, и вскоре «Сушь» остановилась у лысого пологого песчаного берега, положив на него свою тупую прозрачную голову. За стеной слышались оживлённые голоса.

– Ну вот, Седой Граф освобожден, – сказал Уол, прислушиваясь. – Он знает много интересных и поучительных сказок, можешь не сомневаться.

– Я не хочу слушать Седого Графа, – отрезал Уон и повернулся к брату спиной. – Целого дня его рассказов без перерывов на завтрак, обед и ужин мне хватило выше крыши.

– Ого! И неужели ты теперь хочешь послушать меня? – изумился Уол, тыкая грудю одеял. Та не отреагировала.

– А что ты хотел? – пробурчали откуда-то из-под пледа. –

Сам же запретил мне читать.

– Да не было такого!

– Было. Не помнишь разве? Эх, совсем ты стал стар, Уол, не помнишь ничего...

Подушка, отнятая Уолом, прошлась по голове Уона (точнее, по тому месту, где она должна была быть).

– Всё-таки надо было рассказать тебе сказку про толстого и ленивого кита, который не любил своего брата... – вздохнул Уол и включил ночник. За окном на ветру скрипели сосны.

– Что за чушь.

– Это называется правда.

– Это называется клевета старшего брата на младшего.

Уол тихо хмыкнул себе в усы.

– Тебе не угодить.

Стало тихо. Где-то под окном в темноте шелестели маленькие речные волны, перебирая бурый мокрый песок, шуршала осока на низком заболоченном берегу, и редкие птицы, совсем крохотные, размером с китовый глаз, часто хлопали невесомыми, но сильными крыльями. Уон задышал глубоко и ровно, и на мгновение Уол даже подумал, что брат уснул.

– Расскажи сказку про кита, который хотел уметь летать, – вдруг сказал Уон куда-то в подушку, отчего его голос прозвучал немного глухо.

– Я не знаю такой сказки.

– Придумай.

Уол не нашёлся, что на это возразить. Некоторое время он молчал.

Братья слышали, как за стеной что-то обсуждают Алу, Аун и Седой Граф; кажется, они решали, как лучше обогнуть вязкую топь, однако сказать точно, о чём они говорили, никто из братьев не мог, потому что весь их разговор, пусть громкий и оживлённый, сливался в монотонный шум.

– Когда-то давным-давно жил на свете кит, – вдруг тихо заговорил Уол, высматривая на потолке своеобразные рисунки из игры тени и света. – И очень он хотел уметь летать. Он смотрел на скатов, выпрыгивающих из воды, летучих рыб, парящих в небесном океане чаек и альбатросов и мечтал, что он, прямо как они, однажды поднимется и полетит над родными волнами. И так он хотел уметь летать, что Солнце услышало его желание и попросило Ветер и Луну помочь киту. Однажды ночью кит приплыл на поверхность океана. Когда кит высунулся из воды, Ветер дунул изо всех, и огромная волна, которую тащила за собой Луна, понесла кита на своём гребне прямо в небо.

– И он не испугался?

– Сначала испугался, конечно. Но он был храбрым китом, а потому сумел восхититься той красотой, которую он увидел.

– И что же он увидел?

– О!.. – протянул Уол. – Ему казалось, что он спит и видит

волшебный сон, так вокруг было красиво! Волна донесла его до берега, но не остановилась, а только получше разбежалась и ринулась навстречу суше, и её след остался на земле голубой рекой. Кит увидел лавандовые поля, покрывалами уходящие вплоть до самого горизонта, сиреневых шестирогих коров, пасущихся на них, высокие крутые горы, верхушки которых терялись в облаках, толстенные баобабы и огромные секвойи, тянущиеся своими ветвистыми руками к небу... Он увидел причудливые цветы, которые никогда не выросли бы на морском дне, невообразимых птиц, которые парили под луной, и красивых бабочек размером с его глаз... Ещё он увидел животных, и они были совсем другие, не такие, как в океане. У некоторых были рога и копыта, другие имели пятнистые шкуры и длинные шеи... Ещё были животные размером с треть кита, с большими ушами и длинными носами, и были животные с полосатой шерстью, которые ели мёд... Были там и длинноухие олени, и рогатые зайцы... Много чудесного повидал тот кит. Но чем дальше несла его волна, тем слабее она становилась и тем сложнее ей было тащить на себе подводного зверя. И пусть Луна и Ветер изо всех сил помогали волне, вскоре она совсем устала и опустила тяжёлого кита на свой берег, оставив его одного среди невообразимых красот суши, а сама разлилась глубоким и чистым озером.

Уол на мгновение замолчал, придумывая продолжение, и в этой тишине было слышно, как в соседней каюте над чем-то громко смеются Иен и Аен. Часы пробили девять вечера.



Аун за стеной что-то монотонно говорил в рацию: записывал бортовой журнал или посылал очередной отчёт профессору Ули на ЭРУ.

– Кит сразу поплыл назад, к океану, – заговорил Уол после минутной паузы. – Уж очень ему хотелось рассказать остальным, что он увидел! Но когда он был почти у океана, Мать Природа, не желая, чтобы подводные жители знали секреты суши, вырастила перед китом высокие-высокие горы. Бедный кит очень испугался, что он больше никогда не вернётся в родные воды и навсегда останется здесь, на суше, пусть тысячу раз прекрасной, но всё-таки неизвестной и опасной. Но ещё обиднее ему было, что всё то, что он увидел, останется только с ним, и никто не узнает о том, о чём знал теперь он. Шли дни. Кит немного освоился на суше, не желающей отпускать его в родную стихию.

Уол снова замолчал, давая голосу передохнуть. Надо признать, обычно он говорил порядком меньше, и напрягать горло для него было непривычно, чего при всём желании нельзя было сказать про Уона, у которого рот закрывался только тогда, когда он спал, и то не всегда. Да, Уон любил поболтать, и соперничать с ним в этой любви теперь мог разве что Седой Граф со своими историями из жизни.

– Однажды через горы перелетел альбатрос, – продолжил тихо Уол немного дрожащим голосом. – Он возвращался из-за океана и хотел узнать, откуда тут появились эти горные хребты, которых раньше здесь не помнил. Тогда кит расска-

зал альбатросу всё, что он знал и видел сам, и попросил его передать китам. Альбатрос улетел, и Мать Природа, подумав, не стала останавливать его. Да и что она могла сделать? Птицы на то и птицы! Она сама дала им крылья и позволила лететь туда, куда они только захотят. И кита отпустила Мать Природа, ведь ей больше не было смысла его держать. Но напоследок, когда кит уже был готов нырнуть в родной океан, Мать Природа коснулась его хвоста своими зелёными травянистыми пальцами и сделала так, чтобы им никто не поверил: ни киту, ни альбатросу. И им и правда никто не поверил.

Уол замолчал и вопросительно покосился на Уона (точнее, на грудь одеял, которая им была) в ожидании вердикта. Наверное, Уон и правда задремал, потому что минут пять он молчал, а потом лениво спросил:

– И в чём мораль сей сказки?

– В смысле – «в чём мораль»? – переспросил Уол. Он уже порядком устал говорить и, если честно, был бы не прочь помолчать.

– У каждой порядочной сказки должна быть своя мораль.

– Ну... Вот тебе задание: подумай сам, – недолго думая, ответил Уол и зевнул. – Завтра тебя спрошу.

– Так нечестно.

– Я устал, Уон, – почти простонал Уол и накрылся до носа одеялом. – Давай спать.

– Что значит «спать»? – недовольно переспросил Уон и

перевернулся на другой бок лицом к брату. – Девять вечера всего! Вон, даже Иен и Аен не спят!

За стеной и впрямь слышался косачий хохот.

– Если бы нам не нужно было вставать в четыре утра, – зевая, тихо сказал Уол, – я бы с тобой согласился. А сейчас – нет.

– В четыре утра встаёшь только ты, – возразил Уон. – Все остальные спят до шести.

– «Все остальные» – это кто? – лениво переспросил Уол. – Аун, Алу и Ална, чтоб ты знал, встают вместе со мной, а это без малого полкоманды.

– Я же говорю, в четыре утра встаёшь только ты.

Уол устало вздохнул. Спорить с Уоном было бесполезно – впрочем, как и с ним самим.

– Так в чём мораль-то? – спросил опять Уон. Уол недовольно повернулся к брату спиной.

– Не знаю. Я спать хочу.

– Рано ещё!

– Не хочешь спать – иди к себе, – угрюмо пробурчал Уол и зевнул. – А мне завтра вставать с рассветом...

Некоторое время было тихо, и Уол даже успел обрадоваться, что Уон внял его просьбам и решил тоже спать. Зря, как оказалось.

– Почему Мать Природа не хотела, чтобы киты узнали о суше?

– Уон...

– Что?

– Я спать... – зевок. – ...Хочу.

– Ты что, не знаешь?

– Нет.

– Как же так? Ты ведь сказку придумывал!

– Уон...

Повисла пауза. Опять же, ненадолго.

– Я думаю, Мать Природа не хотела, чтобы киты что-то узнали про сушу, чтобы убереечь их, – задумчиво протянул Уон, выводя длинным синим пальцем на спине брата своеобразные узоры. – Да, убереечь их от разумных обезьян. Как считаешь?

– Может быть...

– А эти глупые киты опять лезут на рожон!

Пауза.

– Ты кого это глупым назвал?... – зевая, спросил Уол. В общем-то, ему было всё равно, просто как-то подозрительно развеселился брат.

– Я? Я никого не называл глупым. Это ты сказку сочинил.

– Но я не говорил, что киты глупые.

– Это следует как вывод.

– Станный какой-то у тебя вывод.

– Сам просил придумать мораль.

– Я просил не придумать, а подумать. Подумать над ней, а не придумать свою собственную, которая не имеет никакого отношения к моей сказке!

– Ну вот, всё правильно! – Уон легонько дёрнул брата длинный ус. – В то время на земле жили разумные обезьяны, от которых уже отеклась Мать Природа. Она переключила своё внимание на другой вид – на китов. Долгое время два вида жили в разных стихиях, не зная друг о друге, но потом киты начали интересоваться сушей, и, чтобы обезьяны не конфликтовали с новым разумным видом, Мать Природа держала китов в родной стихии. Вот.

– Ну может быть.

– А я о чём! – обрадовался Уон. – А теперь глупые киты, которые не хотят слушать Мать Природу, всё-таки полезли на сушу!

Уон сказал это как-то чересчур радостно, что не совсем соответствовало смыслу сказанного. Уол пробормотал себе под нос что-то неразборчивое.

– Ты портишь мне всю сказку, – сказал он, заворачиваясь в одеяло с головой. За окном резко потемнело ещё на пару тонов: это Алу выключил свет в общей каюте наверху. Теперь по периметру «Суши» только слабо светились сигнальные огни.

– Ничего я не порчу. Сам придумал эту историю.

– Уон, прошу, давай спать, – устало протянул Уол, впрочем, не особо надеясь, что его просьбу услышат. – Завтра рано вставать...

За стеной послышались спокойные приглушённые голоса: это Ойлэ и Аун, проводив Седого Графа в его каюту, в кото-

рый раз обсуждали найденные на лавандовых полях рисунки.

– Нет, ну а правда, Уол, – вкрадчиво и на удивление серьёзно сказал Уон, почти утыкаясь носом в спину брата. – Как ты объяснишь то, что мы вышли на сушу только сейчас? Раньше мы физически не могли этого сделать, как будто какая-то сила сдерживала нас... Весь Великий материк был обнесён стеной высоких неприступных гор, а тут вдруг... Они опустились.

Уол немного повернул голову и взгляделся в темноту за круглым окном. В небе загорались звёзды.

– Может, я и не придумывал никакой сказки, – сказал Уол куда-то в подушку. – Может, я рассказал всё как есть. Просто немного приукрасил.

– И что же? – тихо спросил Уон. – Мы ведь теперь знаем, что разумные обезьяны настроены враждебно. Что мы будем делать? Что мы *можем* делать?

Некоторое время Уол молчал, но было видно, что это не потому, что он спит, а потому, что не знает, что сказать.

– Ну точно не вернуться назад, – ответил он наконец, немного поворачивая голову к брату. – Не сейчас, когда мы, в конце концов, нашли выход на сушу. Если Мать Природа и правда не пускала нас долгое время на землю, оберегая от разумных обезьян, то это значит, что сейчас что-то изменилось. Кто знает, быть может, цивилизация разумных обезьян увядает, и Матери Природе жаль, что два её творения так и

не познакомились друг с другом, вот она и пустила нас, чтобы киты могли полюбоваться угасающей цивилизацией, как мы любуемся последними лучами солнца.

– Может быть... – Уон посмотрел в окно, где уже царила ночь, и зевнул. В наступившей тишине было слышно, как скрипят в прибрежной траве сверчки. – Всё может быть...

Помолчали. Где-то в коридоре закрылась за горбатым капитаном, который, по своему обыкновению, ложился последним, круглая дверь, и стало совсем тихо.

– Мне страшно, Уол, – прошептал Уон, утыкаясь лбом в спину брата. – Нас всего восемь, не считая Графа. А их много. И все они видят в нас обед.

Уол перевернулся на другой бок и обнял брата.

– Не волнуйся на этот счёт, – сказал он ласково, проводя ладонью по синевато-серой голове. – Они сами нас испугаются, когда увидят наш корабль. А когда ты попробуешь сказать что-нибудь на их языке, они вообще разбегутся, только их и видели!

Уон пробормотал что-то согласное и отвернулся к стене. Уол тоже перевернулся обратно на другой бок.

– Писатель из тебя паршивый, конечно, – тихо сказал Уон, когда Уол уже почти заснул. Время близилось к десяти.

– Ты забыл про моралиста, – лениво напомнил Уол, не открывая глаз. Левому полушарию уже начинал сниться красивый сон про сушу.

– Да, точно. И моралист ты паршивый, – Уон помолчал, а

потом добавил: – Спасибо, что напомнил.



## Глава 8. Шахматные озёра и умерший порт

День, когда Шахматные озёра блеснули маленькими блюдцами на горизонте, встретили более, чем радостно. Мрачная тень, которая легла на сердца китов при мысли о возможной вражде с разумными обезьянами, исчезла с первыми лучами солнца, и новый день, светлый и чистый, как морская пена, наступил над лесистыми холмами. Уже прохладное солнце поднялось в по-осеннему блёклое небо и осветило огненно-рыжие волны листвы, открывшиеся взору китов с вершины холма.

– Золотая осень, – пояснил Седой Граф, заметив их изумлённые лица. – Прекрасная пора. Поистине волшебная и заслуживающая восхищения. При всей любви к воде, такой красоты вы не встретите даже в самом большом коралловом рифе.

Возразить на это было нечего. Иен, растерянно глядя на золотые и огненные шапки деревьев своими большими чёрными глазами, подошла к самому окну и прислонилась виском к стеклу.

– Это так... Волшебно. Никогда не видела ничего подобного, – задумчиво сказала Иен, пробегаясь глазами по густому рыжему ковру листвы. Седой Граф, тоже мельком глянув

на пейзаж за окном, одобряюще хмыкнул и вернулся к штурвалу.

– Нам бы остановиться, капитан, – обратился он к Ауну и жестом подозвал к себе Алу. Аун, как обычно, изучавший за столом какие-то карты и расчёты, удивлённо обернулся к Седому Графу.

– Надолго?

– Полчаса, не больше, – по знаку Ауна Алу потянул какой-то рычаг, и вскоре «Сушь» остановилась посреди реки. Сейчас они стояли на вершине большого холма, и с него хорошо были видны Шахматные озёра, окольцованные рыжим лесом. – Здесь, в Янтарном лесу, есть рог.

– Охотничий? – догадалась Аен.

– Наверде того, только в разы больше, – согласился с ней Седой Граф. – Нам бы дунуть в него. Глядишь, Изгой нас услышит, хе-хе.

Аун послал команду во главе с Седым Графом к охотничьему рогу, а сам остался на корабле вместе с Алу. Вместо музыки горбатый капитан и пузатый водитель молча слушали залиvistые трели птиц. «Кра... Кра...» – глухо прозвучало в небе, и над ними, изредка помахивая крыльями, проплыл ворон.

– Почему лес называется Янтарным? – спросила Аен Седого Графа, пока они шли по тропе, местами скрытой листвой. Уон с удивлением и некоторой досадой отметил, что Седой Граф передвигался на суше порядком легче и быстрее,

чем все самые спортивные и подготовленные киты их команды.

– А ты посмотри на листву, – ответил ей Седой Граф. – Настоящий янтарь!

– А как же летом? – удивилась Аен.

– А летом он Изумрудный, – ничуть не смутившись, сказал Седой Граф.

– И что ж, Вы не путаетесь?

– Ммм... Нет. Уже нет. Привыкаешь со временем.

– Зачем же так называть, если Вы путаетесь?

– Я, что ль, название придумывал?

– А кто же, если не Вы? – Седой Граф удивлённо покопился на неё, и Аен, подумав пару мгновений, хлопнула себя ладонью по лбу. – Ах, ну да, разумные обезьяны. Простите, я порой забываю, что... Что мы не одни.

Некоторое время Седой Граф о чём-то сосредоточенно думал.

– Видела когда-нибудь разумных обезьян? – спросил он наконец, загадочно улыбаясь. Аен отрицательно покачала головой.

– Вживую – нет. Только по телевизору. А вот Ална видела.

– И где же?

– На западном побережье. Тот самый знаменитый эфир, когда мы впервые узнали о том, что вымершая цивилизация, оказывается, не вымершая, – Аен смутилась, заметив заинтересованный и немного удивлённый взгляд Седого Графа. –

Эм... Вы застали тот эфир, или уже?..

Граф, поняв её смущение, по-доброму усмехнулся.

– Да, я помню ту трансляцию. Это была сенсация!.. Но я, надо признаться, думал, что вы моложе.

– Ну, я-то и не застала тот эфир, – улыбнулась просиявшая Аен. – Точнее, застала, но я тогда была слишком маленькой, чтобы его запомнить: я ещё даже не умела разговаривать. Уон тоже вряд ли его помнит, он старше меня всего на год, хотя и любит в красках рассказывать свои впечатления от того эфира. А вот Иен, Уол, Алу, Аун и Ална помнят хорошо. Они тогда все, с шагом в возрасте между собой в год-два, в начальной школе были, а Алне так и вообще повезло жить рядом с тем местом, откуда велась трансляция. Вот она точно знает, о чём говорит.

– Охотно верю, – кивнул Седой Граф и, раздвинув плавниками нижние ветви, нырнул куда-то под полог деревьев.

Киты вышли на утёс. Далеко внизу плыли кроны, переливающиеся из золотого в бордовый, а на самом краю, почти у обрыва, стоял огромный охотничий рог размером с две китовые головы.

– Ну-ка, ребятки, – Седой Граф хлопнул в ладоши и потёр ими друг о друга. – Тут силы понадобятся. У кого из вас с дыхалкой хорошо?

– Можно я попробую? – с азартом вызвался Уон и на пробу дунул в рог. Рог промолчал. Затем Уон набрал в лёгкие побольше воздуха и изо всех сил дунул в огромную, напоми-

нающую ракушку воронку. Рог отозвался слабым хриплым вздохом.

– Э-хе-хе... Маловат ты ещё! – хлопнул по плечу насупившегося Уона Седой Граф. – Ну, ребятки, кто следующий?

Пробовали и Ална, и Ойлэ, и Иен, но ничего, кроме кружащейся головы, они в итоге не получили. Аен и вовсе отказалась дуть в огромный охотничий рог, справедливо обосновав это тем, что её обморок сейчас никому не нужен.

– Уол, только ты остался! – подозвал его Седой Граф, хлопывая ладонью по рогу. – Если не ты, то будем звать Алу и Ауна с их чудо-машиной, потому что бросить клич-то надо.

– А Вы сами, Граф? – спросил Уол, разминаясь. Граф грустно улыбнулся.

– Я стал слишком слаб, чтобы трубить в такие рога. Боюсь, я вместе с Аен отправлюсь в спасительную тьму, если дуну из всех своих старческих сил, хе-хе.

Уол понятиливо кивнул и подошёл к рогу. Он расправил грудную клетку, медленно вдохнул, осторожно приложился губами к мундштуку и дунул. В воздухе над Янтарным лесом раздался громкий, низкий, бархатный звук, напоминающий приглушённый раскат грома.

– Ничего себе... – удивлённо прошептала Ална. У Уона отпала челюсть, но уже через мгновение он опомнился, захлопнул рот и с негодованием отвернулся от брата.

– Тоже мне... Богатырь... Тьфу ты, – бормотал Уон, по-

ка они возвращались к кораблю. Все восторженно щебетали вокруг Уола и поздравляли его с успешным «дуновением», и только Уон не спешил присоединиться к ним. – Видал я таких богатырей... Я тоже так могу... Смог бы... У меня просто давление сегодня... Высокое... Низкое...

– Что ты там бормочешь? – весело спросил Уол, вырвавшись из цепких плавников друзей.

– Ничего, – буркнул в ответ Уон. Уол при виде его обиженного лица только шире улыбнулся.

– Почему ты не поздравешь победителя?

Уон нахмурился.

– С чем?

– С победой.

– С какой это победой?

– Ну как же! – воскликнул Уол. – Мы спорили, забыл?

Уон, который до этого только делал вид, что не понимает, о чём толкует Уол, теперь и правда не понял, о чём речь.

– В смысле?

– Эх, – улыбнулся Уол и наигранно грустно вздохнул. – Совсем ты стал стар, Уон, не помнишь ничего...

– Мы ни о чём не спорили, – отрезал Уон и запыхтел. Если бы они сейчас были в воде, вокруг него наверняка бы образовалась целая пелена из больших шаров воздуха. Над их головами, глухо каркая, пролетело два ворона.

– И всё-таки я был прав! – продолжил подозрительно улыбающийся Уол. – Я оказался длинным, стройным, спортив-

ным, умным и красивым китом, а ты...

– «...коротким толстым лентяем, который, к тому же, совсем не блещет красотой», – закончил за него Уон. – Да, я помню.

– Что ж, в этом нет твоей вины, – грустно и как-то сочувственно вздохнул Уол.

– Ты о чём?

– Ну ты же приёмный.

Уон уже собирался сказать Уолу всё, что о нём думает, но в этот момент они подошли к «Суше», и на Уола с поздравлениями набросились Алу и Аун, невольно спасая того от праведного гнева брата.

– До Шахматных озёр осталось совсем немного: часов пять пути, – сказал Седой Граф, когда все снова собрались в общей каюте на корабле. – Там бы, по-хорошему, подождать денёк-другой. Если, конечно, вы располагаете таким временем, – Аун медленно кивнул на вопросительный взгляд Графа. – Зов рога слышен именно на такое расстояние: два дня пути пешим ходом. Если Изгой где-то в Янтарном лесу, он придёт на зов к Шахматным озёрам, к руинам порта. У нас с ним так обусловлено.

– Что за порт?

– Старый заброшенный рыбацкий порт, – пояснил Седой Граф. – Один из нескольких. Ещё лет десять назад разумные обезьяны ловили здесь рыбу и отсюда доставляли в Сердце Суши. Теперь уж он опустел... Обезьяны давно уже не выхо-

дили из города. Мда, – Седой Граф задумчиво пожевал губы, задумавшись о чём-то своём, и Алу, перекинувшись с капитаном коротким взглядом, вернулся к штурвалу и потянул какой-то рычаг. «Сушь», постепенно набирая ход, поплыла вперёд.

Развалины бывшего рыбацкого городка показались путешественникам весьма унылыми, ещё когда они только появились на горизонте, а когда «Сушь», рассекая одно из озёр, направилась к загромождённому берегу, порт и вовсе начал ощутимо давить своей мрачной атмосферой, несмотря на яркий солнечный день.

– Жуткое зрелище... – поёжилась Ойлэ. В пресной озёрной воде уже чувствовалось дыхание осени.

– Когда-то здесь жили, – согласилась Ална, проводя пальцами по сырым заплесневелым доскам. – А теперь порт умер, оставленный своими хозяевами. Призрак, да и только.

– Будьте осторожны! – предупредил Седой Граф, с завидной лёгкостью выпрыгивая на берег. – Доски старые, да и мы не пушинки, так что могут обвалиться. Ещё где-то здесь должен быть тайник с картами, хорошо бы найти его.

– «Где-то здесь» – это где? – переспросила Иен с другого края условной набережной. Условной, потому что в неширокой каменной кладке и низком деревянном заборчике ещё угадывался прежний облик улицы, но сейчас они скорее напоминали груды камней и палок.



– В одном из домов на набережной, – крикнул в ответ Седой Граф. – На первом этаже. Не поднимайтесь на вторые, ни в коем случае! И смотрите, чтобы не было подвалов. Провалитесь ещё...

На поиски тайника ушло практически всё время до вечера. Удача улыбнулась Уону ближе к закату, когда рыжие лучи солнца уже едва пробивались сквозь наскоро сколоченные дырявые доски. Собственно, он наткнулся на него случайно. Уон очень обрадовался, когда в нише под ковром, который он случайно отодвинул, оказался небольшой железный ящик, с которого местами сползла кожаная обивка. Уон тут же отнёс ящик Седому Графу, и он с радостью признал в нём тайник. Впрочем, радовались недолго, потому что ящик оказался пуст.

– Э-хе-хе... – грустно вздохнул Седой Граф, опустив ящик прямо на землю. – Ну что ж, кто-то опередил нас, и нам остаётся только надеяться, что это был Изгой. Отдыхайте, полосатики. Денька два ещё здесь побудем, а там уж, если Изгой с картами не объявится, вам самим придётся справляться, хе-хе...

– А Вы не хотите отправиться вместе с нами, Граф? – спросила Иен. – Ваши знания нам бы оченьгодились.

– При всём уважении, друзья мои, – покачал головой из стороны в сторону Седой Граф и показал на шрам на плече. – Я больше с разумными обезьянами иметь дело не хочу. Нет, благодарю. Хватило сполна. Изгой и Тоска – да, а остальных

мне не нужно. Охотно верю, что среди них ещё остались такие, как Изгой, но их откровенно мало. Да и теряются они в массе...

В эту ночь, в отличие от многих предыдущих, спали плохо и беспокойно. То ли ожидание предстоящей встречи с возможной опасностью заставляло путешественников ворочаться с боку на бок, то ли мёртвый порт не вселял в их сердца доверия и чувства надёжности. Это место действительно было самым неудобным и неприятным из всех, которые они видели до того. Несколько широких озёр, соединённых между собой рукотворными каналами и расположенных в шахматном порядке, лежали под небом совершенно открытые и закрытые одновременно, как бы странно это ни звучало. Янтарный лес, плотным кольцом окружавший каждое из озёр, совсем не спасал их от пронизывающего ветра. Там, где стоял порт, лес и вовсе будто натыкался на невидимую стену и отказывался расти дальше, а потому всё там было какое-то глухое, пустое и мёртвое.

В конце концов, в общей каюте собралось полкоманды. Алу и Аун, промаявшись в постели полчаса, смирились со своей участью и вернулись каждый в своё кресло – водительское и капитанское – на «дежурство». Они тихо переговаривались между собой, потягивая кофе, когда к ним присоединилась встревоженная Ална. Её чувства были вполне понятны – впрочем, как и любого другого участника похода, – но у Алны были свои причины для волнения. Чем ближе они бы-

ли к Сердцу Суши, пусть ещё не видному на горизонте, тем сильнее становились воспоминания, и в эту ночь они были как никогда яркими. Ална сидела и думала, увидит ли она снова тех, кто шёл тогда вдоль береговой линии. А может быть, она встретит их сыновей и дочерей, а может быть, их внуков... А может быть, она никого не встретит и не увидит. Может быть, они вообще не дойдут до Сердца Суши.

Ещё спустя часа два в общей каюте появился Уол, чему Алу, Аун и Ална очень удивились, ведь всем было известно, как он дорожит своим сном. Уол и вправду выглядел измученным: он хотел заснуть, но не мог, и противный скрип гнилых досок за окном совсем не помогал ему в этом. Потом ещё заглянул Уон, который, собственно, и не собирался ложиться, но старшие, сердито зыркнув на него, прогнали Уона обратно в постель. Ближе к полуночи, сонно и устало потирая глаза, приплыла Иен.

– Тоже не спится? – спросила она, зевнув и прикрыв рот ладонью. В общей каюте горели только одна тусклая рыжая лампочка да сигнальные огни «Суши» за окном, отчего в гостинной царил полумрак.

– Ага, – кивнул Алу, отхлёбывая кофе. – Странная ночь сегодня. Тревожная какая-то.

– Порт этот жуткий. И страшный, – пожаловалась Иен, заваривая кофе и себе. – Мне всё кажется, что между домами кто-то бродит.

– Тебе кажется, – вздохнул Аун, задумчиво перекладывая

с место на место карты перед собой. – Это ветер.

– Да, наверное... – согласилась Иен и опустилась на диван, обхватывая плавниками голову. За окном начал моросить дождь.

– Со всеми этими поисками тайника я совсем забыла всё сфотографировать, – пожаловалась сама на себя Ална, вытянувшись в большом мягком кресле. – Надо будет ещё раз обойти порт...

– У тебя же сегодня фотоаппарат не замолкал! – удивился Уол. – Только и слышал, что твоё щёлканье.

– Это не подробно! – возразила Ална. – А надо подробно! Такое дело требует внимательности... Всё надо в деталях... Лучше лишнего наснимать... Честное слово...

Ална глубоко зевнула, а за ней и Аун, и Иен. Дождь за окном перешёл в настоящий ливень и зашумел, ударяясь о поверхность озера.

В гостиную снова осторожно заглянул Уон, завёрнутый в одеяло, как в плащ.

– Гроза, – сказал Уон. Все вопросительно посмотрели на него.

– И что? – усмехнулся Алу, косо глянув на Уона. – Ты боишься спать в грозу? Пойдём, я тебя уложу.

– Да нет же, – насупился Уон. – Я люблю грозу. И смотреть её люблю. И Уол тоже.

– Ты предлагаешь пойти смотреть грозу? – удивился Аун, оборачиваясь на Уона. Тот кивнул. – Ну нет! Не здесь и не

сейчас! Будь так добр, ограничься просмотром грозы через окно.

Уон заметно погрузтел, но уходить не собирался.

– Уон, иди спать. Приказ капитана.

Уон, напоследок передразнив Ауна, исчез в темноте коридора. Все спокойно выдохнули, но тут же напряглись, услышав, как подозрительно хлопнула другая дверь, не та, что вела в каюту Уона. Аун молча кивнул Уолу, и тот ушёл вслед за братом.

– Уон!

Уол окунулся в прохладу озёрной воды, огляделся, но, не увидев брата, выполз на мокрый песок. Вдали ярко блеснула молния, а спустя пару мгновений в небе глухо зарокотал гром.

– Уон!

Уон нашёлся на берегу, прямо под бортом корабля. Он лежал на земле, вытянувшись в полный рост, и подставлял лицо холодному осеннему ливню.

– Уон, пойдём, – сердито сказал Уол, подойдя к нему. Уон лениво приоткрыл один глаз.

– А, это ты... Я уж заснул.

– Ты не мог заснуть за такое короткое время, не ври.

– Почему же? Если я очень устал, то вполне.

– От чего ты устал? – усмехнулся Уол в усы и прилёг рядом. – От сидения на одном месте?

Уон хитро прищурился, но не ответил.

– Ты кстати меня не поздравил.

– С чем это?

– С победой.

– Какой ещё победой?

– Ну как же! Мы же спорили.

Уол нахмурился.

– Насчёт чего, напомни-ка.

– Кто первым найдёт тайник, тот молодец.

– А кто не найдёт?

– А кто не найдёт, тот короткий толстый лентяй, который совершенно не блещет красотой, – лучезарно улыбнулся

Уон. – Ну, и приёмный, соответственно.

Уол расхохотался.

– То есть ты, моллюск, хочешь сказать, что я приёмный?

– Да, очень на то похоже.

– А ничего, что я старше тебя на шесть лет?

– И что? – поднял брови Уон. – Это не мешает тебе быть приёмным.

– Где доказательства?

– Я звонил родителям вчера вечером, – с невозмутимым видом пояснил Уон, выводя пальцем на боту «Суши» непонятные узоры. – Вообще-то я спрашивал насчёт себя, но они поспешили успокоить, что приёмный не я, а ты.

– Хм, как интересно, – улыбнулся Уол. – Почему-то они не поставили меня в известность.

– Конечно! Так бы ты расстроился раньше времени, и сюр-

приза не получилось бы.

– Ах, так это был сюрприз?

– Ага.

– И ты, получается, его испортил?

– Ну... Ты не говори моим родителям, что я уже сообщил тебе эту знаменательную новость, а то они обидятся, что я их опередил.

– Твоим родителям?

– Ну да. Ты же приёмный.

– Ладно. Так и быть, – согласился Уол и встал. – Тебе не противно лежать на сырой земле?

– Не-а.

– Ну посмотри на себя: весь в тине, песке... Костюм испачкал. Просто фу.

– Ничего, сейчас всё смою. Полежу только ещё немного...

– Пойдём, Уон. Тебе Аун сказал возвращаться.

– А как же подышать свежим воздухом?

– Не валяй дурака, – строго оборвал его Уол и слегка потрепал за плечо. – Пойдём. Мы в походе, и вести себя так очень безответственно с твоей стороны...

– Да пойдём, пойдём, только не читай нравоучительных речей: из тебя паршивый резонёр\*, – проворчал Уон, поднимаясь. – И заодно скажи мне, что это за огонь.

– Где?

Уол остановился и огляделся по сторонам, но никакого огня не увидел.

– Не смешно, Уон.

– Да вон же!

Уон показал пальцем куда-то на противоположный берег, и на мгновение там действительно промелькнул маленький огонёк. Потом всё погасло.

– Пойдём... Показалось, наверное.

Конечно, Уол сказал Ауну, что они видели, и Алу сразу отправил на разведку маленького робота, но тот ничего не нашёл. О том, чтобы заснуть, теперь и речи не шло.

\*Резонёр – человек, который любит рассуждать длинно и нравоучительно.



## Глава 9. Полосатики и пятнистики

Первой проснулась Аен. В гостиной спали все те, кто не смог уснуть ночью и отпустил тревожные мысли только с первыми лучами солнца.

Аен осторожно заглянула в каюты к Седому Графу и Ой-лэ, но они тоже спали. Затем она тихо проскользнула мимо спящих в гостиной, окунулась в прохладную воду озера, а затем немного неловко выползла на берег.

Ночная гроза ещё клокотала где-то далеко над холмами, покрытыми Янтарным лесом, но на востоке было уже светло и чисто. Остатки дождя падали с неба крупными редкими каплями, и в воздухе пахло сыростью и свежестью.

Аен, прикрыв глаза, с удовольствием вдохнула этот воздух полной грудью, как вдруг в неё что-то врезалось. Аен распахнула глаза и увидела перед собой какое-то необычное животное, которое от неожиданности тоже застыло и удивлённо посмотрело на косатку. По сравнению с Аен оно было совсем маленьким, даже меньше сиреневой шестирогой коровы, какая пасётся на лавандовых полях. Кожа у него была пятнистая, только узор был не сиреневый с тёмно-зелёным, а белый с чёрным – абсолютно белый с абсолютно чёрным, стоит отметить. Ещё оно было какое-то очень худое: создавалось впечатление, что оно уже давно нормально не ело. У животного было четыре плавника, правда, тоже каких-то тон-

ких и очень худых. Оно было лысое, абсолютно бесшёрстное, только на голове у него были густые чёрные волосы, заплетённые с двух сторон в тяжёлые баранки. И только обратив внимание на косички, Аен наконец поняла, что это было за животное.

Это была разумная обезьяна.

Аен, насколько могла, дружелюбно улыбнулась и с удивлением подумала, что они чем-то похожи: окраской и одинаково испуганным выражением лица, во всяком случае.

Аен лихорадочно пыталась придумать, что же ей делать. Позвать кого-нибудь? Пока она со своей скоростью доползёт до корабля, обезьяна убежит. Просто ждать? Тогда она тем более не успеет никого позвать, когда обезьяне надоест играть в гляделки.

Так Аен и продолжала смотреть на обезьяну, улыбаясь как можно более добродушно, и пыталась придумать, что же ей делать. Из этой непростой ситуации её выручил Седой Граф.

– Познакомься, Аен. Это Тоска, – сказал ещё из воды Седой Граф и легко выпрыгнул на землю. Затем он что-то сказал обезьяне, и та мгновенно просветлела.

– Как же мы будем без переводчика, Граф? – спросила Аен, пока Тоска набирала воду из озера в вёдра, с которыми пришла. – Придётся Вам с нами пойти.

– Ну, на первых порах, оно, может, и нужно, – согласился Граф и слабо усмехнулся, – а дальше сами. Язык у них простой, произносить только трудно, да это дело наживное.

– Ну хоть на первых порах, – кивнула Аен и покосилась на корабль. Там было темно, а стало быть, все ещё спали.

– Ты иди, разбуди наших, – словно прочитав её мысли, сказал Седой Граф, – а я пока с Тоской потолкую. И Изгоя ещё надо найти...

Аен, нехотя отвернувшись от разумной обезьяны, ушла на «Сушь», а Седой Граф, улыбнувшись Тоске, забрал у неё ведра и повесил их себе на рог. Тоска направилась в глубь старого порта.

– Давно не виделись, Граф, – приветливо сказала она, сложив руки за спиной. Утреннее, ещё холодное солнце осветило её тонкую, худую, высокую фигуру.

– С прошлой осени, – согласился Седой Граф на кривом обезьяньем. – Изгой здесь?

– А как же!

– Не испугалась?

Тоска смущённо опустила голову и уткнулась взглядом в землю.

– Косатки-то? – переспросила она, кротко улыбнувшись. – Признаться, немного было. Но скорее удивилась.

– Она тоже не ожидала тебя встретить, – хмыкнул Седой Граф. – Её зовут Аен.

– Аен? – задумчиво переспросила Тоска. – Красивое имя. Хорошо, что у нас есть переводчик: надо будет сказать ей об этом.

Они прошли между ровными рядами домов и вынырнули

на небольшую площадь. Раньше на ней разгружали товар, а теперь здесь стояла самодельная походная палатка. За ней у дерева храпели две лошади с тонким обручем рогов вокруг головы и шерстью глубокого синего цвета.

– Тонегóра, это ты? – послышался мужской голос из палатки. Вопрос, в общем-то, был риторический и задан скорее для проформы. – Нашла Седого Графа?

– Нашла, наша, хе-хе, – со смехом ответил вместо неё Седой Граф и аккуратно опустил вёдра с водой на землю. Полог палатки зашевелился, и на улицу вышел высокий широкоплечий мужчина с гривой чёрных волос, заплетённых во множество колосков, на голове. Кожа у него тоже была чёрно-белая и пятнистая, как у коровы.

– Сколько лет, сколько зим! – улыбнулся он и медленно поклонился в знак приветствия. Седой Граф склонил голову в ответ.

– Я не один, Изгой, – сказал он, поглядывая на Тоску. – Надеюсь, ты не против гостей.

– Если только гости не против нас, – усмехнулся Изгой, с лёгким прищуром вглядываясь в просвет между домами. – Но вряд ли бы ты стал вести ко мне врагов.

– Они первопроходцы, – пояснил Седой Граф, пока они шли к кораблю КИТ. – Учёные, грезившие мыслью о вашей цивилизации, хе-хе.

– Дело хорошее, – хмыкнула Тоска, – но боюсь их разочаровать.

– Посмотрим, как дело пойдёт, – пробормотал Изгой, задумчиво глядя себе под ноги. – Не думаю, что мы можем их остановить, да и не уверен, что стоит это делать. Пусть удача и успех будут их верными спутниками.

Они вышли на набережную, где стоял большой пузатый корабль, и тут же наткнулись на пристальный взгляд восьми пар глаз. На лицах китов не осталось ни следа былой усталости.

Повисла тишина.

– Ну что ж, – немного неловко кашлянул Седой Граф. – Познакомьтесь, ребятки. Изгой и Тоска.

Изгой и Тоска, очевидно, догадавшись, что их представляют, вежливо склонили головы и приложили ладони к груди. Киты, непонимающе переглянувшись между собой, повторили этот жест.

Вообще этот момент почему-то не чувствовался так торжественно, как ожидалось. Нет, конечно, киты волновались. Подумать только: представители другого разумного вида, мечта учёных всего света, стояли сейчас перед ними, живые, настоящие, взаправдашние. Наверное, всё величие момента портил Седой Граф, который общался с разумными обезьянами, как со своими. Впрочем, наверное, они и правда представляли из себя отдельный, обособленный, маленький народец – народец изгоев и отшельников.

– Мы рады приветствовать вас в нашем краю, господа путешественники! – прервал несколько затянувшееся молча-

ние Изгой. Седой Граф перевёл. – Но обязан предупредить Вас, что мои сородичи не так дружелюбны и доброжелательны, как мы.

– Да, мы знаем, – кивнул Аун, взяв себя в плавники. – Но от имени всего китового рода мы обязаны хотя бы попытаться дойти до Сердца Суши. С чистыми душой и сердцем говорю, что киты настроены мирно. У нас нет цели причинить вам вред, – Аун немного помолчал, задумавшись, а затем добавил: – Намеренно, во всяком случае. Вы уж простите, если что, нам нашу неуклюжесть. Киты на суше далеко не такие грациозные, как в воде.

Изгой и Тоска добродушно засмеялись. Киты, услышав их смех, тоже улыбнулись.

– Не волнуйтесь на этот счёт, – весело сказал Изгой. – Мы имели случай убедиться в вашей величии, когда проходили мимо Великого океана.

– Вы видели нас? – удивилась Ойлэ. Тоска усмехнулась.

– Вас трудно не заметить. Вы большие и величественные – самые большие животные на нашей планете.

Киты смущённо потупили взгляд. Действительно, рядом с этими двумя разумными обезьянами они, пожалуй, впервые увидели, какие они на самом деле большие. Не просто большие – огромные. Огромные телом, разумом и душой.

– А как вас по-настоящему зовут? – тихо спросила Ойлэ. Почему-то этот вопрос волновал её сейчас больше остальных: может, потому, что «Изгой» и «Тоска» навевали на неё

– да и не только на неё – какие-то странные, печальные чувства, а может, потому, что ей было просто интересно.

– Меня зовут Одилевон, – сказал Изгой и слабо усмехнулся. – А сестру – Тонегора.

Киты попробовали выговорить оба этих имени, но, сколько они ни пытались, у них получалась какая-то каша из гласных. Обезьянье наречие было для них слишком жёсткое и грубое: в нём было много глухих, твёрдых, шипящих и свистящих звуков и очень мало певучих и тягучих, таких, какие были в китовом языке.

В конце концов, киты решили, что Тоска и Изгой – не такие уж и плохие имена. Во всяком случае, они могли их хотя бы выговорить, что уже было хорошо, в отличие от... В отличие от их настоящих имён.

– Грот за водопадом, – сказал Аун, когда они все вместе расположились на берегу поодаль от корабля. – Мы нашли там вещи: лук, стрелы, одеяло, костёр... Ваше?

– Нет, это были не мы, – удивился Изгой. – Да, мы каждой осенью проходим в этих местах: от водопада и сквозь Янтарный лес, через Шахматные озёра... Потом на север. Не всегда получается увидеться с Седым Графом, поэтому и условились: если что, в сентябре нас можно найти в пещере за водопадом или здесь, в порту. А зов рога означает, что кто-то из нас ждёт встречи. Но вещи, оставленные Графом, мы забрали уже довольно давно, и последнюю неделю жили в Янтарном лесу у одного из притоков Артерии.

– Как же вы дуете в рог, если даже у нас не хватило сил? – удивилась Ална, на что Тоска улыбнулась одним уголком губ:

– Там не сила нужна, а хитрость. Силой-то, конечно, можно, но всё проще умом.

– И то верно, – согласился Уол. – Я, кстати, дул в рог.

– Что ж, в таком случае, ты и правда силён, – улыбнулся Изгой и почтительно склонил голову. Уол склонил голову в ответ. – Но давайте о делах насущных. Вы собираетесь идти в Сердце Суши?

Аун кивнул.

– В таком случае, это дальше на запад. Но предупреждаю: Шахматные озёра – это последняя большая вода на пути к городу. Потом не будет ни озёр, ни рек, ни прудов – ничего такого, в чём поместился бы кит. Вам придётся идти сквозь сушу, и в случае крушения вашего корабля, – Изгой показал головой на «Сушь», – всё может обернуться очень плохо. А в том, что мои сородичи попробуют вас сбить, к сожалению, сомневаться не приходится, – Изгой замолчал и грустно вздохнул.

– Поэтому вы ушли из Сердца Суши? – спросила Иен.

– Да, наверное, – кивнул Изгой. – Мы стали слишком слабы и капризны, чтобы выдержать даже обыкновенную простуду, но при этом слишком горделивы и высокомерны, чтобы бороться с этим. Представьте себе полностью искусственный город, где нет ни ветра, ни лучей солнца, ни свежего воз-



духа – ничего. Всё фильтруется, всё ненастоящее. А почему? Потому что от малейшего дуновения ветерка мы заболеваем и не можем вылечиться, самый полупрозрачный лучик света оставляет на нашей коже ожоги, свежий воздух для нас – источник всевозможных инфекций, болезней и заразы, – Изгой снова грустно вздохнул и посмотрел куда-то вдаль, туда, где, может быть, лежал последний город, принадлежащий его виду. – Такая жизнь была не по нраву ни нам, ни нашим родителям. Они тоже ушли из... Как вы называете его? Из Сердца Суши.

– А вы как его называете? – спросил Алу.

– Послегорназём, – хмуро сказала Тоска, перекинувшись взглядом с братом, и грустно усмехнулась. – Ужасное название.

– Почему? – удивилась Ална.

– Потому что это сокращение, – пояснила Тоска. – От фразы «последний город на земле». Сердце Суши куда поэтичнее и красивее.

– Мы разучились мечтать, – с досадой добавил Изгой, – а ничего нет страшнее, чем когда разумное существо перестаёт мечтать. Мечтать, фантазировать, представлять. В любой выдумке, в любой фантазии и мечте есть частичка души того, кто её придумал – иначе бы она не появилась на свет. А когда нет души, существо не живёт. А раз оно не живёт, значит, оно умирает. И мне больно говорить, что мы умираем. Но это так.

– Мы – это?..

– Мы. Те, кто остался там, за стенами города. Под куполом, если быть точным.

– Ты сказал, что такая жизнь была не по нраву вашим родителям, – напомнил Уон. – Значит, они тоже ушли из Сердца Суши?

– Угу, – задумчиво кивнул Изгой.

– Они ушли оттуда ещё до моего рождения, – добавила Тоска, – а вот брат родился там, внутри. Они ушли не одни, конечно.

– Вас было много? – удивился Аун.

– Да... – задумчиво протянула Тоска. – Когда-то... Лет двадцать назад, а то и тридцать... Прошу прощения, могу соврать... В общем, некоторые из нас поняли, что мы умираем, причём умираем неизбежно. И тогда такие, как мы, те, кто не боялся выйти за пределы идеального города, отправились на поиски лучшей доли. Нас было где-то двадцать... В основном взрослые, конечно, но у некоторых были дети. Ну и... Стали жить вне. Кочевали. Охотились. Выживали. Выходили к берегу Великого океана. В общем-то, всё было хорошо... Кроме того, что мы умирали. Не конкретно мы – наш вид. Наш род. Знаете, это очень странно – быть свидетелем смерти своей цивилизации. Ну вот... Живёт, допустим, кто-то тысячу лет назад и думает: «Интересно, а вымрет ли когда-нибудь наша цивилизация, и если вымрет, то когда?» Но его такие вопросы не особо беспокоят, потому что он это-

го не застанет. И он знает, что не застанет. А мы видим это. Это происходит у нас на глазах, – Тоска замолчала, опустила глаза в пол и грустно усмехнулась. – Странно, да?

Некоторое время молчали.

– Нам очень жаль, – сказал тихо Уол. Изгой и Тоска понимающе кивнули, мол, «не обращайтесь внимание».

– А что случилось с вашим отрядом? – робко спросила Ойлэ, не совсем уверенная в уместности своего вопроса. Изгой пожал плечами.

– Вернулись обратно в город. В общем-то, нет смысла винить их в подобном решении: в любом случае, наше вымирание – лишь вопрос времени, как бы жестоко это ни звучало.

– А вы не вернулись.

– А мы не вернулись, – кивнула Тоска. – Раньше мы изредка заходили в Сердце Суши, хотя бы просто проверить, что да как, повидаться со старыми друзьями. Теперь нас уже не пускают, потому что мы можем принести на себе какую-нибудь заразу.

– Вот как? – удивилась Ална. Изгой кивнул.

– Но, возвращаясь к нашему вопросу, – сказал он, о чём-то вспомнив. – Видите ли, кроме того, что мы горделивые и высокомерные, мы ещё и очень мнительные и боязливые. Думаю, вы это уже поняли. Любое явление, которое мы не можем себе объяснить, мы воспринимаем как угрозу, которую... М... Надо устранить, и чем скорее, тем лучше. На данный момент такой угрозой являетесь вы, и я бы вам на-

стоятельно не советовал подходить близко к городу.

– Посмотрим, – отмахнулся Аун. По его нахмуренным бровям все киты поняли, что идти они будут до победного конца.

– В прошлый раз подобная экспедиция чуть было не обернулась катастрофой, – чуть настойчивей сказал Изгой. Аун удивлённо обернулся на него.

– В прошлый раз?

– Ну да, – слегка пожал плечами Изгой. – Киты уже устраивали экспедицию на сушу, верно?

– Не совсем, – поправил его Уол. – Да, цель была та же – изучить сушу, подготовить базу для тех, кто пойдёт уже по земле – для нас, в общем-то. Экспедиция кашалота Ули... Его целью было пройти насквозь по рекам Великий материк. Ули удалось сделать это лишь на четверть.

При упоминании кашалота Ули Седой Граф несколько оживился. Он хотел было что-то спросить, но не стал перебивать Изгоя и снова погрузился в раздумья.

– Я помню ту экспедицию и новости о ней очень смутно, потому что был тогда совсем маленьким. Тоска вообще не застала: она тогда ещё не родилась. Ну и вот... В Сердце Суши получили известие, что киты зашли вглубь материка. Тут же снарядили отряд для... М... Устранения угрозы. Выследили. Отвели от города. Заставили повернуть назад, – Изгой помолчал, опустив голову, а потом добавил: – Не удивлюсь, если и про вас уже знают в Сердце Суши и готовят отряд к

обороне.

– А карты? – вдруг вспомнил Уон, хлопнув себя ладонью по лбу. – Карты из тайника вы забрали?

– Тот, что был здесь, в порту? – Уон кивнул. – Нет, мы пришли сюда уже поздней ночью: боялись не успеть за вами.

Киты напряжённо переглянулись между собой, но вслух никто ничего не сказал.

– Думаю, ещё пару-тройку дней мы побудем на Шахматных озёрах, исследуем тут всё, – сказал Аун, потягиваясь, – а потом пойдём дальше. Мы с радостью приняли бы вас на нашем корабле, но, боюсь, вам там будет неудобно.

– Боюсь, что так, – согласился Изгой и улыбнулся, внимательно посмотрев на корабль китов.

Всё дело в том, что для удобства китов – что, в общем-то, было вполне логично – внутри корабля всё было сделано, как в их родной среде обитания. То есть внутри корабля была вода. Для разумных обезьян, не получивших, в отличие от китов, в ходе эволюции способности дышать и под, и над водой, передвигаться на подобном корабле было проблематично.

– Не беда, – сказала Тоска, тоже оценив строение корабля. – Думаю, на лошадях мы за вами поспеем.

Некоторое время молчали. Киты разглядывали разумных обезьян, разумные обезьяны разглядывали китов, и только Седой Граф погрузился в свои раздумья настолько, что, казалось, он спал с открытыми глазами.

– Расскажите про Сердце Суши, – тихонько попросила Аен, положив голову на сложенные в замок ладони. – Пожалуйста.

Изгой и Тоска переглянулись между собой. Тоска подтянула ноги к груди и, обхватив колени руками, кивнула Изгою, чтобы он рассказывал сам.

– Раньше нас было много, – начал Изгой. – Мы населяли всю сушу. Строили дома до небес, рыли тоннели до центра земли... Много чего делали. Но в погоне за собственным благополучием мы забыли о других и о том, что мы такие же дети природы, как и остальные. Знаете, как много видов погибло по нашей вине? Сначала мы не придавали этому особого значения: просто не замечали. А когда заметили, было, наверное, уже поздно. Не сразу – нет, в природе не бывает «сразу», – постепенно природа стала напоминать нам о том, кто *мы* такие. Мы не обратили внимание. Потом она напомнила, кто *она* такая. Мы заметили, но ничего не сделали. Потом она наказала нас. Мы даже сделали попытку исправиться, но быстро остыли и стали жить, как раньше. И вот потом... Потом она отреклась от нас. Мать Природа отказалась от одного своего ребёнка, чтобы спасти всех остальных. Нас стало мало. Под натиском её гнева мы уходили всё дальше и дальше. Она стирала с лица земли наши города, сбрасывала с себя всё то, что мы построили и что мешало ей жить. Природа изменилась, мы изменились. Мы прятались в лесах – там нас кусали змеи, грызли волки. Мы

уходили в горы – там нас сносили лавины, давили камнепады. Мы искали покой в пустыне – там нас сжигало беспощадное солнце. И тогда те, кто остался в живых, ушли в самый-самый центр суши и основали там город. Ну, как основали – он уже был там. Большой и красивый город, бывшая столица какой-то страны... Когда-то у нас были разные страны, разные народы... Мы давно забыли, что это такое. И те, кто выжил, закрыли город от природы, чтобы она не могла дотянуться до нас своей вездесущей рукой. Они накрыли его большим железным колпаком. И природа отступила. Не знаю... Наверное, она поняла, что под этим колпаком, под который она не может пробраться, нас не ждёт ничего хорошего. Что, добровольно закрывшись от природы, мы поставили на себе медленный крест. Знаете... Вот мы сейчас говорим с вами, и это прекрасно. Этого ведь могло и не произойти. Вы знаете, что когда-то киты были на грани вымирания? Ну, это было очень давно: тогда ещё кончики ваших плавников не разделились на пальцы. Но это было. Вас оставалось в морях где-то несколько сотен. Нарвалов так вообще единицы... Наши учёные иногда даже не знали, есть ли вообще ещё нарвалы, или они уже вымерли. Знаете, почему китов было так мало тогда? Это всё по нашей вине. Мы охотились на вас ради вашего китового уса и ради мяса... Да, вы исчезали по нашей вине, и нет смысла это отрицать. И таких видов было много. *Непозволительно* много. Так много, что мы даже придумали специальную книгу, чтобы вносить

туда исчезающие виды. «Красная» называется. И знаете, что грустно? Что эта книга совсем не тоненькая. Далеко не все, как киты, смогли дать отпор, пусть безмолвный и неслышимый для нашего уха, но хоть какой-нибудь. А кто мы теперь? Странные нескладные существа, которые забились под железный колпак и не смеют признать собственные ошибки. У нас столько диковинных машин, столько придумок, столько безумных идей, которые мы воплотили в жизнь, и среди них нет ни одной, которая бы пошла на пользу не нам. Мы эгоисты, друзья, и тот, кто скажет, что это не так, только подтвердит это. Не слушайте, когда вам скажут, что наш вид был венцом эволюции. Если б мы были венцом эволюции, мы бы не сидели сейчас под железным куполом и не боялись выйти на солнечный свет. Если б мы были венцом эволюции, мы бы умели смотреть на других и слушать их порой безмолвные мольбы. Да и, в конце концов, кто сказал, что мы венец эволюции? Мы сами. Мы, возгордившиеся, решившие, что нам всё подвластно. Что если у нас есть разум, это значит, что у нас есть всё. Но что такое разум без души? Ничего. Мой вам совет, друзья мои: никогда не забывайте про душу, иначе разум станет эгоистом, начнёт творить зло и сам этого не заметит. Будет создавать машины для своего же блага и очнётся только тогда, когда природа занесёт над ним свою беспощадную руку... Я говорил про «Красную книгу». Это странно осознавать, но теперь последнюю строчку в ней занимает наш вид.



– И как же вы себя называете?

На пару мгновений повисла тишина. Изгой глубоко и грустно вздохнул.

– Мы называем себя «люди».

## Глава 10. Просто звёзды

– Это Орион, – сказал Изгой, выходя из заброшенного дома на набережную. Ойлэ с удивлением обернулась на него. – Небесный охотник, который замахивается дубинкой на Тельца.

На улице давно уже стемнело, облака уползли с неба вслед за солнцем за линию горизонта, и звёзды были теперь видны как никогда ярко.

– Видишь три звезды в ряд? – продолжил Изгой и опустился на большой валун у кромки озера рядом с Ойлэ. Та кивнула. – Это его пояс. Дальше наверх пятиугольник – это его торс, вниз трапеция – птеруга, юбка такая у воинов. Потом правее, видишь, навроде фигурной скобки? Это его щит. А слева от пятиугольника две синхронные линии – это дубинка в его руке, ну или меч, кому как нравится, – Изгой замолчал, с лёгкой, почти детской улыбкой на губах рассматривая небо, а затем вдруг спросил, обернувшись к Ойлэ: – Вы смотрите на звёзды?

– Конечно, – ответила Ойлэ. Седой Граф был прав, когда сказал, что язык у разумных обезьян прост до невозможности: к концу дня киты уже понимали, о чём говорят их новые спутники из другой цивилизации. Понимали, но не всегда могли чётко выговорить свою мысль. – Мы любим смотреть на небо, на сушу. На миграции морских черепах, кстати, то-

же. На коралловые рифы...

– Ну а... М... – Изгой замялся. – Вы на них смотрите только с научной точки зрения, или...

– Учёный, не восхищающийся тем, что он изучает, – плохой учёный. Так у нас говорят.

– Это правильно, – вздохнул Изгой и снова с необъяснимой тоской посмотрел на небо. Что-то невероятно грустное было в его взгляде, как будто звёзды напоминали ему о чём-то, что он, быть может, хотел бы выбросить из головы. – Знаешь... Я очень люблю звёзды. Ну, как – очень? Я, вообще-то, не совсем понимаю, как их можно не любить. Не понимал, точнее... Потом как-то сказал, что Орион пришёл на небо. Уже даже не помню, кому... Его в том году было видно особенно чётко, прямо как сейчас, а это, знаешь ли, не такое уж и частое явление. А тот, кому я говорил, даже не понял, о чём это я. Я пояснил: Ориона видно на удивление хорошо, это редкость. А он мне...

Изгой не договорил, погрузившись в размышления. Ойлэ чуть кашлянула, привлекая его внимание.

– А он что? – спросила она, искоса глянув на Изгоя. Тот посмотрел сначала на белуху, затем на небо, а потом на отражение в озере, где тоже плавал Орион: так ярки были звёзды в их век.

– «Это же просто звёзды», – печально выдохнул Изгой, снова поднимая глаза на небо. – Мда... Просто звёзды...

Помолчали. Ориона было действительно видно на удивле-

ние хорошо: ни прошлой осенью, ни позапрошлой, ни даже позапозапрошлой его так видно не было. Но был год, когда Ойлэ видела его так же ярко. Она вспомнила об этом сейчас, лёжа наполовину в воде под большим камнем: вспомнила, что уже делала так однажды.

– Помню, когда была маленькой, – заговорила Ойлэ, с улыбкой глядя на небо, – родители как-то уехали по делам на три дня, а я осталась одна. И я ничего не нашла лучше, чем уплыть по реке в глубь суши. Плыла так, плыла... Далеко заплыла, аж до водопада, и не рассчитала время: когда спохватилась, было уже поздно. И я вот так же осталась ночевать под большим серым камнем, наполовину высунувшись из воды. А потом вдруг посмотрела на небо... И не смогла отвести взгляд. Там было много звёзд. Так много, что я даже не сразу увидела среди них Оулүна. Оулун у нас – ваш Орион. У нас это разумная обезьяна, которая держит лук в правой руке и тянется левой к колчану стрел за спиной.

– Человек, – сказал Изгой. Ойлэ удивлённо обернулась на него.

– Что, прости?

– Человек, – повторил Изгой, – а не разумная обезьяна, – он о чём-то задумался, а затем горько усмехнулся, опустив голову. – Да уж, наша гордость умрёт только вместе с нами.

– Нет-нет, ты прав, – поспешила утешить его Ойлэ. – Оулун – это храбрый охотник, который хочет ради своего рода поймать Солнце, но он никогда этого не сделает, пото-

му что он целится на запад, а Солнце знает о его планах и бежит позади него, с востока.

Изгой ласково улыбнулся.

– Китовая ваша натура, – сказал он почему-то. – Добродушная и большесердечная, которая ленится делать зло. У вас даже охотник, который хочет поймать Солнце, благороден.

– А как по-другому? – удивилась Ойлэ. Изгой снисходительно хмыкнул.

– У нас Орион – это возгордившийся охотник. В охоте ему не было равных, и он захотел быть подобным богам. «Нет такого зверя, которого бы я не победил!» – хвастался Орион. А потом из-под камня выполз скорпион и ужалил его в ногу, и Орион умер в страшных мучениях. Но за то, что он был действительно непревзойдённым охотником, боги поместили его на небо.

– Да? – улыбнулась Ойлэ. – У нас всё по-другому. Знаю, тебе, наверное, будет странно слышать это, но у нас есть легенда об Оулуне. Жило когда-то племя разумных обезьян. Суши тогда не было, и им приходилось обитать в воде, хотя это им не особо-то нравилось. Однажды в океане начался страшный шторм, и обезьянам стало совсем невмоготу. И тогда храбрый охотник по имени Оулун решил поймать Солнце. Он долго шёл за ним, а Солнце, будто решив подразнить маленького обезьяньего охотника, ползло по небу прямо перед ним и петляло туда-сюда без разбора. Тогда Оулун вы-

пустил стрелу с привязанной к ней верёвкой и попал в Солнце. Солнце испугалось и начало метаться, но Оулун держал крепко, и несколько дней подряд оно не сходило с небосвода. Оттого, что Солнце оставалось на месте, стало очень жарко, и океан начал испаряться. Так появилась суша, на которую ушли разумные обезьяны. Увидев это, Оулун ослабил хватку, и Солнце тут же убежало за линию горизонта. Но Оулун не успел выпустить верёвку, к которой была привязана стрела, и Солнце утащило его за собой на небо. С тех пор Оулун идёт по небосводу на запад и тянется рукой к колчану стрел у себя за спиной, а Солнце всё время бежит позади него, чтобы он снова не попал в него. Вот.

Помолчали. Здесь, на земле, звёзды ощущались по-другому: может быть, потому, что под Ойлэ не было своего огромного мира, который чем-то напоминал перевёрнутое небо, может, потому, что волны Великого океана не качали на себе своих морских обитателей, а может, потому, что море не шептало им своих песен, но тут, на заброшенной сырой набережной в окружении разрушающихся старых домиков, казалось, было слышно, как поскрипывали звёзды. Может быть, конечно, это были сверчки в сухой высокой траве по соседству, а может, несмазанные петли какой-нибудь двери, но и Ойлэ, и Изгою тогда казалось, что это всё-таки были звёзды. Они скрипели тихо-тихо, осторожничая, очень пугливо и боязливо. Если чуть отвлечься на шелест волны, то звёздный скрип пропадёт, словно его и не было, и прислушивать-

ся потом надо ещё полночи, чтобы услышать снова это робкое полупрозрачное мерцание. Хрупкие они, звёзды.

– Знаешь, – сказал Изгой, медленно проводя ладонями по плечам, – я тут вспомнил... У людей память не такая крепкая, как у китов. Мы запоминаем больше плохое, чем хорошее, или не запоминаем ничего вообще. Мало кто помнит только хорошее... Это было в тот год, когда мне друг сказал, что звёзды – это «просто звёзды». Мы с родителями перебрались на новую стоянку поближе к океану, остановились внизу, около водопада. У нас был дом на колёсах... Не знаю, знаешь ты, что это такое, или нет. Машина, в общем. И однажды, когда я смотрел на Ориона, прямо под окнами нашей машины заснула белуха. Белуха, представляешь? С большим розовым бантом на шее, – Изгой тихонько засмеялся, вспоминая эту картину. – Я сразу забыл про Ориона. Всё-таки это, конечно, явление редкое, но Орион приходит на наше небо каждую осень, а вот белуха ложится спать под самыми окнами не часто. И знаешь, мне тогда тоже показалось, что она смотрит на звёзды. Помню, я ещё тогда задался вопросом, а что же она там видит. Ну не небесного же охотника, в самом деле! Оказалось, небесного охотника... И это было так странно! Белуха смотрела на звёзды, а я смотрел на белуху.

Ойлэ перевела на Изгоя растерянный взгляд. Тот этого либо не заметил, либо не придал значения.

– Я потом, кстати, ещё много раз её видел, – продолжил

Изгой. – Думаю, это была она же: вряд ли все белухи носят большие розовые банты на шее! Она так красиво выпрыгнула из воды... А потом мы отправились дальше.

– А ты случайно не нарисовал её? – тихо спросила Ойлэ. В озере плеснула хвостом большая зеркальная рыба.

– Рисовал, – удивился Изгой. – Но те рисунки куда-то делись. Я где-то потерял их при переезде: уже, конечно, не помню, где...

– Не эти? – спросила Ойлэ и достала из кармана кофты несколько листов бумаги в плёнке. Изгой просиял.

– Где ты их нашла? – он бережно взял листки в руки и с искренним недоумением посмотрел на рисунки. В свете луны они блестели в тех местах, где их коснулись мокрые пальцы белухи.

– В большом железном ящике на лавандовых полях, – ответила Ойлэ, косо поглядывая на рисунки в руках Изгоя. – Мы нашли его ещё в начале нашего путешествия. Не скажешь, что это?

– Большой железный ящик? – задумчиво переспросил Изгой. Ойлэ кивнула.

– У него ещё колёса были.

Некоторое время Изгой молчал.

– А! – наконец хлопнул он себя по лбу. – Это вагон.

– А что это?

– Ну... – Изгой замялся, подбирая слова. – У нас есть поезд. Знаешь, что это?



– Нет.

– Ладно. Гусеницу представляешь себе?

– Ну?

– А это большая гусеница, только механическая и полая внутри, и состоит она из таких вот железных ящичков.

– А зачем они нужны?

– Чтобы ездить по земле.

Ойлэ непонимающе нахмурилась.

– А автомобили тогда зачем?

– М... Чтобы ездить по земле.

– А говорят, у вас ещё есть трамваи, – продолжала Ойлэ. – Они зачем?

Изгой несколько замялся.

– Чтобы ездить по земле.

– А троллейбусы?

Изгой совсем уж растерялся.

– Тоже чтобы ездить по земле, – пожал плечами он и улыбнулся. – Есть ещё велосипеды, самокаты, скейты, лыжи, роликовые коньки... – заметив непонимающее и почти испуганное выражение лица Ойлэ, Изгой от души засмеялся и вернул ей рисунки. – Это всё способы передвижения по земле. Да, у нас их много.

– Как странно, – хмыкнула Ойлэ, убирая обратно рисунки. – У нас, конечно, тоже есть всякие автобусы, трамваи, корабли и так далее, но...

– Но?

– Но они не особо отличаются друг от друга, если честно, – сказала Ойлэ. – Внешне они уж точно ничем не отличаются. Все они выглядят, как наш корабль, – Ойлэ кивнула в сторону корабля и улыбнулась. – Он, кстати, называется «Сушь».

– Интересное название для корабля.

– А что? По-моему, всё логично. Мы же на сушь идём.

Изгой усмехнулся про себя и окинул взглядом пузатый корабль китов.

– Действительно. И что, автобусы так же будут выглядеть?

– Ага.

– И трамваи?

– Особенно трамваи.

– И автомобили?

– У нас нет автомобилей.

– Как это? – удивился Изгой.

– Ну так, – пожала плечами Ойлэ. – Посмотри, какие мы большие. Один Уол чего стоит: самый длинный из всех нас. А представляешь, что было бы, если бы каждый залез в свой отдельный трамвай? Ну или автобус, как кому нравится. Мы бы в океане не поместились.

– И то правда, – согласился Изгой. – И всё же. Мне просто интересно: ведь должны же быть какие-то отличия, ну, скажем, между трамваем и автобусом?

– Ну конечно!

– И какие же?

– Трамвай цепляется за провода, чтобы не уплыть ку-

да-нибудь, неизвестно куда, и ходит только в черте города, а автобус может плыть, куда хочет, и в черте города не ходит.

– Это принципиально?

– Да.

– Почему?

– Ты представляешь себе жизнь в океане?

– Нет.

– Тогда представь: это на суше толком в пространстве не поперемещаешься, только вперёд-назад, вправо-влево, а в воде можно ещё и вверх-вниз. И улицы у нас друг на друге, навроте этажей у вас в домах. Понимаешь?

– Ну допустим.

– Вот. И по этим улицам курсируют трамваи. А представь, что будет, если вдруг один трамвай сломается и начнёт тонуть. Он же зацепит все остальные, что были под ним, понимаешь?

– Понимаю.

– Поэтому все автобусы в черте города – это трамваи, которые привязали к проводам. А все трамваи за чертой города – это автобусы.

– Умно.

– Наверное.

Повисла пауза. Некоторое время было тихо, но потом, спустя пару минут молчания, снова тихо-тихо зашуршали звёзды, и даже сверчок из соседней травы не убедил сидящих у воды в том, что это был он, а не светлячки в небе.

– Так значит, это была ты? – спросил вдруг тихо Изгой, повернув голову к Ойлэ. Та кивнула. – Удивительно.

– Мир тесен, – пожалала плечами Ойлэ. Почему-то новость, что именно Изгой рисовал её когда-то давно, не особо впечатлила её: наверное, потому, что она знала, что так и будет.

– Знаешь... Мне ведь Орион почти как друг, – сказал Изгой, с грустью глядя на своё тёмное плывущее отражение в озере. – Я вижу его каждую осень и каждый раз радуюсь ему. Приходит сентябрь, я смотрю на небо, и там ничего нет, а потом вдруг однажды ночью поднимаю глаза – а там Орион. Глядит на меня из своего чёрного загадочного космоса и улыбается мне, потому что я ему тоже друг. Я рад его приходу, он – моему. И всю осень мы будем вместе. Ну, как всю: только первую половину, пожалуй, потому что потом из-за океана прибегут облака, дожди, всё такое, и Ориона будет не видно, – Изгой замолчал и грустно вздохнул. – Может, я чего-то не понимаю? У нас многие не видят в звёздах ничего... *такого*. Для них это и правда просто звёзды. Просто звёзды, – Изгой закрыл глаза и медленно выдохнул. – Просто звёзды, – повторил он с необъяснимой горечью. – Какой кошмар.

Ойлэ осторожно покосилась на него. Она была более, чем уверена, что Изгою хотелось плакать.

– Тебе обидно, – то ли спросила, то ли сказала Ойлэ. Изгой спрятал лицо в ладонях.

– Да, – просто согласился он. – Мне обидно за мой род, за

себя, за нас... За тех, для кого звёзды – это «просто звёзды». За тех, для кого море – это «всего лишь море». За тех, для кого ряды бесполезных цифр и слов – это смысл жизни, а созвездие, видимое, может быть, раз в десять лет, – «просто звёзды».

– Нет, – покачала головой Ойлэ. – У нас не так. Мы любим смотреть – не только на звёзды. Но... В каком-то смысле я вам даже завидую. Земля постоянна, она не качает тебя ежеминутно на своих многочисленных руках, и ты можешь спокойно смотреть на небо. В воде так не получится.

– А у вас есть обсерватории? – оживился Изгой. К нему вернулась прежняя живость, и даже в темноте Ойлэ заметила, как заблестели от интереса его глаза.

– Да, – кивнула Ойлэ. – И телескопы у нас есть. У нас много чего есть. И в космосе мы были.

– Вы были в космосе?! – удивлённо переспросил Изгой. Ойлэ снова кивнула.

– У нас как-то странно получилось, – задумчиво сказала она, поглаживая белый подбородок. – Мы побывали в космосе раньше, чем на суше. Не знаю, почему. Впрочем, я не учёная, объяснить не могу. Вроде есть обоснование... Не помню. Давай я скажу, что просто Мать Природа не пускала нас на сушу, и ты мне поверишь, – улыбнулась Ойлэ.

– Охотно верю, – тоже улыбнулся Изгой. – Да и откуда ты знаешь, может, оно и правда так. Природа-то не глупая, она знает, что делает.

– Просто небо для китов – это перевернутый океан... – задумчиво продолжила свою предыдущую мысль Ойлэ. – У первобытных китов даже было представление, что небо – это потусторонний мир, Бесконечный океан, в который когда-то попадают все киты и становятся облаками. Ну, это мы видим их облаками, а кто знает, как оно на самом деле?

– Ты так нежно всё говоришь, – почему-то сказал Изгой. Ойлэ вопросительно подняла брови.

– Ты о чём?

– Исключительно китовое, – продолжил Изгой и грустно покачал головой из стороны в сторону. – Люди так не могут.

– Почему?

– Не знаю, – пожал плечами Изгой и снова поднял взгляд на небо. – Раньше умели, а сейчас, видно, разучились.

– Как думаешь, отчего это? – не отставала Ойлэ. Она перевернулась на бок, и лёгкая озёрная волна коснулась её щеки холодной мокрой рукой. Изгой задумался.

– Да всё от того же, я думаю. Мы стали умными – излишне умными, я бы даже сказал. Разум, это, конечно, хорошо, но не когда у разума нет души. А у нас так и случилось. Разум стал венцом всего, а душа... Зачем душа? Мы забыли про неё. Бесполезная штука, значение которой мы где-то потеряли.

– Ты говоришь «мы», – задумчиво подметила Ойлэ. – Ты тоже так думаешь?

– Не знаю, – опять повторил Изгой, сложил ладони в замок

и опустил на них свою заплетённую во множество косичек голову. – Я родился в эру последствий, и всё это было уже при мне. Кто-то понял, почему мы умираем, но не смирился, кто-то понял и смирился, а кто-то так и не понял. Кто знает, что было бы, живи я в другую эпоху? Это сейчас я знаю, что нельзя забывать про душу в погоне за разумом, вижу доказательства, что не стоило этого делать, а живи я век назад, два, три, десять? Сказал бы я то же самое? Может быть, и нет. Смотрел бы по телевизору про всякие научные достижения и смеялся бы над словом «душа».

– А звёзды?

– Что? – не понял Изгой.

– Про звёзды ты бы что думал?

Изгой устало вздохнул. Спать почему-то не хотелось: наверное, потому, что Орион пришёл на небо, такой радостный встрече после долгой разлуки, и теперь мешал им спать.

– Звёзды... – повторил Изгой задумчиво, словно пробуя на вкус это странное слово. – Звёзды бы, пожалуй, всё-таки любил. Может быть, я не любил бы их, как сейчас, но у меня бы точно не повернулся язык назвать их «просто звёздами».

– А если бы друг тебе тогда сказал, – продолжала Ойлэ их странный разговор, – что Орион – это просто звёзды, ты бы что ответил?

Изгой задумался.

– Я бы попросил его помолчать.

Ойлэ засмеялась и откинула упавшие ей на лицо сухие

осенние листики .

– А ты бы что сделала? – спросил Изгой.

– Не знаю, – легко пожала плечами Ойлэ. – Я бы, наверное, жутко расстроилась, прямо как ты. Может быть, даже плакала бы потом. Смотрела бы на Оулуна, вспоминала, что он «просто звёзды», и плакала, так бы мне было обидно.

– За кого?

– И за себя, и за друга, и за Оулуна, – улыбнулась Ойлэ, но вдруг посерьёзнела. – Вообще, у меня не было бы таких друзей, а если бы и был, то перестал им быть.

– Не будь так категорична.

– Я мерю по себе, – хмыкнула Ойлэ. – У нас, китов, так никто не скажет, это я тебе точно говорю.

– Я рад за вас, – улыбнулся Изгой.

На «Суше» погас свет: это Алу выключил освещение, оставив только сигнальные огни по периметру корабля, и звёзды, казалось, стали в тот момент ещё ярче. Теперь их тихое, как будто покачивающееся, мерцание было слышно вдвойне чётче, и сидящие у воды могли поручиться, что это были не сверчки, не дверные петли и не стволы деревьев. Это были звёзды. Самые настоящие.

Позади них зашуршал песок, и на набережную откуда-то из-за домов, где переминались с ноги на ногу лошади, вышла Тоска.

– Одилевон, ты идёшь? – спросила она, зевнув и приложив ладонь ко рту. – Поздно уже, пора спать.



– Да, я сейчас, – откликнулся Изгой и вдруг как будто о чём-то вспомнил. Он косо глянул на Ойлэ, а потом сказал: – Орион в этом году яркий.

– И что?

Тоска подняла глаза на небо, но, кажется, ничего там не увидела. Ничего особенного, во всяком случае.

– Это довольно редкое явление, – тихо и печально отозвался Изгой. – Не часто увидишь Ориона так чётко.

– Это разве важно?

– Для кого-то.

Тоска пожала плечами.

– Зачем тратить время на какие-то звёзды? Звёзды есть звёзды, ничего такого. Это... – Тоска неопределённо махнула рукой в воздухе. – Это просто звёзды.

Изгой медленно и глубоко вздохнул. В глазах у него блеснули звёзды. А может, это были слёзы.

– Помолчи, пожалуйста.

## Глава 11. Госпожа сейвал

– Вы уверены, Граф? – спросил Аун, ещё раз с подозрением поглядывая на нарвала. – Не хотите остаться с нами?

– Нет, благодарю, – несколько едко усмехнулся Седой Граф и покачал головой. – Мне моё здоровье важнее, да и здравый смысл у меня пока ещё остался.

Настал последний день их нахождения на Шахматных озёрах и последний день пребывания с ними Седого Графа. Завтра он должен был вернуться в свои владения, круглый год скрытые пеленой тумана, а путешественники с их новыми проводниками отправлялись дальше, прямо в ту сторону, где садилось солнце.

По словам Изгой, до Сердца Суши было десять дней пути пешком – стало быть, на корабле и того меньше, но сколько именно, сказать было трудно. Впереди китов ждали Колючие Гребни – горы сами по себе не только высокие и крутые, но ещё и очень извилистые и хрупкие, к тому же со множеством острых и узких скал. Тоска сказала, что там часто сходили лавины и камнепады, а потому отправляться туда на не особо поворотливом корабле, который, ко всему прочему, наполовину состоял из стекла, было очень рискованно. Добрую половину дня Аун и Алу обсуждали возможные пути, и было непонятно, спорят они или просто говорят на очень повышенных тонах. Изгой и Тоска упомянули,

что под Колючими Гребнями разумные обезьяны – люди, как не уставали повторять два их конкретных представителя – когда-то построили весьма разветвлённую сеть широких железнодорожных тоннелей, которые сейчас уже никто не использовал. «Сушь» вполне могла бы пройти там без особых проблем и даже нигде не застрять. Как сказали Изгой и Тоска, при строительстве люди укрепляли тоннели, а потому обвалы китам не грозили. Проблема заключалась только в том, что карты этой подземной сети никто не знал. Изгой и Тоска, когда их ещё пускали в Сердце Суши, ходили этими тоннелями, но это было несколько лет назад. Сейчас они, хоть и обещали показать короткий и, что самое главное, правильный путь, говорили это весьма неуверенно.

– Да, был там проход... – лениво протянула Тоска, потягиваясь у костра. Осень наступала на землю, и это чувствовалось. – Сначала направо... Потом налево... Или сначала налево, а потом направо... Не помню.

– Как же мы пойдём в лабиринт подземных тоннелей, если не знаем правильного пути? – воскликнул Уон, плюхнувшись на землю рядом с Тоской. Та широко зевнула и сонно зажмурилась.

– Что поделать? Мы там давно не были и вправе забыть кое-какие детали.

– Давно? – удивилась Иен. – Несколько лет назад!

– Говорю же, давно, – с озера подул прохладный ветер, и Ойлэ поёжилась под его осенним дыханием. На небо напоз-

ли низкие серые тучи, и, хотя было уже позднее утро, создавалось впечатление, что ещё не до конца рассвело. – У людей не такая хорошая память, как у китов, друзья. Помните об этом.

– Но вопрос остаётся открытым, – не успокаивался Уон. – Не опасно ли идти в подземный лабиринт, не зная дороги?

– Опасно было читать ночами книги про приключения на суше, – заметил из воды Уол и обворожительно улыбнулся помрачневшему брату. – Ты согласился отправиться в поход на сушу: само это словосочетание таит в себе уйму опасностей. Но коли уж ты тут оказался, будь так добр, принимай его целиком и полностью.

Уон насупился и запыхтел, стуча плоским хвостом по влажной земле.

– Слышишь, Аун? – пробасил Алу, отпивая чай из кружки капитана. – Они не знают дороги. Мы не можем идти в подземный лабиринт и так рисковать всей командой.

– Уол прав, – флегматично отозвался Аун, поглядывая на друга поверх карты. – Сам по себе поход на сушу – уже риск для всей команды. Сейчас грозить нам могут только обвалы, а их не будет в подземной сети.

– Звучит странно, не находишь? – Алу вернул капитану пустую кружку, и тот с неудовольствием заглянул в неё. – За столько лет укрепления вполне могли расшататься, и в случае чего мы окажемся погребёнными в прямом смысле слова под горами.

– Ты хочешь идти сквозь Колючие Гребни?

– Нет, – покачал головой Алу. – Там слишком опасно. Гораздо опаснее, чем в подземном лабиринте.

– Тогда что ты предлагаешь? – удивился Аун. Алу почесал подбородок и похлопал себя плавником по животу, в котором булькал чай.

– Обойти Колючие Гребни с севера, – задумчиво протянул он, лениво перебирая карты на столе Ауна, за что получил от него недовольный взгляд. – Или с юга, но там топи и леса... Лучше с севера.

– Можно и с севера, – тихо согласился с ним Аун, заново раскладывая в правильном порядке карты и документы, – но на то, чтобы обогнуть горы, потребуется не одна неделя. К тому же, мы не знаем северной природы и не можем сказать, с чем там столкнёмся.

– Или с кем, – вполголоса добавил Алу. Аун кивнул.

– Или с кем, – согласно повторил он, не отрываясь от карт. Ална, проплывавшая мимо него, несильно стукнула его по спине, чтобы тот не сутулился, однако должного эффекта это не возымело.

– И всё же север порядком безопаснее, чем подземные тоннели, которые могут обвалиться в любой момент и в которых мы можем заблудиться, – сказал Алу, плашмя шлёпая хвостом по полу гостиной. В окно часто и мелко стучали озёрные волны.

– Я бы так не сказал, – уклончиво протянул Аун. – Надо

спросить у Тоски и Изгоя, какая природа на севере. Очень может статься, что наш корабль там не пройдёт...

– Почему? – удивился Алу.

– Если там всё покрыто льдом, то вероятность разбиться там гораздо выше, чем даже в Колючих Гребнях, – мрачно усмехнулся Аун, сверяя документы. На глаза ему снова попался договор их команды, и отчего-то это не понравилось Ауну.

– Я не поведу корабль в подземные тоннели, так и знай, – отрезал Алу, поднимаясь из-за стола. Аун хмуро поджал губы. – Прости, капитан, но я не возьму на себя такой риск. И в Колючие Гребни я тоже не пойду. Только в обход.

– Хорошо, – вздохнул Аун, устало откидываясь в кресле. – В конце концов, ты ведёшь корабль, а не я: тебе виднее. Но если Тоска и Изгой скажут, что на севере опаснее, чем даже в Колючих Гребнях, ты пойдёшь сквозь подземный лабиринт?

– Ну, если только они так скажут... – Алу задумчиво потянулся и зевнул. – Надеюсь, ты не будешь просить их об этом?

– Что ты! – испугался Аун. – Я, конечно, люблю побеждать в спорах, но не настолько.

– Значит, идём в обход, – лучезарно улыбнулся Алу, поднимаясь с места. – Пойду, скажу остальным, что нам доведётся увидеть природу севера. Прости, Аун, но подземный лабиринт подождёт, да и признай, что там не так интересно, как на поверхности.

– Ничего, разберёмся, – тихо заметил со своего места Аун,

не отрывая взгляда от карт. Алу на секунду отплыл с корабля, и у Ауна появилась свободная минутка отдохнуть от их спора.

– Ну что, Алу? – спросила водителя Аен, когда тот нырнул в пресную воду озера. – На чём сошлись?

– Идём через север, – подмигнул ей в ответ Алу, перевернулся на спину и заложил плавники под голову. – Стопудово.

– О, это очень здорово! – обрадовалась косатка. – Говорят, в тундре живут полярные вертихвостые волки и шерстистые ящерицы. Хотела бы я на них посмотреть.

– Ящериц, может, и увидим, а на волков не надейся: скоро они впадут в зимнюю спячку и выползут из земли не раньше весны.

– Всегда мечтала увидеть север... – мечтательно протянула Аен. – Родина твоих предков, верно?

– Ага, – кивнул Алу. Вереница толстых воздушных шаров поползла к поверхности озера, скользнула по борту «Суши» и растворилась в воде. – Помню, нам как-то удалось увидеть полярных мотыльков. Это редкость, ведь обычно они не вылетают на берег океана, а тут, видимо, ветром пригнало.

– Они большие?

– Огромные! Размером с китовую голову, представляешь?

– Мотыльки размером с голову?! Ничего себе!

– Ага, – кивнул Алу. – Я тоже очень удивился, когда впервые их увидел.

– Кстати о твоих предках, – вспомнила Аен. – Что сказали твои родители, когда ты уехал в экспедицию?

– А, – отмахнулся Алу. – Я не знаю, что они думают. Наверное, что у меня отпуск.

Мимо них, неспешно петляя телом, проплыл толстый и длинный сом.

Ална и Седой Граф неспешно плыли по одному из Шахматных озёр. Где-то на берегу шуршал деревьями Янтарный лес, и то тут, то там над ним пролетал, глухо каркая, старый ворон. Мелкие озёрные волны частой рябью покрывали озеро, и по ним, прерываясь, плыло серое низкое небо.

– Слышал, ты застала тот знаменитый эфир, – сказал Седой Граф, уходя под воду. Все звуки сразу смолкли.

– Ага, – кивнула Ална. – В детстве мне повезло жить рядом с тем местом, откуда вели трансляцию.

– Ты видела разумных обезьян своими глазами? – спросил Седой Граф. Ална кивнула. – Здорово.

– Я вот знаете, о чём думаю? – спросила Ална, провожая взглядом стайку мелких серебристых рыбёшек. – Я помню их: ну, тех, кто шёл тогда вдоль берега. Такая избитая фраза, а ведь и правда, как будто это было вчера! Обезьяний век, конечно, меньше китового, но прошло не так уж много времени даже по их меркам, не то что по нашим. А вдруг я встречу тех, кого видела тогда? Что я им скажу? Что они мне скажут? Это так странно, знаете...



– Не жди, что ты их встретишь, – строго оборвал её Седой Граф, но, увидев выражение лица Алны, устало вздохнул: – Я понимаю. Я тоже, когда понял, что в океан мне не вернуться, задумался, а вдруг я встречу разумных обезьян. Смогу поговорить с ними, подружиться. Всё сбылось, как видишь, пусть и не так, как я себе это представлял. Они ведь не глупые, разумные обезьяны, просто сердца не хватает.

– Мне жаль их, – грустно сказала Ална. – Не представляю, что бы я чувствовала, если бы была свидетельницей вымирания собственного вида и, что главное, осознавала это.

– А я представляю, – снова вздохнул Седой Граф и отвёл взгляд. Ална вопросительно посмотрела на него. – Да, я знаю, что я не один – сейчас, по крайней мере. Но когда я оказался по ту сторону гор и стал жить один, я невольно забыл, что есть океан, киты... Цивилизация. *Наша* цивилизация. Я так свыкся с одиночеством, что забыл, что, кроме меня, есть ещё целый мир. И вот когда я забыл об этом, я вполне ощутил, каково это – быть последним в своём роде. И знаешь, что я почувствовал? Обречённость. Я ничего не смогу сделать, если вдруг понадобится возродить нашу цивилизацию, и ты ничего не сможешь сделать, и они тоже. Единицы никогда ничего не смогут сделать, именно потому, что они единицы. И Изгой и Тоска тоже ничего не смогут сделать. И люди, оставшиеся в Сердце Суши, тоже ничего не смогут сделать. Ни-че-го.

Помолчали. На дне озера, пусть не такого глубокого, как

океан, было необычайно тихо. Плавали туда-сюда диковинные рыбы, каких Ална раньше не встречала в большой воде, и бурое песчаное дно темнело где-то под ними, словно крыша чьего-то дома в пригороде.

– Уол обмолвился об экспедиции кашалота Ули, – изда-  
далека зашёл Седой Граф, нарочито небрежно и незаинтересо-  
ванно растягивая слова. – Что это за экспедиция?

– Да, была такая, – кивнула Ална. – Наша предшествен-  
ница. Её целью было изучить водные пути на суше, состав-  
ить её карту... У нас была гипотеза, что реки пронизывают  
Великий материк насквозь или хотя бы на половину, а Ули  
нужно было доказать это или, соответственно, опровергнуть.

– И что, получилось? – робко спросил Седой Граф. Ал-  
на заметила в нём странную растерянность, обычно ему не  
свойственную.

– Увы, нет. Ули удалось пройти лишь четверть заплани-  
рованного маршрута.

Вода озера была для Алны непривычно тяжёлая, не такая,  
как в океане, и, в отличие от Графа, который уже привык,  
Алне плавать здесь было трудно.

– Что-то Вы помрачнели, Граф, – заметила Ална, отпра-  
вляя вереницу больших воздушных шаров к поверхности. –  
Случилось что?

Седой Граф ответил не сразу.

– А он... – Седой Граф замялся, потупил взгляд и пожевал  
губы. – Ули жив сейчас?

– А как же! – воскликнула Ална, похлопав себя ластами по животу. – Ули – почётный профессор биостанции ЭРА и наш научный руководитель. Аун каждый вечер отправляет ему отчёт о ходе экспедиции.

– Вот как?.. – растерянно удивился Седой Граф. Ална, заметив его выражение лица, тоже растерялась.

– Да, – сказала она как-то робко. – А что, Вы его знаете?

– Знаю, – просто ответил Седой Граф и поплыл дальше. Алне отчего-то показалось, что он на самом деле не услышал вопроса, настолько задумчивым он выглядел.

– Так идёмте с нами, Граф, – попробовала улыбнуться Ална, но Седой Граф грустно покачал головой. – Не сейчас, так потом. Возвращайтесь в океан, к цивилизации.

– Жизнь непредсказуема, рыбка моя, – слабо усмехнулся Седой Граф, искоса глянув на Алну. – Никогда не знаешь, что будет завтра, а уж тем более через две, три недели, месяц... Посмотрим.

– Но запомните моё предложение.

Седой Граф улыбнулся краешком губ.

– Обязательно.

Некоторое время плыли в молчании. Ална с детской радостью разглядывала всяких удивительных рыб и моллюсков, которых не бывает в океане, а потом ещё полчаса гонялась за огромным чёрным сомом, который тщетно пытался спрятаться от неё в иле.

– Так что, Граф, – обратилась к нему Ална, когда выдох-

лась. Сом с заметным облегчением поспешил уплыть от неё подальше. – Вы знаете кашалота Ули?

Седой Граф кивнул.

– Ну же, – попробовала подбодрить его Ална и чуть улыбнулась. – Рассказывайте, раз уж обмолвились. Я теперь от Вас не отстану.

– Это я уже понял, – усмехнулся Седой Граф. – Вы бываете удивительно настойчивы, госпожа сейвал. Уверен, Вашего энтузиазма хватило бы даже на то, чтобы наш капитан перестал сутулиться.

– Да, и сил вернуть Вас в цивилизацию у меня тоже хватит, – с улыбкой кивнула Ална. – Так что там с профессором?

Седой Граф несколько устало вздохнул.

– Мы были лучшими друзьями. Собственно, на этом всё. Ална так удивилась, что даже остановилась.

– Не может быть, – неверяще покачала она головой.

– Что не может быть? – усмехнулся Седой Граф. – То, что мы были лучшими друзьями, или то, что на этом всё?

– Что на этом всё. Так не бывает, – насупилась Ална, пропустив мимо ушей колкость Графа. – Я жду подробностей.

– Вам кто-нибудь когда-нибудь говорил, что Вы бываете излишне настойчивы, госпожа сейвал? – спросил Седой Граф, впрочем, без тени раздражения или злости.

– Говорили, и не раз, – хмуро кивнула Ална, – но, знаете, был у меня случай, когда я не настояла на своём, а надо было.

Жалею об этом до сих пор.

– И что же это было?

– Э, не, – лукаво прищурилась Ална. – Я первая задала вопрос.

– Про Ули?

– Ага.

– Что ж, – вздохнул Седой Граф, с вызовом оборачиваясь на Алну. – Если госпоже сейвал так не терпится узнать, что случилось, я расскажу, но взамен хочу услышать Вашу историю. Идёт?

Ална победно усмехнулась.

– Идёт. Рассказывайте.

Седой Граф прочистил горло.

– Мы с Ули были лучшими друзьями.

Повисла пауза.

– И это всё?! – возмутилась Ална. Седой Граф расхохотался при виде её выражения лица. – Хорошо, задам вопрос конкретнее: меня интересует, почему Вы так грустно вздыхаете при его упоминании и как это связано с его экспедицией на материк?

Тут уже Седой Граф посерьёзnel. Некоторое время он молчал, как будто что-то вспоминая.

– Мы любили плавать на поверхности в шторм и смотреть грозу, – начал он, задумчиво глядя вниз, на поросшее водорослями дно. – Прямо как Уон и Уол. Давно это было, уже и не сосчитаю, сколько лет прошло. И вот в один из таких

штормов меня-то как раз и унесло на сушу. Ули пытался оттащить меня назад, но волна была сильная и высокая. Нас разнесло в разные стороны. И когда река уже несла меня в глубь материка, Ули крикнул мне, что обязательно постарается найти меня. Прошло много лет. Я ждал его по ту сторону гор: это одна из причин, почему я не уходил оттуда. Но он так и не приплыл. Потом меня прогнали люди, я поселился вдали от того места, куда меня прибило волнами реки, и я уже потерял всякую надежду встретить его снова. Потом я нашёл путь обратно к океану, но не захотел возвращаться. А теперь я узнаю, что, оказывается, Ули организовывал экспедицию на сушу и шёл теми же путями, что и мы сейчас. Ведь мы прошли четверть от Великого материка, Ална. Понимаешь? Возможно, где-то здесь Ули повернул назад. А вы идёте дальше.

Ална потупила взгляд. Почему-то ей казалось, что Великий материк больше – или это она не заметила, как на самом деле далеко они зашли? А может быть, и то, и другое.

– Суша велика, хоть и не сравнится с океаном, – словно прочитав её мысли, сказал с усмешкой Седой Граф. – На ней есть и бескрайние пустыни, и густые леса, и бесконечные горные хребты, но мы с тобой слишком велики, чтобы в полной мере оценить их величие. Посмотри на нас: по размерам, это озеро едва ли больше, чем среднестатистическая комната. Половина пути уже позади, и вскоре Вы, госпожа сейвал, возможно, встретитесь с теми, кого видели ещё в своём дет-

стве. Вопрос лишь в том, хотите ли вы этого? – Седой Граф со спокойной серьёзностью посмотрел на Алну, и странное выражение, такое же, как у Уола, когда тот наставлял Уона, отразилось в его глазах. – Ты уверена, что хочешь побывать в гостях у Сердца Суши?

Ална ответила не сразу.

– Я хочу убедиться, – сказала наконец она на удивление твёрдо. – Как и все мы. Мы хотим знать, что и как произошло на самом деле, чтобы не терзаться в сомнениях и не жалеть о потерянных возможностях.

Седой Граф хитро улыбнулся и слегка прищурился.

– То есть вы хотите знать правду?

Ална кивнула.

– Какой бы она ни была.

Некоторое время плыли в молчании. Солнце поднялось выше и теперь плавало где-то над ними жёлтым кривым кругляшом.

– Ты не рассказала свою историю, госпожа сейвал, – как бы между прочим напомнил Седой Граф. – Я слушаю.

Ална опустила взгляд и хитро улыбнулась.

– У меня тоже в детстве был друг, – сказала она странно загадочным голосом, – из разумных обезьян. И мы с вами похожи больше, чем вы думаете, Седой Граф. Несколько дней после того легендарного эфира с побережья не спускали глаз. Все, конечно, надеялись, что разумные обезьяны покажутся снова. А я тогда как-то не заинтересовалась тем

местом, уж не знаю, почему. Наверное, потому, что там собралось очень много китов. Однажды я отплыла подальше от дома и увидела странную конструкцию вблизи берега. Подплыла – а там разумная обезьяна в перевернутой ракушке сидит, смотрит на меня сверху вниз и улыбается. Парниша такой. Кажется, он рыбу ловил... Он был один. Я высунула голову из воды, и он меня погладил. Он мне что-то говорил и говорил... И всё улыбался. Я ничего не поняла. Я тоже ему что-то сказала, и он улыбнулся шире. Наверное, он тоже меня не понял, но зато угостил рыбой, которую поймал. Вроде это была скумбрия... А я потом принесла ему из дома большую красивую ракушку, и, кажется, он был счастлив в тот момент. Вот. Когда стемнело, он ушёл на сушу, а я вернулась домой. На следующий день я опять приплыла на это место, и он снова ловил рыбу в своей маленькой деревянной ракушке. А потом ещё несколько дней, чуть больше недели. Мне казалось, что мы и правда подружились, и, чтобы понимать друг друга, нам даже не нужно было говорить на одном языке. Я всё думала рассказать своим о том, что вот, совсем рядом с ними живёт разумная обезьяна, один из представителей цивилизации, о которой мы грезили, но каждый раз что-то меня останавливало. Я так ничего и никому не сказала. Однажды на море разыгрался шторм, и его унесло далеко в море. Одна волна, особо высокая, перевернула его ракушку, и он оказался в открытом океане. Тогда я посадила его себе на спину и отвезла на берег, прямо как Вы Тоску... Он об-



нял меня на прощание и ушёл в глубь суши. Больше я его не видела.

Некоторое время плыли в молчании. Седой Граф о чём-то крепко задумался, и Ална не спешила нарушать его мысленный поток.

– Ты о чём-то жалеешь, я прав? – спросил он вдруг почему-то, искоса глядя на Алну. Та поджала губы.

– Да, но сама не знаю о чём, если честно, – сказала она, слегка пожав плечами. – Когда рыбак ушёл, я не стала настаивать, чтобы он остался... Хотя он был болен, это было видно. Он был очень худой, как из голодного края, и слабый. Я совсем не чувствовала его на своей спине, когда везла до берега, и меня это напугало. Наверное, я могла бы помочь, если бы... Если хотя бы просто предложила помощь. Если бы тогда выяснилось, что тот человек был одним из последних, я бы себе, наверное, не простила, что просто так его отпустила.

– Он и был одним из последних... – задумчиво протянул Седой Граф.

– Это с одной стороны, – продолжала Ална. – А с другой стороны, кто мы такие, чтобы следить за ними? Они такой же разумный вид, как и мы, у них своя жизнь, свои порядки и свой уклад, в который мы никогда не впишемся при всём желании. Мы... Другие. И не имеем права им мешать.

– Мешать – нет, – согласился Седой Граф. – А помочь?

Ална задумчиво провела ладонью по серой голове.

– Кто знает, нужна ли им наша помощь? – спросила она наконец, запустив пальцы в мохнатые стебли водорослей. – Изгой и Тоска ни разу не попросили её и не сказали, что она нужна другим. Да и что мы можем сделать, чтобы помочь? Отстроить города? Накормить? Не думаю, что люди нуждаются в подобном.

– Согласен: сделать мы можем мало, – кивнул Седой Граф, несколько хмуро потирая шрам. – Но мы можем запечатлеть их, чтобы память о них не исчезла после их смерти. Пусть самой цивилизации уже не будет на свете, мы будем помнить её.

– Пожалуй, – согласилась Ална. – Мы сделаем всё, чтобы её не забыли. Даже если сама цивилизация этого не хочет.

## **Глава 12. Таинственное завтра, или тот самый день, когда всё пошло не так**

Это был один из тех немногих дней, когда Уон разбудил Уола, а не наоборот. Холодное солнце севера заглядывало в большое пузатое окно: переубедить Алу, на редкость упрямого в подобных вопросах, не удалось, и киты всё-таки пошли в обход. Здесь царило какое-то исключительно северное спокойствие, какое никогда не бывает на юге. Под окнами «Суши», не первый день скитавшейся по просторам тундры, ползали большие шерстистые ящерицы. У них был красивый перламутровый цвет, и их волоски переливались на солнце всеми цветами радуги. Большие мохнатые мотыльки такого же белоснежного окраса махали тяжёлыми крыльями и мягко стучали ими в выпуклые окна корабля.

Уон, тихо выскользнув из своей каюты, подплыл к комнате брата и заглянул в глазок. Самого Уола видно не было, но, судя по отсутствию движения в комнате, он спал и в скором времени вставать не планировал. Уон, усмехнувшись про себя, тихо открыл дверь и заплыл в каюту.

Как и думал Уон, Уол ещё спал. Дело было не в том, что старший брат проспал: он-то, как обычно, лёг рано и встать собирался так же. Дело было в том, что Уон ещё не ложил-

ся. Вообще-то он мог получить от брата нагоняй за то, что так откровенно пренебрёг сном, но причина, по которой Уон хотел разбудить Уола, могла спасти его от подобной участи.

– Уол! Уол, проснись! – громко зашептал Уон, теребя за плечо брата. Тот не отреагировал. – Уо-ол! – Уон, чуть подумав, с тихим «бульк» положил ему на щёку синюю ладонь. – Пора вставать!

Уол лениво перевернулся с бока лицом к брату и медленно открыл один глаз, но ничего не сказал. Несколько мгновений он смотрел на Уона отсутствующим взглядом, открыл второй глаз, а затем в них постепенно появилось осознание.

– Я что, проспал?! – с ужасом спросил Уол и, резко сев в кровати, посмотрел на часы. Они показывали половину третьего ночи, хотя за окном было светло, и кто-нибудь посторонний вполне мог бы подумать, что часы сломались. – Что случилось? Всё хорошо?

Уон удивлённо отпрянул под таким напором.

– Ничего, за исключением того, что я в кои-то веки встал раньше тебя, – чуть смущённо сказал Уон, потупив взгляд. Выражение лица Уола сменилось с испуганно-озабоченного на угрюмое.

– Тьфу ты, Уон, – вздохнул Уол, сердито взбивая подушку. – Я уж подумал, что-то серьёзное произошло. Кстати, что это ты не спишь? Даже не знаю, сейчас рано или поздно.

– Солнце разбудило, – просто сказал Уон, кивком показав за окно. Там действительно над горизонтом висело малень-

кое северное солнце.

– Ну да, так я тебе и поверил, – хмыкнул Уол, откинувшись обратно на подушки. – Не помню, чтобы ты когда-нибудь был таким бодрым, только что проснувшись. Небось, не ложился ещё...

– Даже если и так, что с того? – Уон подплыл к окну, посмотрел на искрящуюся корочку наста, окинул быстрым взглядом горизонт, довольно кивнул каким-то своим мыслям и вернулся к брату.

– Как – что? – переспросил Уол, от удивления снова сев в кровати. – Вот скажу Ауну, он тебе объяснит...

– Не ворчи, – Уон профессионально сделал вид, что не заметил сердитый взгляд брата. – Я тебя не просто так разбудил.

– Да? Что-то я в этом сомневаюсь... – сонно протянул Уол и зевнул. Прогонять Уона он пока не стал, хотя очень хотелось.

Уон снова подплыл к окну и посмотрел куда-то вдаль.

– Глянь-ка, – сказал он и показал головой за стекло. Уол нехотя вылез из кровати, поёжился (как-никак, они были на севере, а на севере редко когда бывает тепло), подплыл к большому пузатому окну, встал рядом с Уоном, посмотрел туда же, куда и брат... И вдруг понял.

Он понял, на что смотрел Уон и почему он его разбудил.

Далеко-далеко на горизонте, такая же маленькая, как солнце, сверкая стальными пластинами, виднелась точка.

Это был огромный железный купол, но китам он казался совсем малюсеньким, потому что до него ещё были многие десятки миль бесконечной однообразной тундры. Сегодня они должны были преодолеть эти мили и оказаться у порога в единственный оставшийся дом, принадлежащий другой цивилизации. Китам не приходилось рассчитывать на тёплый приём – им не приходилось рассчитывать на какой-либо приём в принципе, – но надежда слабым огоньком тлела в их больших сердцах. Справедливости ради стоит сказать, что Тоску и Изгоя там тоже не ждали, но здесь, вдали от города, почему-то в это верилось слабо.

– Уон... – вполголоса сказал Уол, ещё ближе подплывая к стеклу. – Это то, о чём я думаю?

– Да, – легко ответил Уон, посмотрев сначала на брата, потом снова на купол. – Сердце Суши. То самое, о котором слагают легенды.

– Не может быть... – прошептал Уол, неверяще вглядываясь вдаль. – То самое, о котором в детстве нам всем рассказывали сказки... Неужели это правда?

– Вполне, – кивнул Уон, а затем, подумав о чём-то своём, буднично добавил: – Какой-то он некрасивый, этот город.

– Ну погоди, – задумчиво ответил ему Уол, очнувшись от наваждения и широко зевнув. – Мы же не знаем, какой он внутри.

– Всё равно, могли бы изобразить что-то более изящное, – не отступал Уон, сверля недовольным взглядом точку на го-

ризонте. – И вообще, зачем им этот колпак? Накрылись медным тазом и не выходят даже.

– Не знаю, – флегматично отозвался Уол и потянулся. – Видимо, им так больше нравится.

– Сомнительное удовольствие, если честно, – скривился Уон. – Я бы так не смог.

– Но ведь мы и не они.

В коридоре закрылась чья-то дверь, и еле заметное движение воды коснулось Уона и Уола. Ещё через пару мгновений «Сушь», мягко вздрогнув, медленно поехала вперёд. Синие лошади, привязанные за уздечки к поручню снаружи, вздрогнули и потрусили рядом.

– Алу проснулся, – заметил Уон. Уол, широко зевнув, отплыл от окна и снова залез в кровать.

– Давай спать, – сказал он, забираясь под одеяло. – Время ещё есть.

– Не думаю, что смогу уснуть, зная, что мы приближаемся к Сердцу Суши. Прости, Уол, но в этот раз я нарушу своё обещание, и режим сна тоже.

– Непрофессионально, – лениво отозвался Уол и нажал на какую-то кнопку. Большие выпуклые окна тут же потемнели, не пропуская свет.

– А я доброволец.

– Команду подводишь, – протянул Уол, перевернувшись на бок и закрыв глаза. – Не по-товарищески...

– Алу, между прочим, тоже не спит, – пробормотал Уон

и сел на кровать рядом с братом.

– Но Алу хотя бы спал, – сонно возразил Уол, – а ты ещё даже не ложился... Будешь потом, как варёная креветка... Всё самое интересное проспичь в итоге... И не увидишь никаких земных китов... Воздушных тоже...

– Ну и спи дальше, – сказал Уон, спрыгнув с кровати и натянув на голову Уола одеяло. – А я к Алу пойду, а то ему там скучно, небось.

Уол не отреагировал, даже не стянул с головы одеяла, так и оставшись лежать, полностью скрытый, как морской огурец.

Уон выплыл из каюты и огляделся. Пусть солнце на севере и вставало рано, всё-таки была ещё ночь. Где-то на крыше «Суши» спали Изгой и Тоска. Уон попытался вспомнить их настоящие имена, но, так и не преуспев в этом деле, поплыл в гостиную, где в одиночестве вёл корабль Алу.

– Ты чего не спишь? – удивился он, увидев в зеркало заднего вида Уона. Тот подплыл ближе и бесцеремонно плюхнулся в капитанское кресло.

– Солнце разбудило.

– Не ври, ты и не ложился, – усмехнулся Алу, не отрывая взгляда от дороги. – Уже скоро на месте будем, а ты не спал. Нехорошо.

– Ой, да знаю, – отмахнулся Уон и развалился в кресле капитана. – Но сам подумай: как я могу уснуть, когда мы в любой момент можем встретить представителей другой ци-



визации?

Алу недовольно покачал головой.

– В конце концов, именно в момент, когда мы встретим их, ты и отрубись.

– Не отрублюсь, – возразил Уон, коротко зевнув. – Я привыкший.

– Ну-ну.

Ближе к утру, когда вся команда уже проснулась, Аун с удивлением обнаружил в своём кресле крепко спящего Уона. Все попытки разбудить его не увенчались успехом, перенести тоже (всё-таки Уон весил под несколько тонн), поэтому горбатому капитану ничего не оставалось, кроме как прилечь на неудобной табуретке позади водителя и сгорбиться ещё сильнее.

– Уон! Уо-он!.. – Уон медленно разлепил глаза и тут же зажмурился от яркого света, который бил ему в лицо. – Приехали, соня.

Уон даже не задался вопросом, кто и куда приехал. Он вообще не сомневался в том, что это был сон.

– А я говорил ему, что нужно поспать. Никогда меня не слушает!

– Я сказал ему то же самое.

– А он что?

Последовала небольшая пауза.

– Махнул рукой и тут же отрубился.

– Вот моллюск!

Подобное обращение показалось Уону смутно знакомым.

– Уон, вставай! – прозвучал где-то поблизости тот же голос, что обозвал его моллюском. – Ты всё самое важное пропустишь! Мы уж на пороге Сердца Суши, а ты храпишь.

Словосочетание «Сердце Суши» пробудило что-то в глубине души Уона, и он нехотя пошевелился.

– Вот так всегда! – продолжал недовольно голос. – В самый ответственный момент он спит!

– Сон важен, несчастный наutilus, – хрипло ответил наконец Уон и, разлепив глаза, сел. Почувствовал он себя не очень уютно, потому что, во-первых, в лицо ему бил яркий солнечный свет, а во-вторых, вокруг него, как выяснилось, столпилась вся команда.

– Доброволец, – фыркнул почему-то Аун и потрепал сонного Уона по плечу. И именно в этот момент ему стало как никогда стыдно.

Уон действительно проспал много чего важного и интересного, хотя команда, конечно, разбудила его в нужный момент, а не в последний. Огромный железный купол, который он видел ночью маленькой точкой на горизонте, увеличился в разы и навис над китами металлической волной. Его стальные пластины, как зеркала, отражали лучи солнца, и поэтому казалось, что закрытый город сверкал, как одна большая глыба льда. Слева виднелись Колючие Гребни, через которые Алу так не хотел идти, направо уходили леса глубокого

зелёного цвета, далеко позади осталась тундра, напоминая о себе только редким холодным дыханием. А ещё было удивительно тихо, и никому из китов не верилось, что внутри, под этим железным колпаком, ещё теплится жизнь.

Корабль остановился чуть поодаль от Сердца Суши. Изгой и Тоска мерили шагами покрытую сухими листьями землю и искоса поглядывали на купол – было видно, что они очень волновались.

– Мы сейчас переговорим с дозорными, – сказал Изгой Ауну, когда вся команда вышла наружу. – Попробуем установить между вами контакт, но... – он нервно обернулся на город. – Я не могу вам ничего обещать.

– И не надо, – мягко ответил Аун. Изгой поджал губы, коротко кивнул и отвёл взгляд.

– Они знают, – тихо сказала Тоска остальным китам. – Знают, что вы здесь. Они и сейчас за вами наблюдают, хотя вы этого не замечаете. Будьте готовы в любой момент возвратиться на корабль и уйти отсюда подобру-поздорову, – Тоска покосилась на купол, словно боялась, что их подслушивают. – Ничего не получится, – вздохнула она, дрожащей рукой поправив волосы. – Возвращайтесь в океан и подождите там ещё лет сто, тогда и навещайте. Обрато идите всё-таки через Колючие Гребни. На открытом пространстве, тем более на земле, у вас нет шансов против них, а вот в тоннелях они не смогут ничего вам сделать. Имейте в виду, все тоннели сквозные, тупиков нет. Ещё люди боятся темноты...

Тоску позвал Изгой, и они вместе пошли к куполу, а киты по команде Ауна вернулись на корабль и оттуда пристально наблюдали за их действиями.

Железный колпак казался сплошной стеной, состоящей из металлических листов, без всяких окон и дверей, однако Изгой и Тоска уверенно подошли к определённом месту и постучали по одной из пластин ровно пять раз. Пластина поехала наверх, и из неё высунулся кто-то, своим видом больше напоминающий лошадь, чем человека. Уон никогда бы не подумал, что это один из разумных обезьян, встретить он такого где-то ещё.

– Наши кочевники, – усмехнулся человек приглушённым от противогаза голосом. – Даже не буду спрашивать, кого это вы привели: мы не впустим никого. Угостить тоже нечем, самим едва хватает, так что передай, чтобы возвращались туда, откуда пришли. Предупреждаю по-хорошему.

– Это разумные киты, – сказала Тоска тихо и спокойно. – У них хватает еды и своего подводного жилья. Они хотели установить с нами контакт и помочь.

– Помочь? Нам? Чем? – с булькающим смешком спросил человек. – Они хотят накормить нас своими телами?

– Ты груб и не сдержан, но, смею надеяться, это оттого, что ты в отчаянии, – вмешался Изгой. Человек в костюме химической защиты устало цыкнул.

– Перестань, Одилевон, ты сам прекрасно понимаешь, что это так. Да, может быть, я не самый вежливый человек, но

во мне говорит рассудок, то есть то, чем всегда гордился и славился наш вид.

– То-то я смотрю, ты в противогазе, – мрачно усмехнулся Изгой. – Неужели ты не понимаешь? Это ваш шанс на выживание.

– *Ваш?* – презрительно переспросил дозорный. – То есть ты уже перестал считать себя человеком?

Тоска закатила глаза и раздражённо вздохнула.

– Ваш – тех, кто остался внутри. Мы, если ты не заметил, стоим снаружи.

– Ага, и приводите к порогу нашего дома каких-то инопланетян. С чего бы им помогать нам, можешь объяснить? Я вот между спокойной смертью в стенах родного города и участью слуги захватчиков выберу первое.

– Каких захватчиков? – зло прищурился Изгой. – Это киты! У них большое сердце и добрая душа. Посмотри на их корабль! Они превзошли нас и теперь могут если не возродить наш вид, то обеспечить достойную жизнь. Они сохранят память о нашей цивилизации...

– Я не хочу быть подопытным кроликом! – вспыхнул дозорный. – Одилевон, я ещё раз тебе говорю: нет. Мы знали, что они идут, мы следили за ними ещё с побережья Великого океана: оставили рисунки в старом вагоне поезда, – твои, кажется? – поставили его так, что трудно было не заметить, развели костёр в пещере, положили вещи, забрали карты из старого порта у берегов Шахматных озёр... У них исключи-

тельно научный интерес, как ты не поймёшь, Одилевон! Они могут сделать хорошее дело, если им так хочется: их большими сердцами можно целую неделю кормить наших людей, – человек отошёл в тень, прячась от слишком яркого для него солнца. – Передай своим друзьям, чтобы уходили, иначе мы выпроводим их силой. Если вам нужно заменить лошадей, возьмите: всё равно кормить нечем. Большого предоставить не можем.

Повисла давящая тишина. Изгой угрюмо переглянулся с Тоской, а затем коротко кивнул дозорному:

– Две лошади. И мы уйдём.

Человек кивнул, уже было отошёл куда-то в глубь коридора, но вдруг замер и обернулся.

– А сколько китов?

– Восемь, – ответила со вздохом Тоска и тут же напряглась: – А зачем тебе это?

– Да так, – лицо человека было скрыто противогазом, поэтому Изгой и Тоска не увидели его расплывающейся улыбки. – Просто любопытно.

Тоска вернулась к кораблю и передала Ауну, что их не примут, а Изгой, подождав пару минут, вывел за уздечки из открывшегося в стене прохода пару лошадей взамен двух предыдущих и тоже повёл их к «Суше». Лошади были ужасно худые, с впалыми животами, и, едва оказавшись снаружи, сразу набросились на свежую траву. На ярком солнце их шерсть отливала из глубокого синего в изумрудно-зелёный, а

длинные тонкие рога, аккуратным ободком обхватывающие голову, просвечивали.

– Этого следовало ожидать, – извиняющимся тоном добавила Тоска. Аун на это ничего не ответил, только коротко кивнул и велел команде не сходить с корабля.

– Мы проводим вас до Шахматных озёр, – сказал Изгой, навьючив обеих лошадей. – На этот раз всё будет в разы быстрее, да и путь вы уже знаете...

Тут вдруг поднялся ужасный гул. Киты испуганно посмотрели на купол, который, казалось, задрожал, но Тоска и Изгой испугались ещё больше: они поняли, что случилось.

– К Колючим Гребням, быстрее! – крикнула Тоска. – Бегите в тоннели, дальше по рекам найдёте как-нибудь! Помните, люди боятся темноты!

– Что происходит? – успел спросить ей Аун, запрыгнув на борт. Изгой удручённо покачал головой.

– На вас началась охота.

Его слова потонули в страшном шуме, от которого лошади, которые тоже не понимали, что происходит, встали на дыбы и едва не скинули своих седоков. В стене города открылся широкий проём, из него выскочило десятка два синне-зелёных коней со всадниками в странных костюмах, которые начали стремительно приближаться к китам, а следом за ними выползло страшное железное существо с длинным рогом на носу, как у марлина или нарвала.

Алу не помнил, как довёл «Сушь» до спасительных тон-

нелей. Изгой и Тоска летели на лошадях впереди корабля и показывали им верную дорогу: это было единственное, что они могли сейчас сделать. Несколько раз что-то железное со всей силы стучалось в большие выпуклые окна и стены, и тогда большие китовые сердца ёкали и ухали куда-то вниз. Особенно сильно они застучали, когда первая трещина пошла частой тонкой паутинкой по толстому стеклу.

– Ничего, – сказал Аун, поджав губы. – Ещё выдержит.

Как и рассказывали Изгой и Тоска, тоннели были достаточно широкими, чтобы «Сушь» без труда прошла сквозь них. На входе лошади остановились, корабль скользнул внутрь, и кочевники остались позади.

– Прощайте! – услышали сквозь толщу стекла киты голос Тоски. Её лошадь встала на дыбы и испуганно заржала. – Идите всегда на восток, и вы обязательно выйдете к Великому океану!

– Дальше от нас толку нет, потому что мы сами не помним дороги! – вторил ей Изгой. – Но мы попробуем задержать их!

– Счастливого пути!

– Скатертью дорога!

«Сушь» скрылась в темноте тоннелей, а два храбрых всадника на синих лошадях преградили путь двум десяткам таких же, как они.

– Прочь с дороги, – хрипло сказал один из них. На слух и на вид они все были похожи как две капли воды: в одинаковых костюмах с одинаковыми противогазами на одинако-



вых синих лошадях. Голоса, интонации и выражения у них тоже были одинаковые, поэтому казалось, что с ними снова говорил дозорный, тот самый, который беседовал с Изгоем и Тоской у городской стены, хотя, конечно, это был не он. – Уйдите, вы оба.

– Зачем они вам? – с вызовом спросила Тоска, хотя ответ был очевиден.

– Наши люди давно уже нормально не ели. Мы не можем отпустить их.

– Дозорный сказал нам, что мы можем уйти, – презрительно протянул Изгой, прищурившись от яркого солнца, отражённого железными пластинами города. – И *они* тоже.

– Мало ли, что сказал дозорный, – последовал приглушённый ответ. – Тогда он не знал, что их целых восемь. В прошлый раз мы упустили добычу, в позапрошлый тоже, но на этот раз подобная ошибка может стоить нам нескольких жизней.

– Они предлагали свою помощь, – холодно возразила Тоска. – Вы отказались.

– Знаем мы эту помощь, – зло усмехнулся один из людей и поправил гарпун на плече. – Посадят нас в клетки и будут рассматривать под микроскопом. Ты это называешь помощью? Нет, спасибо.

– Я правильно понимаю, что слово для homo sapiens больше ничего не значит? Что человек не держит своё слово? – спросил Изгой, гордо вскинув голову. – Что человек – *чело-*

*век!* – больше не достоин своего имени?

– Не тебе это решать, – ответили ему из толпы. – Зато ты вполне достоин своего, Одилевон. Мы слышали, как они тебя называют. Изгой! Что ж, это имя тебе вполне подходит. Ещё раз говорю вам: прочь с дороги.

Ни Тоска, ни Изгой не сдвинулись с места.

Один из людей, чуть помедлив, махнул рукой, и страшное железное существо с рогом во лбу поехало вперёд, в пещеру, а затем вдруг выстрелило. Поднялся ужасный шум и грохот. Лошади Изгоя и Тоски шарахнулись в стороны, понесли своих нетронутых седоков прочь от тоннелей, кони людей в странных костюмах тоже отпрянули назад, только однорогое создание не остановилось и продолжило свой путь, скрывшись в тоннеле.

– Нет! Остановитесь, безумцы! – крикнул Изгой, повернув обратно свою лошадь. Та на полном ходу врезалась в коня какого-то человека и протаранила его грудью, отчего он повалился на землю вместе с лошадыю. Тоска таким же образом помешала пройти другому. – Оставьте их в покое!

В тоннелях снова слышались выстрелы, и от многократного эха они показались ещё громче и страшнее, чем были на самом деле. Изгой нервно оглянулся. Они могли бы вернуться сейчас в пещеры, чтобы остановить стреляющую машину, но тогда все эти люди, которых они сейчас сдерживали у входа, ринулись бы вслед за ними. Нет. Киты должны справиться сами.

И только Изгой подумал об этом, как по тоннелям прокатился оглушительный звон разбитого стекла.

## Глава 13. Воздушные киты и железные альбатросы

Большой стальной гарпун врезался ровно по центру выпуклого окна. Толстое стекло сложилось пополам, и тонны воды хлынули из корабля по тёмным тоннелям, увлекая за собой тяжеловесных пассажиров.

– Плывите на восток! – успел крикнуть Аун где-то в темноте. – По возможности встречаемся у Седого Графа! Как только доберётесь до океана, дайте знать на ЭРУ, чтобы вас не искали зря...

Он говорил что-то ещё, но его уже мало кто слышал: китов разнесло водой по разными тоннелям, а так как единственный источник света померк вместе с разбитым стеклом, в пещерах стояла непроглядная темнота.

Уон пытался запомнить, куда его несёт, или хотя бы понять, в какой стороне восток, но поток постоянно крутил и переворачивал его в пространстве, так что совсем скоро он оставил это занятие. Волны толкали его, пару раз ударяли о невидимые стены, прижимали к холодному камню, но потом снова подхватывали на свои руки и несли дальше. Запоздало Уон подумал об оставленных на «Суши» вещах.

Когда вся вода вылилась из корабля и уже не толкала своей невидимой мощью так сильно, Уон, силясь разглядеть

хоть что-нибудь, поднялся и пошлёпал вперёд по тоннелю. Пару раз он с разбега стукнулся головой в невидимую стену, поэтому чуть сбавил скорость и пополз более осторожно.

– Уол! – громким шёпотом позвал он и прислушался. Вокруг было темно и тихо. Ему никто не ответил. – Уол!

Уон поставил ладонь на холодный пол пещеры и тут же зашипел от неприятного жжения. В темноте он нащупал что-то плоское, круглое и острое и, недолго думая, сунул в карман, пообещав самому себе разобраться с этим позже. Судя по тому, что жжение не проходило, он сильно порезался.

– Уол! – снова позвал он. Уон справедливо опасался, что может своими криками привлечь внимание разумных обезьян, но в мрачных тоннелях под горами было на удивление тихо, и, кроме его собственного хлюпанья в воде, больше ничего не нарушало этой тишины. – Аун! Алу!

Никто не отозвался.

– Иен! Аен!

И снова ответом ему послужило молчание.

– Ална! Ойлэ!

«Ну не могло же нас разнести в настолько разные стороны? – недовольно подумал Уон, тщетно вглядываясь в темноту. – Хоть кто-нибудь-то должен меня услышать!»

– Уол!

– Да тише ты! – вдруг ответил ему знакомый голос. Уон сразу обрадовался и, начисто забыв об осторожности, ринулся вперёд, оглушая тоннели всплесками воды.

– Где ты? Я тебя не вижу.

– Тут я, тут, – прошипел в ответ Уол. – Мне камнем хвост придавило.

Уон наощупь отыскал что-то, смутно напоминающее лицо брата, потом таким же макаром нашёл камень и отодвинул его в сторону. Из-за глыбы тут же сильной струёй забил родник.

– Вода! – воскликнул Уон, подставив под поток раненую ладонь. – Значит, мы близко к реке.

– Рано радуешься, – проворчал Уол. Он был не очень доволен положением вещей, тем более тем, что ему придавило хвост и он не смог выбраться самостоятельно, поэтому не разделял оптимистичный настрой Уона. – Если сейчас огромный поток воды хлынет сюда, нас приплющит к скале, и выбраться мы сможем ещё очень не скоро, если, конечно, нас до этого не завалит камнями: тогда шансов не будет вообще. Так что надо идти вперёд, и как можно скорее. Дай мне руку.

Уол сам нащупал её в темноте и крепко стиснул ладонь брата.

– Ау!

– Что такое? – испугался Уол.

– Я обо что-то порезался, – ответил где-то в темноте голос брата. – Видимо, у меня там царапина.

– Прости, – от бывшего недовольства Уола не осталось и следа. Он подул на то место, где, предположительно, у Уона

шла кровь, а затем осторожно перехватил его за запястье. – Увидишь свет – говори. Нам нельзя здесь оставаться.

– Разумные обезьяны могут вернуться, да?

– Что? Нет, они не вернутся. Не сейчас, по крайней мере, – казалось, Уол удивился. Уон не понял, почему. – Нам сейчас больше грозит обвал. Эта дурацкая машина таки пробила стену.

– Какая машина? Какую стену? И откуда ты знаешь, что обезьяны не вернутся?

Некоторое время Уол молчал, и, если бы Уон не чувствовал его ладонь на своём запястье, он бы испугался, что брат пропал.

– У тебя голова не болит? – спросил почему-то Уол после длинной паузы. Уон прислушался к своим ощущениям.

– Болит. Болит и кружится, – ответил он, потрогав себя по лбу. – А к чему ты спрашиваешь?

– К тому, что ты, видно, сильно ударился головой о стену, когда корабль разбился, и некоторое время пролежал без сознания. Тоска и Изгой молодцы: они прогнали тех, в костюмах, и выиграла для нас время. Уже ночь наступила, а люди не осмеливаются выходить из города в это время суток.

– Так сейчас ночь?

– Да, – Уол полз очень уверенно, и у Уона создалось впечатление, что брат видит в темноте лучше, чем он. – Но сегодня на небосводе взойдёт полная луна, должно быть светло, если только тучи её не закроют.

– А где сами Изгой и Тоска? С ними всё хорошо?

– Они остались у стен города, чтобы ещё раз помешать обезьянам, если потребуется, – сказал Уол и, судя по звуку, широко зевнул. Некоторое время молчали. – Нам нужно добраться до какого-нибудь водоёма до рассвета, – добавил Уол, чтобы разбавить тишину. – Теперь ночи – наше безопасное время, так сказала Тоска. Как ты себя чувствуешь?

– Я? Хорошо, – Уон ещё раз потрогал себя по лбу, словно хотел убедиться в правдивости собственных слов, и тоже зевнул, но не так широко, как Уол. – А ты?

– Нормально, – Уол снова зевнул. – Только спать хочу. Вот нам наконец-то и пригодилось то, что ты соня.

– Мне пригодилось, ты хотел сказать, – поправил его Уон. Уол насмешливо фыркнул себе в усы.

– Будь ты один, то, да, только тебе, а мы вместе. Мне сложно будет перестроиться, Уон. Боюсь, иногда тебе придётся тормозить меня, чтобы я не заснул.

– О, да неужели! – улыбнулся Уон. – Поверить не могу, что наконец-то настал момент, когда мой сбитый график приносит пользу, и ты меня за это не ругаешь.

– Чего только не происходит в этой жизни, – в темноте Уон не видел лица брата, но по голосу понял, что тот тоже улыбается. – Нам нельзя идти днём, разве что в воде. На суше, разумеется, у них больше преимуществ, там мы их никак не обыграем.

Вдруг впереди что-то блеснуло. Киты интуитивно ускори-



лись, и спустя мгновения глаза Уона наконец-то что-то разглядели.

Идеально ровная круглая пещера выводила на холм. Прямо над ними тяжело висели горы, Колючие Гребни, справа качался на ночном ветру сонный лес, внизу, на таких же холмах, пестрели поздние осенние луга, а в небе низко над землёй висел большой круглый белый блин.

И ни намёка на реку.

Едва они вышли из темноты на лунный свет, Уол перевернул руку Уона ладонью вверх и внимательно осмотрел.

– Ерунда, – чуть помедлив, пробормотал Уон. – Просто царапина.

Уол ничего не ответил. Да, это была просто царапина, только вот она была очень глубокой и могла доставить им – точнее, Уону – много неприятностей.

– Ничего, – слабо улыбнулся Уол и аккуратно перевязал ладонь брата чистой повязкой. – Доберёмся до воды, а там быстро заживёт.

Уон представил, как царапина будет щипать, когда они вернутся в воду, и скривился.

Надо сказать, братья уже не раз успели порадоваться, что один из них был соней и накануне проснулся порядком позже, чем это полагалось по распорядку дня: Уол ежеминутно зевал, и Уон с мрачным выражением лица представлял, каких трудов ему будет стоять одна только попытка разбудить брата. Мысль, что за ними попятам следуют разумные обе-

зьяны, радости не прибавляла.

– Нам надо поторопиться, – зевнув, сказал Уол. Он всеми силами боролся с собой и пока ещё ни разу не пожаловался на то, что валится с ласт от усталости – только там, в тоннеле, сказал о том, что хочет спать. – Скоро рассвет, и нам надо найти если не реку или пруд, то хотя бы какое-нибудь укромное место, откуда обезьянам будет трудно нас достать.

– Боюсь, таких мест не существует, – мрачно заметил Уон. – Мы на их территории.

– Да, но обезьяны не выходили из города уже много лет, – возразил Уол. – Думаю, у нас всё-таки есть шанс.

Братья поднялись на очередной цветочный холм – казалось, они сейчас находятся в коралловом рифе, разве что вокруг них не плавают разноцветные рыбки.

– Знаешь, Уол... Я понимаю, что шёл в поход не для того, чтобы сказать это, – тихо произнёс Уон, с тоской глядя на полную луну, – но я так хочу домой.

– Да, – грустно кивнул Уол, опустив взгляд в большие цветы, которые в их век были размером почти с китовую ладонь. В ночи все они казались одного тёмно-синего цвета. – Я тоже хочу домой.

Было странно и до ужаса неправильно слышать эти слова от тех, кто так стремился на сушу, чьей мечтой была та самая цивилизация, которая сейчас ждала утра, чтобы отправиться на охоту. Сегодня погиб их друг – а кем, если не другом, приходился китам их корабль? – и, наверное, именно

его смерть так осадила до этой поры добродушных и жизнерадостных китов.

Братья спустились вниз, в долину, и пошли прямо на восток сквозь густой лес. Ползти им было трудно и неудобно – всё-таки, они были подводными жителями, – но ни Уон, ни Уол ни словом не обмолвились о том, как им было тяжело.

Когда небо над лесом позеленело, а звёзды начали исчезать, Уол наконец остановился и показал длинным синим пальцем на тёмную пещеру под холмом.

– Переждём здесь... – сказал он, тяжело дыша. – Только надо забаррикадироваться... Иначе найдут...

– Да... – кивнул Уон, который дышал не легче. – Деревья подойдут?..

Пещера была маленькой только для двух синих китов, каким-то немислимым для стороннего наблюдателя образом оказавшихся посреди леса, а для всех остальных это было чуть ли не отдельное ущелье, поэтому мысль Уола забаррикадироваться была верной. Уол и Уон всем весом легли на растущие рядом сосны. Послышался жалобный глухой треск, и четыре ствола, стоявших до этого долгие и счастливые сотни лет, полетели навстречу земле.

Братья залезли внутрь пещеры – издалека могло показаться, что в расщелину заползли две порядком объевшиеся змеи – и закрылись снаружи упавшими стволами сосен, оставив себе тонкую полоску наверху, чтобы наблюдать за происходящим.

– Уон... – тихо позвал Уол, зевая. – Потом, когда вечером проснёшься... Я, может, очень крепко усну... Ты меня буди, хорошо?..

– Да уж постараюсь... – ответил Уон. Признаться, он сейчас не особо хотел спать, потому что накануне лёг и того позже, но долгий и тяжёлый путь сделал своё дело: Уон заснул крепким сном, едва над горизонтом показалось солнце, а Уол на правах старшего брата остался караулить, ежеминутно мигая слипающимися глазами.

Но когда наступил день, весь сон, как и предполагал Уол, мигом испарился. Сначала послышался тяжёлый гул, словно где-то вдали ураган валил старые деревья – Уол тут же растолкал Уона, и теперь они вместе сидели в тёмной пещере, забившись как можно дальше, и наблюдали сквозь оставленную щель за чистым голубым небом. Затем деревья накрыла тень: она была такой большой, что вряд ли какое животное могло обладать такими размерами. А потом сначала одна, а потом ещё одна и ещё, в небе стали пролетать огромные стальные птицы.

– Это железные альбатросы! – шёпотом воскликнул Уол, но в его голосе не было ни радости, ни удивления.

– Не думал, что увидеть их не в музее будет так страшно... – прошептал в ответ Уон. К счастью, все птицы пролетели мимо, и вскоре стальная стая скрылась из виду.

В лесу повисла тишина. Видно, люди не стали идти вслед за своими разведчиками или просто выбрали другой путь –

киты этого не знали, но как только голос последнего железного альбатроса стих в небе, братья вздохнули куда спокойнее.

После этого случая Уол задремал: всё-таки он был жаворонком и, ко всему прочему, очень ценил сон, поэтому не спать всю ночь, а потом и после ему было тяжело. Он забылся беспокойным сном, и даже там, во сне, ему виделись страшные железные альбатросы. Они летели из Сердца Суши прямо в океан, парили над ним, а затем и те, что когда-то нашли киты, поднимались из океанских глубин и присоединялись к стальной стае, которая кружила над волнами и закрывала собой чистое голубое небо.

– Уол! Уол!

Был уже вечер, когда Уон, почему-то с восторженно блестящими глазами, растолкал Уола. Закатное солнце висело над горизонтом и смотрело сквозь стволы сосен оранжевыми лучами, отчего земля в лесу сплошь покрылась огненными пятнами, как будто заболела. Однако их пещеру накрывала большая тень.

Когда Уол наконец-то проснулся достаточно, чтобы осознавать происходящее, Уон приложил палец к губам и показал куда-то вверх. Уол посмотрел туда и ахнул.

Прямо над ними, низко в небе медленно плыл огромный воздушный кит. Он был необычный – естественно, он отличался от своих морских собратьев! Кит был весь коричневый, и хвост у него был не двойной, как у полосатиков и тех

же братьев, а четверной, как будто у него было два хвоста вместо одного. Снизу не было видно, есть ли у кита глаза или нет, но иногда в лучах заходящего солнца на его голове что-то поблёскивало. Кит, кажется, не особо интересовался тем, что происходит под ним, потому что ни разу не посмотрел на землю и величественно плыл по небу, глядя куда-то за горизонт.

– Уон, ты тоже видишь это? – восхищённо спросил Уол, придвигаясь ближе. Кит улетел дальше в горы и вскоре скрылся за отвесными скалами, покрытыми какой-то зелёной мохнаткой. – Мне это не снится?

– Иначе почему я тебя разбудил? – проворчал Уон, впрочем, ни капли не сердясь на брата.

– Подумать только – настоящий воздушный кит!

– Тише ты! – шикнул Уон. – Солнце ещё не село, и обезьяны могут быть где-то рядом.

– Да-да, ты прав, – Уол отполз вместе с братом подальше от наваленных сосен, но даже в полумраке пещеры было заметно, как восторженно блестят его глаза.

Уон был удивительно прав, когда сказал, что им не стоит пока выходить из пещеры: когда багрового солнца уже не было видно за деревьями, а на другом краю неба сгустилась синь, послышался частый, приглушённый опавшей хвоей топот копыт, и с холма прямо на поляну перед пещерой братьев выбежало трое всадников на синих лошадях. У каждого из них на плече висело по тяжёлому гарпуну.

– Да что же это такое, а? – с досадой воскликнул один из людей в причудливом костюме. Разумные обезьяны говорили быстро, поэтому братья понимали не всё, но иногда в точном переводе не было необходимости: по интонации и так всё становилось понятно. – Ни один наш разведчик не засёк добычу. Это киты, в конце концов! Они не могли провалиться сквозь землю!

– Как раз это-то они и могли, – ответил другой. Человек сидел на лошади и сам в своём костюме напоминал лошадь, что со стороны выглядело очень странно. – Такой вес, хе-хе!.. Но ты прав: не могли же они исчезнуть? Не думаю, что киты научились передвигаться по земле быстрее коней и самолётов!

– Да, посмотрел бы я на это, – усмехнулся третий. – Эй, гляньте-ка! Кто это так свалил деревья?

Сердца братьев стукнули в два раза сильнее, на миг замерли, а потом ухнули куда-то вниз. Впрочем, люди сами чего-то испугались и шарахнулись от пещеры.

– Это берлога шмелевидного саблезубого медведя! – крикнул первый человек, поворачивая лошадь. – Надо вернуться в лагерь. Уходим!

И люди галопом умчались на своих синих лошадях туда же, откуда пришли, оставив китов одних размышлять над тем, кто такой шмелевидный саблезубый медведь, как он выглядит и почему обезьяны его так испугались.

Впрочем, ответ не заставил себя долго ждать. Когда на лес

опустились сумерки и киты выползли из пещеры, разломав стену из поваленных сосен, на поляну вразвалочку, покачиваясь в воздухе и глухо жужжа, вылетел огромный медведь, превышающий людей в росте раза в три. Из пасти у него действительно торчало два длинных острых клыка, но примечательнее была его окраска: чередующиеся рыжие и чёрные широкие полосы, как у шмеля, и такие же прозрачные крылья за спиной, которые каким-то невообразимым образом выдерживали его вес. Очевидно, медведь, вернувшийся в берлогу с долгой дневной охоты жутко уставшим, был не очень доволен неожиданными гостями у себя в доме, но животным больше себя в десятки раз перечить не стал и обошёлся только ворчливым жужжанием.

Киты поползли дальше прямо в противоположную сторону от той, где село солнце, то есть на восток. Идти было трудно: если про еду братья и думать забыли, то игнорировать жажду с каждым часом становилось всё труднее. Земля неприятно колола пересохшую без воды кожу, мышцы сильно болели с непривычки и отказывались нести своих хозяев дальше, но киты упорно ползли вперёд. Ни Уон, ни Уол не говорили, как им было тяжело, лишь перебрасывались будничными фразами, словно они выплыли погулять к Сизой Гряде, и только шумное дыхание выдавало напряжение обоих.

– Уол, – в конце концов, первым сдался Уон и остановился. Брат последовал его примеру. – Уол, я больше не могу...



Я ужасно хочу пить...

– Понимаю. Я тоже, – у братьев, разумеется, были с собой бутылки с водой, но они выпили их ещё прошлой ночью и с тех пор не пополняли. – Нам надо найти реку. Седой Граф говорил, что у Артерии много рукавов... Мы должны быть где-то близко.

– А по-моему, мы ползём не туда, раз до сих пор не вышли ни к одному из них, – устало прошептал Уон и растянулся на земле. – Да и как мы выйдем к ним?.. Ты помнишь, сколько мы добирались на корабле от Шахматных озёр до Сердца Суши?.. Как я хочу пить, ты бы знал...

– О, я знаю, – Уол тоже хотел лечь рядом с Уоном, но прекрасно понимал, что если сейчас они оба вот так лягут, то не поднимутся уже никогда. – Уон... Я понимаю, тяжело. Но нам нужно ползти вперёд. Мы прошли уже много, мы... Мы близко к Артерии, правда. Аун наверняка вызвал подмогу с ЭРЫ.

– Каким это образом?..

– Скорее всего, когда «Сушь» перестала выходить на связь, там, на станции, не оставили это без внимания, – хрипло ответил Уол. А вот это, в отличие от предыдущих его слов, было абсолютной правдой. – Давай, Уон... Положи мне плавник на плечо, если тебе тяжело.

Уон глубоко вздохнул, одним резким рывком поднялся и преувеличенно резво пополз дальше, но ластву на плечо брата так и не положил. Да, ему было тяжело, точно так же, как и

Уолу, и Уон это прекрасно знал.

Они ползли ещё целую ночь, вплоть до рассвета, почти не останавливаясь, хоть и скорость их, конечно, порядком снизилась. Они выползли на очередной холм, который им тогда показался очень крутым. Вокруг шумели сухими листьями на осеннем прохладном ветру золотые и багровые листья, над ними, глухо каркая, высоко в небе летали вороны, а внизу, у подножия холма, лежало что-то тёмное и длинное.

– Уол... – Уон, прищурившись, взгляделся в темноту, а затем слабо улыбнулся и рассмеялся хриплым от усталости голосом. Брат, привалившийся рядом к стволу дерева, чуть приоткрыл глаза. – Уол! Это река! Мы в Янтарном лесу, Уол!

Уол встрепенулся и с подозрением огляделся вокруг. Да, они действительно стояли в Янтарном лесу – и как они не заметили этого раньше? Внизу слева шашечками, отражая ещё тёмное утреннее небо, лежали Шахматные озёра, вдали справа извивалась лентой знакомая Артерия. Наверное, они сделали крюк, но теперь каким-то образом вышли практически к тому самому месту, где некоторое время назад проходили на ещё невредимой «Суши» вместе с Седым Графом.

– Подожди... – нахмурился Уон. – Не понимаю. Как мы могли так быстро преодолеть этот путь? Мы же на «Суше» шли больше недели!

– Так правильно: мы же огибали горы, – подумав, сказал Уол. – Крюк-то был приличный. А тут мы прошли насквозь горы, почти по прямой.

– Точно... – Уон обернулся и посмотрел на холмы, покрытые оранжевым лесом. Гор уже не было видно. – Но я не думал, что тут всё так на самом деле... Близко.

– Поторопимся, Уон! – оживился Уол и отпрянул от дерева. – Не знаю, увидят ли обезьяны нас на дне озера или нет, но смею надеяться, что нет: всё-таки вода там не кристально чистая, да и озёра достаточно глубокие.

Они выползли на берег Артерии. Течение здесь ускорялось, потому что река скатывалась вниз по склону напрямик к Шахматным озёрам, и ползти против течения китам сейчас было бы как никогда тяжело, да и солнце уже показалось над горизонтом. Последние шаги до воды киты преодолели с невероятной для них скоростью и радостно кинулись навстречу родной стихии.

Ещё никогда Уон и Уол не были так рады снова оказаться в воде. Они напились и наелись и теперь разве что хотели оказаться там, где их не достанут разумные обезьяны, а именно – дома. Ну или хотя бы просто хорошенько выспаться.

– Спокойного дня, Уон, – тепло улыбнулся Уол, когда они, до невозможного уставшие, но довольные, улеглись на дне одного из водоёмов. Шахматные озёра были довольно глубокими и со всяческими ущельями и закоулками на дне, так что братьям не составило труда забиться в укромное место, где разумные обезьяны вряд ли их найдут. – Считай, мы уже дома.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь... – сонно отозвался Уон с закрытыми глазами. Его правому полушарию уже начинали сниться шмелевидные саблезубые медведи, которые, сердито жужжа, перелетали с одного огромного цветка на другой и собирали длинными клыками нектар.

– Конечно, до океана ещё тысячи миль, – согласился с ним, зевая, Уол, – но мы в воде, а это уже половина удачи.

– Да... – счастливо протянул Уон. – Мне тоже почему-то кажется, что все наши проблемы остались на суше, а здесь, в родной стихии, нам всё нипочём. Как думаешь, разумные обезьяны могут достать нас в воде?

Уол равнодушно пожал плечами.

– Не знаю, – ответил он и широко зевнул. Рядом с ними, взбаламутив ил, проплыл длинный толстый сом. – Меня это не особо волнует, если честно. Уж где-где, а в воде преимущество точно у нас, верно?

– Смею надеяться, – кивнул Уон. – Хотя, судя по рассказам, в своё время разумные обезьяны и до океана добрались...

В тот раз Уол, продержавшись где-то до полудня, позорно заснул на дежурстве. Ему, в отличие от Уона, снились рогатые зайцы. У них были красивые ветвистые рога, похожие на олени, а у оленей, в свою очередь, были длинные уши, касающиеся кончиками самой земли. Уол любил обоих этих милых зверюшек: они часто выходили на побережье Великого океана рядом с их домом и радовали своим видом боль-

шой китовый глаз. Уолу понравился этот сон. Он сладко спал и, конечно, не видел ни железных альбатросов, которые снова большой стальной стаей пролетели над Шахматными озёрами, ни разумных обезьян, галопом проскакавших по их берегам на синих лошадях и обыскавших умерший порт, ни двух воздушных китов, о которых ещё совсем недавно мечтали оба брата. Им было уже неинтересно.

# Глава 14. Смерть Бетельгейзе над Горбом Ауна

Когда Уон проснулся, время уже близилось к закату, и огненное солнце заливало рыжим светом поверхность озера. Уол рядом с ним крепко спал, откинув голову назад и привалившись спиной к скале, и сейчас его не разбудило бы, наверное, даже извержение вулкана. Видеть брата таким, учтивая, что обычно он спит только на боку, было очень непривычно и странно, но лишать Уола законного отдыха Уон не хотел, а потому тихо поднялся и поплыл к поверхности.

Уон осторожно высунулся из воды и огляделся. Издалека его большой клюв можно было принять за камень, каких здесь было предостаточно, однако принимать Уона за скалу было некому: над Шахматными озёрами висела звенящая тишина, которую нарушали только едва заметный плеск волн и поскрипывание прогнивших досок в старом порту. В небе тоже было чисто, лишь несколько воронов парили высоко в облаках и перебрасывались между собой редкими фразами.

– Просыпайся, Уол, – потеревил Уон брата, вернувшись к нему на дно. Уол вздрогнул от неожиданного прикосновения и распахнул глаза. – «Солнце садится, уж близится закат, и к нам плывёт в постели дрёмы скат», – вспомнил вдруг

Уон любимую присказку Уола и папы, которую они постоянно говорили ему в детстве, пытаясь уложить его спать пораньше, и рассмеялся при виде чуть озадаченного лица Уола. – «Проснись, мой друг, уж близится рассвет, и будит нас гигантский логгерхед».

– Я что, заснул? – со страхом в голосе спросил Уол и огляделся. Снизу казалось, что гладь озера полыхает огнём. – О, прости, Уон... Я отрубился на стрёме, какой кошмар!

– Зато теперь нам хватит сил плыть против течения, – возразил Уон и улыбнулся. – Ничего страшного, Уол. Я только что осмотрел поверхность озера и никого не увидел. Подождём немного, пока стемнеет, и с новыми силами отправимся в путь.

К проснувшимся китам вернулся местный сом. Видно, из-за того, что они не гонялись за ним, как это некогда делала Ална, он проникся к китам симпатией и посчитал их своими дальними – в прямом и переносном смысле – морскими родственниками. Сом уважительно кивнул им головой в знак приветствия, фыркнул в длинные, но тонкие усы и, важно покрутившись вокруг себя, забился под камень рядом с китами, очевидно, приготовившись ко сну. На этом их знакомство закончилось.

Когда пожар на поверхности озера утих и на небе появились первые звёзды, киты, не теряя времени, поплыли к реке. Идти против течения было тяжело, но, как бы то ни было, это была не горная река, и жаловаться не приходилось.

К тому же, у них дома, в океане, волны бывали куда выше и сильнее: словом, сейчас их единственной заботой была судьба друзей.

– Надеюсь, с ними всё в порядке, – сказал Уон, грустно опустив уголки губ. – Я даже не знаю, в какую сторону они направились! Да, видно, я и впрямь пролежал в тёмных пещерах очень долго.

– Считай, целый день, – отозвался Уол. – Хорошо ещё, что Тоске и Изгою удалось сдержать разумных обезьян, иначе бы тебе было не сдобровать.

– Ну, это если бы они нащупали меня в темноте, а не приняли за скалу, – ответил Уон. – Ты случайно не знаешь, что стало с остальными?

– Можно сказать, что нет, – Уол с удовольствием перевернулся на спину, полной грудью вдохнул сладковатый прелый воздух осеннего леса, и на его лице сама собой расплзлась довольная улыбка. – Там был самый настоящий подземный лабиринт. Неудивительно, что Изгой и Тоска забыли дорогу! И, знаешь, сдаётся мне, что, даже если бы разумные обезьяны последовали за нами в те тоннели, мы бы без особого труда спрятались от них. Так что это очень большая удача, что ты на меня набрёл, – Уол о чём-то задумался и усмехнулся. – Ну, или это я такой молодец, что полз примерно в ту сторону, куда унесло тебя.

– Если бы ты намеренно полз в мою сторону, то точно бы оказался позади меня, а не впереди, – парировал Уон. – Так



что это я молодец, что вызволил тебя из плена огромного валуна. Без меня ты бы непременно сгинул. Мне потребовалось немало сил, чтобы сдвинуть его с места и освободить тебя!

Уол хотел было возразить, но в последний момент почему-то передумал и устало вздохнул.

– Да, думаю, сделать это с глубокой царапиной на ладони после потери сознания и впрямь было непросто, – сказал вместо этого Уол, покосившись на перебинтованную руку брата. – Что ж, смею надеяться, что с нашими друзьями всё в порядке. В тоннелях никому из нас не угрожала опасность в виде разумных обезьян, и все мы знаем, что они боятся темноты, а большинство из нас всё-таки сони, так что, думаю, мы имеем право рассчитывать на удачу.

– Никогда не стоит рассчитывать на удачу, – ответил Уон. – Слишком непостоянная девушка. Лучше уж рассчитывать на успех.

– Ты как никогда прав, мой друг, – улыбнулся Уол. Высоко над ними тихонько поскрипывали маленькие звёзды, по берегам реки шумел сухой листвой Янтарный лес, и сонная Артерия ласково касалась китов своими многочисленными руками. Было удивительно хорошо и спокойно.

Вдруг где-то впереди послышались голоса. Это были не разумные обезьяны, нет: это было знакомое братьям, родное китовое наречие, которое даже на суше разносилось на многие мили вокруг. Братья остановились и прислушались.

– Это Ойлэ! – радостно воскликнул Уон и припустил вперёд. Уол кинулся за ним.

Это действительно была Ойлэ, а вместе с ней Аен и Алу. Когда братья подплыли ближе, оказалось, что Алу застрял между двумя камнями, а косатка и белуха безуспешно пытались помочь ему выбраться.

– Уон! Уол! – вскрикнула Аен, увидев братьев. – Да ладно вам! Не могу поверить!

– Вы очень вовремя, друзья! – Ойлэ потянула за плавник Алу, но тот не сдвинулся ни на йоту.

– Как это ты так умудрился? – Уол обплыл вокруг груды камней, на которых растянулся Алу. Тот обречённо вздохнул.

– Я немного устал и остановился отдохнуть посреди реки, а тут сильное течение отбросило меня назад, прямо на камни, – пожаловался Алу. Хорошо ещё, что это было ночью. И как здорово, что вы меня нашли!

– Ты шёл один? – догадался Уон. Аен кивнула.

– Я встретилась с Ойлэ только сегодня на закате, – сказала она, безуспешно толкая Алу в спину. – Ещё наш водитель видел Алну, но потом они разминулись где-то у притоков Артерии.

Уон и Уол, собрав все свои китовые силы в кулак, налегли на камни, и тяжёлые валуны выпустили Алу из своего плена, укатившись по склону куда-то к берегам Шахматных озёр, и вскоре ушли на дно. Гренландский кит довольно выдохнул

и размял затёкшие бока.

– Спасибо Вам, друзья, – пробасил он с улыбкой, когда они все впятером отправились дальше. Ночь была ясная, и Оулун снова появился на небе, тускло освещая им путь своим чётким силуэтом. Киты поднялись вверх по течению Артерии на самый верх холма и обернулись: внизу чёрными блюдцами в правильном порядке лежали Шахматные озёра, которые они видели в последний раз, между деревьями дышал холодной осенью ветер, а чуть выше и в стороне виднелась скала, на которой громоздился гигантский охотничий рог.

– Очень жаль, что мы не можем забрать его с собой, – выразила общую мысль Аен и грустно вздохнула. Остальные киты вздохнули вслед за ней. – Было бы здорово исследовать его на ЭРЕ.

– Слушайте! – вдруг воскликнул Уон и посмотрел на утёс. – А давайте назовём его как-нибудь по-своему. Оставим всё-таки на суше свой след.

– Мы и так на суше свой след оставили, – мрачно отозвался Алу. Ему было очень обидно за свой корабль, который он вёл и не в такие путешествия и который, в конце концов, разрушили какие-то там разумные обезьяны. – Но ты прав. Давайте дадим этой скале имя и будем знать, что именно на ней стоит этот огромный охотничий рог. Какие есть предложения?

Киты стали думать, как же назвать утёс: их так зацепила

эта мысль, что они даже забыли об опасности и необходимости двигаться дальше.

– Волна? – предложила Ойлэ, задумчиво посмотрев на скалу. Было, и правда, похоже.

– Банально.

– Дельфин?

– Плавников нет.

– Марлин?

– А где копьё?

– Наутилус?

– В каком месте это наутилус?

– А ты мысленно переверни раковиной вверх.

– А, ну если так... Да, похоже, но что-то не то.

– Надо что-то, связанное с нами, – резонно заметил Уол и задумчиво погладил синие усы. – Ведь все новые земли и воды называют в честь их первооткрывателей. Например... Ну...

Уона посетила восхитительная, на его взгляд, мысль, и от радости он даже вскрикнул и хлопнул себя по лбу.

– Давайте назовём эту скалу Горб Ауна!

Пожалуй, лучшего названия и придумать было нельзя. Действительно, Аун уже не первый и, киты смели надеяться, не последний раз вёл их команду в неизвестный и опасный путь и, пусть был несколько некитым, приходился всем им верным товарищем и хорошим другом. Да и далеко не каждая команда могла похвастаться таким умным и даль-

видным капитаном. Впрочем, киты даже порадовались, что рядом с ними сейчас нет их горбатого друга, потому что он точно был бы против того, чтобы в честь него называли скалу, которая, к тому же, и вправду очень походила на его горб.

Вдруг где-то поблизости послышался конский топот и знакомый обезьяний говор. Киты испуганно вздрогнули и нырнули поглубже в реку, но вскоре, когда всадники подъехали ближе к берегу, с облегчением узнали голоса Изгой и Тоски.

– Вот это удача! – воскликнул Изгой, остановив свою синезелёную лошадь у самой кромки реки. – Как мы рады, что все вы живы, вы просто не представляете!

– Обязательно прячьтесь днём, даже в воде, – вместо приветствия сказала Тоска, ловко спрыгивая со своей лошади на землю. – У людей есть хорошие разведчики, которые своим зорким глазом внимательно просматривают всю территорию вплоть до Великого океана. Дальше они не зайдут, будьте уверены, но вот в пределах суши господы – они. Видели огромных железных птиц в небе? – киты кивнули. – Это и есть разведчики. Мы их называем самолётами. Не буду сейчас вдаваться в подробности, как они работают, скажу только, что сделать они вам ничего не могут, кроме как сообщить людям из города о вашем местоположении, а это, пожалуй, даже хуже. Так что будьте аккуратны, друзья мои.

– Кстати, я не знал, что у вас, оказывается, существуют воздушные киты, – сказал Уон Изгою и Тоске. Те удивлённо

подняли брови.

– Воздушные киты? – непонимающе переспросил Изгой и задумался. Люди на лошадях медленно побрели дальше, и киты неспешно поплыли вслед за ними. Копыта лошадей мешали с речной водой чистый жёлтый песок. – Признаться, я сам до этого момента не знал, что такие бывают.

– Да? – удивился Уол. – А мы видели. Такой большой, коричневый. Медленно летел в небе. У него ещё плавников толком не было, зато хвоста – четыре.

– А, это! – Изгой, кажется, понял, о чём говорили киты, и от души рассмеялся. – Ох... Не хочу вас разочаровывать, но это был не воздушный кит. Это была машина, такая же, как самолёт и то рогатое существо из тоннелей – всего лишь набор шестерёнок, созданный человеческим разумом. Это был дирижабль.

– Дирижабль? – повторил Уон. Он думал, что почувствует разочарование, но вместо этого лишь подумал, какое это смешное и милое слово. – Странное название. И для чего же он предназначен?

– Чтобы летать.

– А как же самолёт? Разве он не сделан для того же?

– Так и есть.

Уон непонимающе нахмурился.

– У вас есть две разные машины, чтобы летать?

Изгой и Тоска посмотрели на его серьёзное насупленное лицо и, не сдержавшись, снова засмеялись.

– Мало того, у нас есть ещё воздушный шар, парашют, дельтаплан и вертолёт!

– И всё это, чтобы перемещаться по воздуху? – недоверчиво спросил Уон. Тоска задумчиво отвела взгляд.

– Ну, парашют предназначен только для безопасного приземления, но... В целом, да, – Изгой искоса глянул на Ойлэ и усмехнулся своим мыслям. – Да, мы любим повторяться.

– Скажите-ка, – обратился Алу к Изгою и Тоске, – вы с нами надолго или покинете утром?

– Сейчас проводим вас до ближайшего рукава Артерии, – ответил ему человек, лениво подгоняя свою лошадь, – покажем кратчайший путь, а потом повернём назад, к Вене. Она там, дальше, южнее. Мы знаем, что с вами всё в порядке, но хотелось бы убедиться и в здравии остальных.

– Вы случайно не видели Иен? – робко подала голос Аен, хлопая длинными чёрными ресницами. Тоска обернулась на младшую косатку и ободряюще ей улыбнулась.

– Нет, но не волнуйся, уверена, с ней всё в порядке. Раз вы все приблизительно в одно время пришли к Янтарному лесу, думаю, нам не составит труда разыскать остальных членов вашей команды.

– Ох, Тоска, Изгой, – пробасил Алу, о чём-то вспомнив. – Можно попросить вас кое-что сделать?

Брат и сестра переглянулись.

– Чем сможем, поможем, – отозвался Изгой. Алу довольно кивнул.

– «Сушь» разбилась где-то в подземных тоннелях, и нам всем, знаете ли, очень обидно, потому что корабль был нам, считайте, другом. Жалко, что все наши вещи пропадают просто так. Вы не могли бы, по возможности, вынести их оттуда куда-нибудь к берегу Великого океана? Не то что команда – все киты будут вам благодарны, а уж мы точно старой дружбы не забудем.

– Что ж, – хмыкнула Тоска, с лёгким прищуром глянув куда-то на кроны деревьев. – Всё, конечно, мы не унесём, но то, что мы сможем поднять, обещаем притащить на берег.

– Давайте договоримся о восточном побережье, – сказал Изгой и, подумав, добавил: – Для вас, получается, западное. В общем, та сторона, где вы шли. Какие вещи сможем спустить – оставим где-нибудь рядом с пещерой, нет – значит, на вершине водопада.

– Долго нам придётся возвращаться? – спросила Ойлэ. Тоска пожала плечами.

– А сколько вы шли на корабле от владений Седого Графа до Шахматных озёр?

– Где-то три дня.

– Ну, значит, плыть своим ходом вы будете где-то пять, но... Смотрите, тут такая штука, – Тоска поправила лямку сумки у себя на плече и поджала губы. – Вы можете вернуться таким же путём, как шли сюда, то есть через владения Седого Графа. Получится длиннее, зато надёжней: люди могут сколько угодно видеть вас на болотах, но они не осмелят-



ся на них зайти. Единственная ваша проблема будет заключаться в водопаде, а спускаться по нему будет очень опасно без страховки, так что не советую. Можно сейчас поплыть по одному из рукавов Артерии северней, второй поворот налево. Путь такой же длинный, зато прямой, и единственная ваша опасность на нём – это люди. Там местность открытая. И, в конце концов, есть третий путь: можно доплыть до владений Седого Графа и от них повернуть чуть левей по одному из притоков. В целом, путь безопасный, только до этих владений Графа ещё надо добраться, не запутаться в рукавах Артерии и не свернуть, куда не надо, плюс в конце будет открытая местность. Но, думаю, вас это не страшит, – Тоска посмотрела на китов и слабо усмехнулась. – В общем, вы пока думайте. Мы вас проводим до развилки, а потом, если что, схему нарисуем.

Несмотря на всю очевидность опасности, спешить почему-то не хотелось. Хотелось поговорить: неважно, о чём, да о чём угодно! Ведь всё это – всё, сказанное представителями другой цивилизации, о которой так мечтали киты и с которой им выпал шанс быть знакомыми лично, – просто не могло быть неинтересным.

– Эй! Эй! Смотрите скорее, что происходит!

Все разом обернулись туда, куда показывала пальцем Аен, и обомлели. Они отошли уже от скалы с охотничьим рогом и теперь хорошо видели её издалека. В небе прямо над Горбом Ауна висел Оулун, человеческий Орион, ясный, мерца-

ющий, отчётливо видный невооружённым глазом, но главное было не это: левая застёжка на плече небесного охотника вспыхнула так ярко, что вокруг разом посветлело, как если бы на землю опустились ранние вечерние сумерки. Звезда увеличилась в разы, и смотрящим с Земли показалось, что это где-то далеко вспыхнуло ещё одно маленькое солнце.

– Что происходит?.. Это... Это какой-то взрыв? – запинаясь, спросила Ойлэ и нервно обернулась, но остальные, те, кто хоть сколько-нибудь разбирался в астрономии, в отличие от белухи, не выглядели напуганными. – Это что-то опасное?

– Это самое печальное, но вместе с тем до невозможно красивое событие, Ойлэ, – ответил ей восхищённым голосом Изгой. – Ты, наверное, просто не понимаешь, что ты сейчас видишь и какой счастливицей стала... Я очень надеюсь, что ваши обсерватории где-нибудь в океане снимут это, чтобы оно осталось с вами навсегда. Это смерть Бетельгейзе, мой друг, – смерть молодой звезды, красного сверхгиганта, который жил не так уж много по меркам вселенной. Ещё наши далёкие предки десятки тысяч лет назад предсказали его взрыв, и каждое следующее поколение ждало это событие. И вот... – Изгой судорожно вздохнул, и все киты увидели, что его руки непривычно сильно дрожат. – Мы дождались!.. Последнее поколение человеческого рода удостоилось подобной чести. Наверное, это последний дар нам от Матери Природы. Смерть Бетельгейзе... И наша смерть вместе с ним.

И было это всё очень странно: два разумных вида, пред-

ставители двух цивилизаций, разумные обезьяны, пусть последние из своего рода, но всё же живые, и разумные киты, те, чья эра только начиналась, стояли рядом, как старые добрые друзья, и смотрели на смерть молодой звезды. Вокруг было светло, как в ранних вечерних сумерках, листва поменяла свой цвет с угольно-чёрного на бордовый, и шерсть лошадей приобрела какой-то тёмно-бирюзовый оттенок. Казалось, звезда пульсировала, и невольным зрителям оставалось только гадать, какого размера был гигант, если его было так хорошо видно даже с Земли.

Где-то в лесу хрустнула ветка. Тоска вздрогнула, внимательно взгляделась в темноту между деревьями, но это оказался лишь рогатый заяц, который по своим незнанию и наивности принял китов и людей на лошадях за камни и кусты соответственно.

– Пойдём, – тихо сказал Изгой и нехотя оторвался от яркой звезды в небе. – Ночь не бесконечная, нам надо поспешить. Как раз к рассвету, я думаю, доберёмся до развилки рек.

– И долго будет видно это свечение? – спросил Алу, когда они продолжили путь. На этот раз они передвигались порядком быстрее: Изгой и Тоска пустили своих лошадей галопом, киты тоже прибавили ход и теперь плыли наравне с людьми.

– Достаточно, – ответила ему Тоска. – Несколько месяцев, а то и лет она не будет сходиться с небосвода, и её можно будет наблюдать даже днём. У вас будет две луны.

– Ого, – поразился Уон. – Здорово.

– Она навсегда исчезнет с карты звёздного неба ещё не скоро. Вы тогда уже доберётесь до Великого океана, придёте домой, распакуйте чемоданы, повзрослеете лет эдак на шесть и сможете спокойно её снять, – сказал Изгой. – Если, конечно, всё пройдёт гладко, на что я искренне надеюсь. И если Вы выберете короткий путь.

– Да, но помните, что короткий путь будет коротким только в том случае, если вы ни разу не собьётесь с дороги. Учтите, не все рукава Артерии ведут в океан, – подметила Тоска.

Двигались они довольно быстро, но каждый из путников нет-нет да и оборачивался на Бетельгейзе. Оно и не удивительно: всё-таки, не каждый день – что уж там, далеко не каждый год и не каждый век – можно было стать свидетелем такого знаменательного события, которое предсказали ещё тысячи лет назад.

– А что будет потом? – спросила Аен. – Ну, после месяцев свечения?

– Мы не можем сказать точно. Оставим эту задачу вам: нам решить такую уже не под силу, а вот вам – в самый раз, – громко ответил ей с усмешкой Изгой, стараясь перекричать свист ветра. – Вполне вероятно, что после взрыва на месте звезды образуется чёрная дыра. Будь Бетельгейзе чуть поменьше, она могла бы превратиться в белого карлика, но, к сожалению, нашему красному гиганту на это рассчитывать не приходится. В любом случае, пройдёт ещё не один месяц,

прежде чем Орион лишится одной застёжки на своём правом плече.

– Кто знает, может, спустя тысячи лет на месте Бетельгейзе появится новая звезда, ещё прекраснее и ярче своего предка, но, боюсь, мы этого уже не увидим, да и вы тоже, – добавила Тоска.

– Красивая смерть, – почему-то сказал Уон. Уол коротко глянул на брата, проследил за его взглядом и тоже посмотрел на яркое сияние. В эту ночь трудно было не заметить ещё одну полную луну, появившуюся на небе, можно было разве что решить спросонья, что просто показалось. – Жаль только, что смерть, а не рождение новой жизни.

– Да, и правда жаль, – согласился Уол. Артерия начала петлять излучинами, стала ещё шире, выросли её берега, и разговор с Изгоем и Тоской на время прервался. Они всё так же галопом мчались вдоль берега, их лошади иногда задевали копытами воду, только теперь они отделились и казались двумя маленькими фигурками. Бетельгейзе ярким пятном качалась на волнах реки.

– Говорят, кстати, что свет, который мы видим, – это свет прошлого, – сказала Аен. Алу и Уол кивнули.

– Свет, который дошёл до нас только сейчас, начал свой путь миллионы или даже миллиарды лет назад, – сказал Уол.

– Получается, Бетельгейзе взорвалась уже давно?

– Ага. Очень давно!

– Семь веков назад! – долетел до них крик Изгоя с берега.

У китов, как бы тихо они не старались говорить, голос от природы был громче человеческого, поэтому Изгой и Тоска всё слышали. – Бетельгейзе взорвалась ещё семь веков назад, но мы не могли этого знать!

– Бетельгейзе невероятно молода! – крикнула вдобавок Тоска. – По расчётам наших учёных, когда Бетельгейзе родилась, приматы, наши предки, уже жили на Земле.

– Но семь веков – это не так уж и много по меркам вселенной, – задумчиво сказал Уол.

– Ага. Считай, одно мгновение, – усмехнулся в ответ Уон.

До нужного поворота путешественники добрались ещё до рассвета. Тоска нарисовала китам карту – сколько поворотов направо, сколько налево, – которая расплылась, когда мокрые пальцы Алу коснулись её, но, в целом, прочитать было можно. Изгой и Тоска попрощались со своими морскими друзьями, пообещали позаботиться о «Суше» и вещах, оставленных в тоннеле, и, пустив галопом своих синих лошадей, поскакали обратно, а киты улеглись на дно и, затерявшись среди высоких стеблей водорослей и камней, приготовились встречать новый день.

## Глава 15. Вечер, в который киты попрощались с сушей

Надо сказать, путешественники спрятались очень кстати: в этот день Алу, первым стоявший в дежурстве, видел в разы больше железных альбатросов и воздушных китов, чем за всё время до этого. Наверное, разумные обезьяны чувствовали, что киты уходят от них, поэтому бросали все свои силы, чтобы не упустить их.

Сам день выдался пасмурным: на дворе стояла уже без малого середина осени, белая бескрайняя пелена заволокла небо, но даже сквозь неё иногда было видно сияние Бетельгейзе. Шёл мелкий дождь, и круги от капель частой паутиной расходились по воде.

К вечеру дождь пошёл сильнее. Трудно было сказать, сколько времени и село ли солнце: мрачные тучи ускорили приближение сумерек, ещё сгустились и скрыли собой умирающую звезду. Уол, сменивший позже Алу на дежурстве, растолкал своих друзей, и они все вместе отправились дальше.

– Надеюсь, Изгой и Тоска найдут Иен, Алу и Ауна, – жалобно сказала Аен, глянув на чёрное небо. Там полыхнула первая молния.

– Да, я тоже на... – раскатистый гром заглушил послед-

ние слова Уона. Впрочем, и так было понятно, что он хотел сказать.

– Как думаете, болото и берега Артерии не сильно разбредутся от грозы? – справедливо спросила Ойлэ. Алу и Уол настороженно переглянулись, но ничего не ответили. – Будет несколько проблематично добраться до океана сквозь вязкую топь.

– Что ж, будем надеяться, что нет, – беспечно отозвался Уон. Он был, пожалуй, единственным из всех путешественников, до конца сохранявшим если не боевой, то определённо оптимистичный настрой, тогда как все остальные несколько приуныли от мыслей о разумных обезьянах, потерянных друзьях и разразившейся грозе.

Впрочем, они зря переживали об этом – по крайней мере, сейчас: Артерия была довольно широкой рекой, и пусть её крутые берега превратились в скользкие горки, китам это было только на ласту, потому что по таким склонам ещё несколько следующих дней их вряд ли смогут догнать разумные обезьяны.

К середине ночи гроза подутихла, но обещала вернуться: небо над китами расчистилось, две луны освещали им путь и серебрили реку, однако на горизонте ещё мрачно чернели и иногда храпели тучи. Было очень тихо, только волны плескались о берег и тела китов, как вдруг где-то позади послышался крик:

– Эй!.. Эй, подождите нас!..



Киты мгновенно остановились и оглянулись. Артерия лежала на земле крупными петлями, и за холмом не было видно говорящих, однако знакомые китовые голоса раскатились в воде на несколько миль вперёд.

– Это Аун! – обрадовался Алу. Он, конечно, переживал за всех своих друзей, но за Ауна – особенно.

Уол прислушался.

– Иен и Ална с ним! – воскликнул он и тоже улыбнулся. – Догоняйте, ребята!

Наверное, они вели себя громко даже для самих себя, и им вполне стоило опасаться, что их могут услышать разумные обезьяны, но в эту ночь, когда на небе светило целых две полных луны, киты начисто забыли о всякой предосторожности и радовались воссоединению команды.

– Изгоя и Тоску видели, – ответил Аун на вопрос Алу. – Это они сказали нам, куда вы пошли, и проводили, но потом началась гроза. Их лошади не пройдут по такому месиву, придётся подождать, пока подсохнет.

– Давно вы все вместе? – спросил Уол. Ална коротко взглянула на своих друзей и усмехнулась.

– Ну, мне повезло меньше, чем, очевидно, всем остальным, и я шла одна от самых тоннелей. Я догнала Иен и Ауна совсем недавно, только после Шахматных озёр.

– Самое главное, что все мы целы, живы и здоровы, а остальное не так важно, – справедливо заметил Уон. Алу грустно опустил голову, вспоминая о «Суше». – Кстати, вы

видели, что вчера произошло?

– Взрыв звезды? Да, видели, – сказал с видом знатока Аун, задумчиво погладил подбородок и посмотрел на сияющую точку в небе. – Редкое событие. Думаю, наши уже сняли это на камеру.

– Разумные обезьяны называют её Бетельгейзе, – добавила Аен, которая весьма оживилась и повеселела после встречи со старшей сестрой.

– Бетельгейзе? – повторила Иен. – Какое сложное название! Но мне нравится.

– Жаль только, что наш Оулун лишится одной своей звезды, – вздохнула Ална. Киты, чуть передохнув, снова отправились в путь.

– Не могу поверить! – сказала Ойлэ, когда они проплывали мимо широких разноцветных лугов, на которых паслись олени с ушами до земли. – Уже завтра мы будем дома. Это так странно!

– Ну, подожди ещё, – откликнулся Алу, – а то сглазишь.

– Кстати об этом, – вклинился Аун в их разговор, – на ЭРЕ уже знают о нашем крушении. Видимо, догадались, когда «Сушь» пропала с радаров. Профессор Ули связался со мной по рации – благо, я не потерял её, *в отличие от вас*, – в голосе горбатого капитана путешественникам явно послышалось недовольство, – так что нас будут ждать у берега, чтобы сразу забрать. К сожалению, наши корабли не смогут пройти в глубь суши: это может быть опасно. Я не представ-

ляю, откуда профессор знает о наших маршрутах, но он сказал, что патрули будут выставлены вдоль всей береговой линии, особенно в тех местах, где в океан впадают реки, по которым мы идём.

– А разумные обезьяны? – удивилась Аен. – Они не могут навредить им?

– Они могут навредить нам, потому что мы остались без защиты, – несколько ворчливо ответил ей Аун, – а нашим кораблям они ничего не смогут сделать, тем более в океане, в нашей родной стихии. Другое дело, что ребятам с ЭРЫ лучше бы знать, где нас ждать. Вы уже решили, каким путём мы пойдём?

Киты удивлённо переглянулись между собой. Обычно капитан не спрашивал их, куда они хотят направиться, а, наоборот, сам решал это, ведь на то он и был капитаном, и будущий путь обсуждал разве что с Алу. Видимо, Аун понял их удивление и усмехнулся.

– Я не просто так спрашиваю, – тихо, но чётко сказал он. – Конечно, решение остаётся за мной, но мне нужно знать мнение команды. Тем более, я не знаю, что вам говорили Изгой и Тоска.

– Мы остановились на третьем варианте, – ответил за всех Уол горбатому капитану. – Проходим через владения Седого Графа и дальше сворачиваем немного северней в один из притоков Артерии.

– Да... Седой Граф. Думается мне, ему всё-таки придётся

вернуться в родной океан, – пробормотал себе под нос Аун, так что его расслышал только Алу, который плыл рядом с ним. – Я слышал, как люди объявили на него охоту.

– Ты встретил разумных обезьян? – удивился Алу. Аун только болезненно поморщился.

– А кто из нас не встретил? – пробормотал капитан, но, увидев вопросительный взгляд друга, вздохнул и пояснил: – Довелось, к сожалению, – нехотя ответил он и коротко показал глазами на перевязанное плечо. – Не всё проходит гладко, как видишь, поэтому я очень рад, что все вы целы.

– Тебе не больно? Может, сделать привал?

– Чепуха, – отмахнулся Аун. – Ална всё мне обработала, когда мы встретились, это просто царапина, я про неё иногда даже забываю, да и Иен досталось не меньше. А если честно, мне досадно, что я капитан и меня первого подстрелили.

– Не говори ерунды, – добродушно успокоил его Алу. – У Уона, вон, тоже ладонь перевязана, у Уола поцарапан хвост, у Иен бинты на боку. И вообще, с какой это стати мы меряемся, у кого серьёзнее ранение?

– Да, ты прав, это глупо, – мрачно согласился Аун. Даже не особо внимательному киту было бы понятно, что доводы Алу его не сильно убедили. – Знаешь, меня мучит совесть за все наши злоключения. За крушение «Суши», в том числе... Я ведь капитан как-никак.

– Ой, да брось! Ты отличный капитан! – поспешил заверить Ауна Уон, который услышал последние фразы диало-

га. – Мы вот даже скалу назвали в твою честь!

– Вы?! Скалу?! В честь *меня*?! – Аун так опешил от этого известия, что остановился посреди реки. Друзья довольно рассмеялись над его реакцией. – Подождите! Стойте! Вы шутите! Да, точно, это шутка. И как я сразу не догадался?..

– Нет, мы вполне серьёзно, – тут же разуверил его Уон. – Мы назвали её «Горб Ауна»!

Весь остальной путь вплоть до рассвета Аун, в отличие от своих друзей, не проронил ни слова.

Изгой и Тоска не наврали: Бетельгейзе было видно даже днём. Когда небо над Артерией просветлело, Аун на правах капитана объявил привал, а сам остался в дозоре, аргументируя свой поступок теми же «правами капитана» – очевидно, Аун забыл прибавить к ним слово «обязанности», однако Алу что-то подсказывало, что он сделал это намеренно. Впрочем, от сна никто не отказывался.

В этот раз прятаться китам было сложнее. В месте, где их застало утро, река мельчала, да и на её дне особо не росло никаких водорослей, а потому заметить путешественников было гораздо проще. Спасти их могли высокие и достаточно крутые берега Артерии, поросшие густым лесом: земля в них разбрелась после ночной грозы, и пройти сквозь эти дебри по практически отвесному склону было опасно для жизни.

Однако поспать спокойно в этот раз им было не суждено. Близился полдень, когда в небе над Артерией пролете-

ли первые железные альбатросы. Они, как всегда, закрыли своими телами солнце, отбросили на землю большую тень и огласили все окрестные леса громким неприятным гулом. Аун недовольно поджал губы и поднял голову наверх: со dna реки картинка была размытой, и угадать в размазанных силуэтах что-либо было довольно трудно. Вдруг один железный альбатрос вернулся: последний из стальной стаи полетел в обратную сторону, но не исчез из поля зрения, как хотелось бы Ауну, а сделал большой круг и начал парить ровно над тем местом, где спали киты. Аун почувствовал, как что-то внутри него рухнуло куда-то вниз.

– Вот морской чёрт! – громко воскликнул он в сердцах. Кое-кто из команды вздрогнул от его голоса и зашевелился. – Просыпайтесь! Вставайте, вставайте! Нас заметили!

Два раза повторять путешественникам не пришлось. Киты мгновенно поднялись с места и, как могли, быстро поплыли дальше. Они не знали, сколько у них было времени, но предполагали, что немного: Артерия всё так же петляла между зелёными холмами и удлиняла таким образом их путь, что было сейчас китам совсем не на ласту, а лагерь разумных обезьян наверняка располагался где-нибудь неподалёку. Сейчас их могли спасти только крутые берега Артерии и начинающийся дождь.

– Наверное, не надо было нам плыть всем вместе... – тяжело дыша, сказал Уон Уолу. – Надо было разделить... На две группы... А то так все вместе сгинем...

– Давай потом обсудим, – прохрипел ему в ответ Уол. – Тем более, что история не терпит сослагательного наклонения.

Киты были правы, когда подумали, что у них немного времени. Спустя буквально пару часов железные альбатросы, возвращавшиеся с облёта от Великого океана, сделали несколько кругов над вспененной путешественниками рекой – восемь китов, которые, к тому же, на полной скорости рассекали воду, было трудно не заметить. Теперь им не приходилось сомневаться, что их рассекретили.

– А Изгой-то и Тоска наверняка спят, – с досадой отметила Ална. – Они ведь тоже только ночью идут...

Они никогда бы не подумали, что смогут добраться до владений Седого Графа так быстро – и их совсем не смущало, что, когда их заметили, был полдень, а теперь седой туман над виднеющимися впереди болотами окрашивали в малиновый цвет закатные лучи. Впрочем, когда они это поняли, их радости не было предела.

– Привал! – объявил Аун, и все киты разом разлеглись прямо там, где были. Спать не стали: об этом никто и ничего не сказал, но все они уже очень хотели домой, в родной океан, и не желали оставаться на суше ни минутой дольше, поэтому и привал был коротким – так, только чтобы перевести дух. Спустя где-то час киты, преодолевая ноющие ласты и навалившийся на них сон, неспешно поплыли дальше. Мысль, что они совсем скоро пересекут границу владений

Седого Графа грела душу, и тем мучительнее им казалось оставшееся до Великого океана расстояние.

Киты порядком удивились, поняв, что болота были гораздо больше, чем они думали: из выпуклых окон «Суши» это расстояние казалось им вдвое, а то и втрое меньше. Когда первые лучи рассвета коснулись их длинных тел, они преодолели только две трети владений Седого Графа.

– Да, – устало вздохнула Ойлэ, проведя ладонью по вспотевшему лбу. – Теперь я осознаю всю важность корабля в экспедиции и всю горечь нашей утраты. Будь мы на «Суше», мы бы добрались до дома Графа ещё вчера.

– Мы и так на суше, – ворчливо отозвался Алу, – только не на той.

С рассветом снова организовали привал: пусть шанс, что их здесь снова не найдут, был ничтожно мал, попытаться стоило, да и путешественникам надо было восстановить силы на случай погони. На часах в этот раз встал Алу, почти кулаками проводив упрямого горбатого капитана спать, а сам пристроился между корнями деревьев, чтобы лучше всё видеть и слышать.

Это было весьма мудрым предостережением, потому что, не успело солнце хорошенько подняться над осенней землёй, как в небе пролетели железные альбатросы, которые опять сделали большие круги почёта прямо над тем местом, где спали киты. По словам Изгоя и Тоски, здесь разумные обезьяны не могли не могли их достать, но зато они могли



окружить болото и таким образом загнать китов в ловушку, а потому путешественникам, которым едва начал сниться какой-никакой сон, снова пришлось просыпаться и продолжать дорогу.

– Да помогут нам предки наши киты, – тихо простонал Аун, протирая глаза. Сказать, что киты устали – ничего не сказать. Они бы с удовольствием легли на дно болота, чтобы хорошенько выспаться и отдохнуть, но мысль, что они могут остаться во владениях Седого Графа навсегда, заставляла их плыть дальше. Да и, что ни говори, болота даже для водных обитателей – не самое приятное место.

Когда дом Седого Графа показался вдаль, киты воспрянули духом и поспешили вперёд, но внутри их ждало разочарование: хозяина нигде не было и, судя по состоянию его жилища, не было давно.

– Может, увидел железных альбатросов и вернулся в океан? – растерянно пробормотал Уон, с грустью оглядывая ветхое пустое строение. Иен поджала губы, но ничего не сказала.

Путь по владениям Седого Графа до водопада из детства Ойлэ проходил ещё более уныло, чем они могли себе представить. Китам и так было невесело, да ещё и постоянный гул железных альбатросов и вторящее им болото не прибавляли радости. Ко всему прочему, где-то после полудня над ними в небе проплыл воздушный кит, и с тех пор он неотрывно следовал за ними, напрягая путешественников своим

присутствием.

– Клянусь плавниками и хвостом, – сердито пробормотала Иен, когда над ними снова пролетели железные альбатросы, а воздушный кит сменил курс и теперь парил прямо над ними, – я готова не спать ещё день и ночь, лишь бы сегодня вечером оказаться на одном из наших кораблей.

– О, тебе и не придётся, поверь, – уныло отозвался Алу. Мысли о «Суше», на время покинувшие его голову, снова вернулись к нему.

Надо сказать, они сдержали своё обещание: был ещё не закат, но солнце уже постепенно клонилось к земле, когда киты, свернув, как и хотели, севернее по одному из притоков Артерии, оставили болота позади себя и выплыли к широким клеверным полям, бьющим по глазам своей яркостью. Большие пологие холмы по обеим сторонам реки уходили прямо до самого горизонта, где мрачной тучей толпились осенние кучевые облака. Стада зелёных, как трава, шестирогих коров с тонкими белыми прожилками по бокам мирно паслись здесь, а между ними, путаясь под ногами, резвились рогатые зайцы.

– Эй, ну что вы приуныли, косатики? – услышали они вдруг знакомый старческий скрипучий голос, и на лицах китов впервые за последние дни расцвела широкая улыбка. Седой Граф, лихо переворачиваясь в воде, показался из-за поворота реки и выплыл навстречу путешественникам. – Немного уж осталось, глядишь, сегодня в мягких постелях

ночевать будете, хе-хе!..

– Седой Граф! – воскликнул Уон и чуть было не накинулся на нарвала с объятиями, но последний ловко увернулся, оставив удивлённого кита с носом. – Мы уж думали, с вами беда приключилась!

– Ну да, конечно! – проворчал в ответ Седой Граф. – Столько лет прожил на суше, и вдруг беда приключилась? Ну уж дудки! Но, друзья мои, нам надо спешить! Открытая местность, знаете ли... Давайте-давайте, шевелите плавниками! Соберитесь с силами, и вперёд!

– Вы, кажется, вернулись от океана, Граф? – глухо спросил его Аун и лукаво улыбнулся. Седой Граф вдруг отчего-то смутился, пробормотал себе под нос нечто нечленораздельное и отвернулся к Ойлэ и Аен, которым с преувеличенным интересом начал рассказывать о местных обитателях животного мира. Впрочем, теперь у горбатого капитана не осталось вопросов, откуда профессор Ули узнал об их маршруте.

Вдруг по зелёным, залитым солнцем лугам прокатился громкий трубный клич сразу нескольких охотничьих рогов, а ещё через мгновение из-за холма появились разумные обезьяны верхом на синих лошадях. Они на мгновение остановились, осматривая местность, но, заметив китов, галопом понеслись прямо к реке.

Китам ничего не пришлось говорить: они и так всё поняли сами. Они вышли на финишную прямую, и теперь всё зависело от их скорости и ловкости. Конечно, разумные обе-

зьяны были порядком меньше путешественников, но у них имелись гарпуны, которые, как показала практика, могли довольно серьёзно ранить. А в том, что люди не поспеют их использовать, сомневаться не приходилось.

Несколько особо умелых наездников выбежали к самой воде и теперь на полной скорости неслись вдоль реки. Один из них прицелился гарпуном в Аен. Сердце косатки забилося в разы чаще, когда она поняла, что стрела направлена именно на неё, но Иен, следовавшая за ней, вдруг высоко подпрыгнула и сбила с ног синюю лошадь. Всадник вместе с конём упали в воду и, фыркая и отплёвываясь, погребли к берегу, забыв про всякую добычу.

– Плывите скорее! – вдруг услышали киты знакомые голоса: это откуда-то выскочили им на подмогу Изгой и Тоска, но оборачиваться, чтобы посмотреть на них, времени не было. – Мы попробуем помешать им!

То ли Мать Природа встала на защиту своих детей, то ли госпожа Фортуна именно сегодня благоволила китам – неясно, но с каждой минутой путешественники чувствовали, что приближаются к Великому океану. Они забыли про всякую усталость, ведь эта мысль придавала им сил, да и течение здесь ускорялось, облегчая задачу, а потому китам иногда казалось, что река сама несёт их, спасая от разумных обезьян.

И вот наконец вдали блеснул океан. По левому берегу суши скакали люди, – и как только их лошади не выдохлись после такой гонки? – но китов это уже не особо волнова-

ло. Там, на высоких волнах, важно покачивался большой корабль «Эра», названный в честь биостанции. И пусть его выпуклые стёкла отражали собой предзакатные лучи солнца, путешественники были уверены, что там стоит профессор Ули и с тревогой смотрит на своих подопечных, а с ним и репортёры, и журналисты, и врачи...

– Слава нашим предкам! – воскликнул Уол с облегчением и засмеялся: киты нырнули в Великий океан. Они отплыли на некоторое расстояние от берега, устало остановились, чтобы перевести дыхание, и обернулись: на песочный пляж высыпали разумные обезьяны, и оказалось, что теперь их было на порядок больше, чем в первый раз, человек где-то под пятьдесят. Многие из них были явно раздосадованы упущенной добычей и ругались на Изгоя и Тоску, но те не обращали на это никакого внимания. – Мы спасены, друзья! Мы дома!

И вдруг...

Один особо озлобившийся человек рванул свою лошадь и направил её прямо в море. Всё произошло так быстро, что никто не успел среагировать: мало кто вообще понял, что произошло. Что-то стальное и серебряное сверкнуло в лучах закатного солнца, а в следующий миг вонзилось в грудь Уола. Прямо туда, где билось большое китовое сердце.

Изгой и Тоска сдержали своё обещание: они, что смогли, перенесли обратно из тёмных тоннелей к водопаду из дет-

ства Ойлэ, и потом киты под покровом ночной темноты спокойно забрали их обратно на станцию. Седой Граф с превеликим удовольствием рассказывал о своей жизни на суше. Вообще-то, это должны были быть лекции, однако его многочасовые монологи больше походили на простое желание поговорить после многих лет одиночества.

– Это мой друг, Эйлан, – с гордостью говорил профессор Ули при каждом удобном случае. Да, это было настоящее имя нарвала, которое его старый друг кашалот так бессовестно рассекретил. Впрочем, киты великодушно не стали отбирать у него титул графа. – Вы представляете, он выжил на суше! Нарвал! Первый наземный кит! Не представляете? Я тоже не представляю! Вот чудеса-то!

Возвращение Команды Интеллектуального Труда, больше известной как КИТ, встретили с огромной радостью: такое количество подарков они не получали за все свои дни рождения и Новые года! Их поздравляли, качали на плавниках, обнимали, наперебой спрашивали что-то о походе, фотографировали и даже просили автографы. Кроме того, спустя пару дней им всем пришлось выдерживать натиск журналистов, которые просто не имели право пропустить такую сенсацию. Благо, капитан Аун сжалился над своей командой и принял весь удар на себя, так что остальным нужно было только стоять рядом и по возможности улыбаться в камеру. Надо сказать, у многих такой возможности не имелось: просто не осталось сил.

– Как твои родители, Алу? – спросила водителя Аен. Тот слабо усмехнулся и пожал плечами.

– Никак. Они думают, я у друга на даче.

Уон пустым взглядом смотрел куда-то поверх толпы журналистов и мыслями явно находился где-то очень далеко – может быть, головой он остался у порога в последний человеческий город. Его пальцы сами по себе шарили в карманах, как вдруг наткнулись на что-то незнакомое. Уон встрепенулся и, забыв про направленные на него камеры, вытащил из своего комбинезона странную круглую коробку с острым сколом на одном краю.

– Что это? – спросила у него Иен, стоявшая рядом. Уон пожал плечами.

– Не знаю. Я нашёл её в тоннелях под Колючими Гребнями после крушения «Суши», – Уон показал ещё не до конца зажившую ладонь. – Я подумал, что порезался об осколок, но уж больно ровный край у него был. Решил взять и посмотреть при свете, а потом забыл.

Спустя месяц во всех кинотеатрах шёл документальный фильм под названием «Сердце Суши». То, что нашёл в тоннелях Уон, оказалось плёнкой, на которую кто-то из разумных обезьян снимал панорамы земли. Потом человек – почему-то Уону казалось, что это были Изгой или Тоска, но он не мог утверждать точно – зашёл в проём в стене железного купола, за который не смогли попасть киты, и стал снимать вид изнутри. Это было поистине захватывающее зрелище: сква-

жина невозможно большого диаметра уходила вниз, и там, далеко-далеко, мигали тысячи огней на разных этажах. Камера спускалась и поднималась по лестницам вместе с человеком, снимала других людей – они были другие, не такие, как Изгой и Тоска – и даже записывала обрывки их разговоров. Всё вокруг было ржавожелезное, кирпичное и бетонное, и только иногда эту унылую картинку разбавлял свисающий откуда-то плющ. Однако было в этом городе что-то своё, что-то могущественное, фундаментальное и... *Другое.*

– Уол! Уол!

Уон ринулся вперёд и подхватил под руки ослабевшего брата. Тот покачнулся.

– Ни... Ничего... Всё в...

Уол закашлялся. Уон положил один его плавник себе на плечо и повёл навстречу спешащим к ним врачам.

– Сердце не задето, а значит, всё в порядке, – осторожно вытащив гарпун, быстро осмотрев и перевязав рану Уола, заверили всех остальных Ална и Ойлэ. – Жить будет.

Уон в гневе обернулся на берег. Разумные обезьяны, видимо, поняв, что ловить им здесь больше нечего, стали постепенно возвращаться в глубь материка, и только Изгой и Тоска всё ещё смотрели китам вслед.

– Паршивый я путешественник, да? – хрипло спросил Уол  
Уона с носилок и слабо улыбнулся. – Видишь: и меня под-



стрелили...

Уон ответил не сразу.

– Может быть, ты паршивый учитель-реалист, философ, советчик, писатель, моралист, резонёр, учёный и путешественник, зато ты самый лучший брат на свете, – ответил ему Уон на удивление серьёзно. Гул взволнованных голосов долетал до него, как сквозь вату.

– Спасибо, братец, – слабо улыбнулся Уол и закрыл глаза. Краска постепенно возвращалась на его побледневшее лицо.

– Пойдём, Уол, – Уон нетерпеливо отвернулся от берега и, не оглядываясь, поплыл вперёд. – Они не заслуживают того, чтобы мы их изучали, а уж тем более спасали.

– Не расстраивайся, Уон, – тихо и грустно сказал Уол с хриплым присвистом. Закатное солнце окрасило небо в малиновый цвет. – Эра разумных обезьян заканчивается, и начинается новая, китовая эра: эра тех, кто сможет стать умнее.